

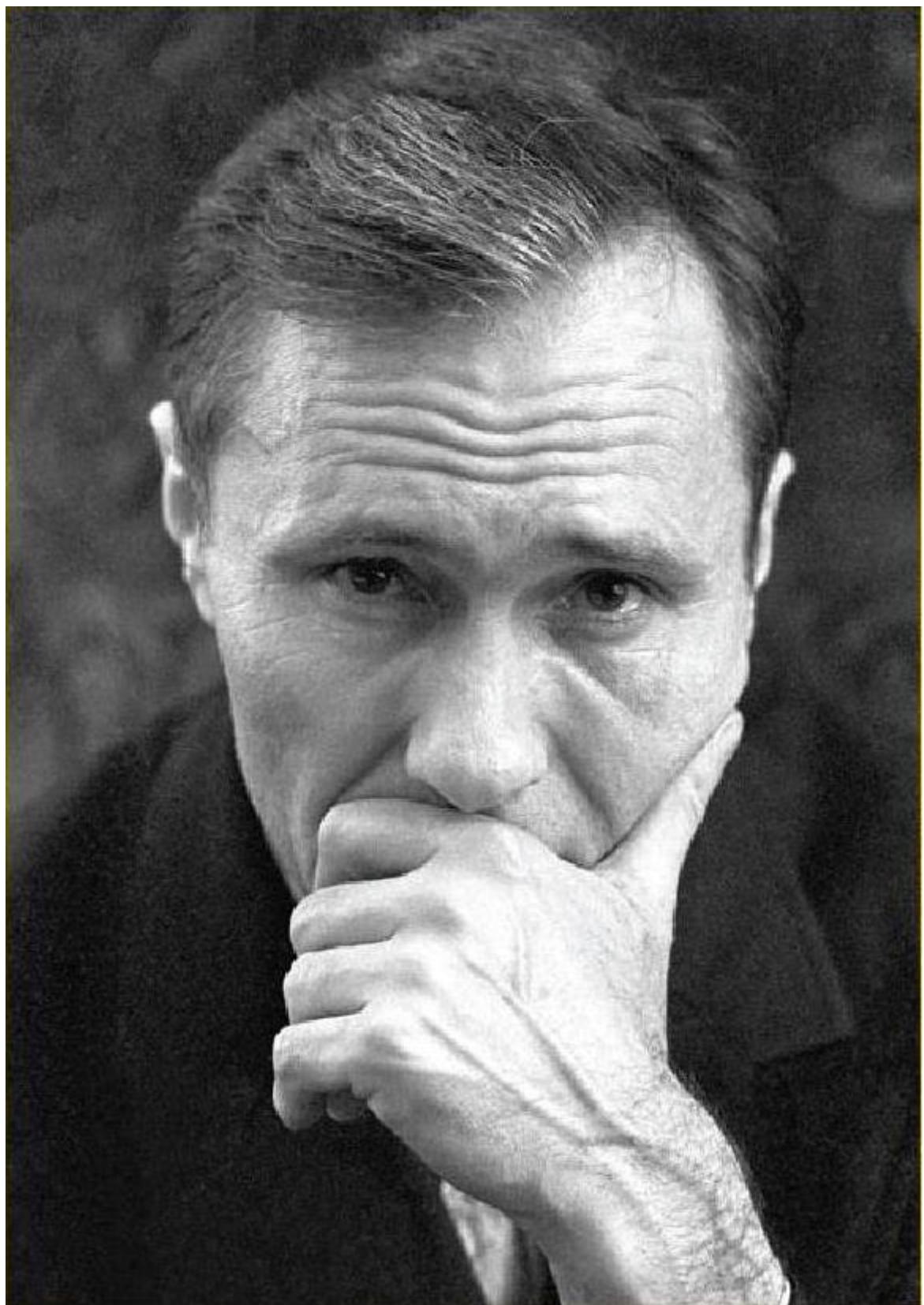
Kitap “Oka , öwret , döret” toparynyň admini Begenç Begmämmadow we Arslan Saparmyradow tarapyndan 2014-nji ýylyň noýabr aýynyň 3-ne taýýarlanyldy.

[www.vk.com/oka owren doret](http://www.vk.com/oka_owren_doret)

Wasiliý Şukşin

Görnükli rus ýazyjysy, kino režissýory hem-de aktýory Wasiliý Şukşin 1929-njy ýylda Russiýanyň Altaý ülkesinde daýhan maşgalasynda dünýä inýär. Ol bary-ýogy 45 ýyllyk ömründe döreden onlarça ajaýyp kyssa we kino eserleri bilen rus edebiýatyna hem sungatyna uly goşant goşdy. Şukşin oba durmuşyna wepalylygyny bütin döredijiliginde uly söýgi bilen görkezdi. Oba adamlarynyň sada keşbi, göwnaýyklygy onuň döredijiliginiň esasy gymmatlygyna öwrüldi. Şonuň üçin ýazyjynyň eserleri onlarça dillere terjime edilip, köp milletli okyjylaryň söýüp okaýan kitaplaryna öwrüldi.

Wasiliý Şukşin rus medeniýetinde özboluşly režissýor hem artist hökmünde-de uly yz galdyrdy. Onuň režissýorlyk etmeginde «Gyzyl kalina» atly çeper film dünýäniň millionlarça tomaşaçysynyň söýgüli eserine öwrüldi. Şeýle hem Şukşin «Şeýle ýigit ýaşayar» (1964), «Siziň ogluňyz we doganyňyz» (1965) we «Bir töwra adamlar» (1969) atly çeper filmleri döretdi.

AÝ AÝDYN GIJEDÄKI SÖHBET

Marýa Seleznyowa kiçeňräk bakjada işleýärdi welin, onda bir kesel tapdylar-da, başga işe geçmegi maslahat berdiler. «Bu ýaşdan soň indi men nädip başga işe geçýin? — diýip, ol uly alada galdy. Onuň pensiýa çykmagyna-da bary-ýogy ýyl ýarym wagt galypdy. — Başga bir hünär öwren diýmek dilde aňsat. Hünär öwrenäýmek sagyňdan çepiňe agdarynyp ýataýan ýaly däl ahyryn».

Gürleşdiler, gülüşdiler, ahyram oňa oba magazininiň garawullygyny hödürlediler. Marýa Seleznyowa oturdy, pikir etdi, oýlandy, iň soňunda-da ol işe razy boldy. Şeýdibem täze işe başlady.

Garawulam-a bolsa boldy welin, Baýew atly bir goja-da her agşam Marýanyň ýanyna gatnamagy çykardy. Baýew ömrüni kä oba sowetiniň, kä kolhoz prawleniýesiniň, kä deri edarasynyň kontorasynda işläp geçiren adamdy. Ol tutuş ömri boýy çot kakdy. Onuň kakan düwmejikleriniň baryny bir ýere ýygnasaň, uly tam ýaly boljakdygyna şübhe ýokdy. Özem gaty ümsüm adamdy. Sokulmasyz ýere sokulyp, geplemesiz ýerinde samsyklaç gepläp ýörenlerden dälidi. Oňa garamazdan, Baýewiň akyllý söz aýdan pursatyna-da gabat gelen ýokdy. Şeýdip, orta-miýana bolup, ol altmyş üç ýaşy orta atdy, iki sany gyz ýetişdirdi, oglunyň üstüne kaşaň oý dikdi. Ol ümsüm adamynyň basyrylgydygyna adamlar gaty giç düşündiler. Baýew ömrüni biderek geçirmedi, köp iş etmäge ýetişdi, durmuşynda-da kem zady ýok. Akylsyz adam däldigine soňabaka Baýewiň özem ynandy, gepinde-gürrüňinde-de akmak dälidigini syzdyryberdi. Ozallar akyllý-başly adamlary onuň sulhy almaýardy, olar bilen jedelleşmeýärdi, olaryň artykmaçdyklarynam boýun alýardy. Indi welin, ol akyllýlardanam çekinmegini goýup, ömrüniň ahyrynda, özüni barypýatan akyllý hasaplaýardy. Soňky wagtlarda Baýew ukusyzlyk derdine ýolukdy. Şonuň üçinem ol gümür-ýamyr edip, wagt geçirmek niýeti bilen magazininiň täze garawulynyň ýanyna gatnamagy çykardy.

Marýa garawulçylygyny gündiz dellekhana bolýan jaýjagazda geçirýärdi. Dellekhananyň penjiresinden magazininiň çar töweregi görünýärdi.

Gündizlerine dellekhana öwrülýänligi zerarly, ol jaýdan gijelerine-de atyr ysy burk urýardy. Hezillikdi. Hiç hili howpam ýokdy. Dumly-duşda elektrik çyrasy ýanýanlygy sebäpli daş-töwerek gündizlik ýalydy. Üstesine, ilkağşamdan Aýam ýalbyrap dogýardy. Parlak Aý gyrasyndan ýüp dakylp sallanan ýaly ýere şeýlebir golaýdy welin, hut eliňi uzadyp tutaýmalydy. Gündiz az-kem eräp, agşam sowugynyň düşmegi bilen birneme gyrypaklan gar hem Aý nurunyň astynda kümüş ýaly lowurdaýardy.

Garawulhanada çyra ýakylmaýany üçin penjireden içerik girýän şöhle diwaryň, potologyň ýüzünde oýnaýardy, dürli reňkli keşde çekýärdi, ol keşdelerem hereket edýärdi. Şeýle gözel görke girýän jaýjagazyň içinde ikiçäk oturyp gürleşmek, äpişgeden görünýän ajaýyp dünýä syn etmek, şol dünýäň içinde özüniňem bardygyňy duýmak örän ýakymlydy. Ýene daň atar, ýene täze gün başlanar. Täze

günde-de sen bolarsyň. Belkem, ertirki gün bu günküden bähbitli bolar.
Yaşamagy başarsaň, bähbitli güne-de garaşybermeli-dä.

— Adamlar nähili ýaşaýarlar diýsene. Olar diňe şu günüň aladasy bilen ýaşaýarlar. Ertiriň gamyny iýýän ýok — diýip, Baýew adamlaryň ýaşaýşyna bolan garaýşyny seljeryärdi. — Ömür diýilýän zadyň bolsa iň soňky nokady hakda-da oýlanmak gerek. Ölçeg gerek, ölçeg! — Şuny diýen Baýewiň ýüzi aladalandy, ýokarky dodagy bolsa süýnüp, tas burnuna ýetipdi, gözi çakgyň çüýüne döndi. — Akyllý adam malyny ölçäp-döküp görmän, jaý salmaga başlamaz. Hasap-hesip işinde oňa smeta diýilýär, ýagny ölçeg. Käbirleri ýorganyna görä aýak uzatman, islän ýerine elini uzadyp ýaşamak isleýär. Şeýtjek bolup, ähli zadyny orta dökýä. Beýle bol-telkiçiligem gaty uzaga gitmeýär. Otuz ýaşa çenli tarhan bolup ýaşaýa, otuzdan soňam pyrky bolýa. Ähli zady gutarýa.

Marýa ol sözleri baş atyp tassykladý. Ömrüni kontorlarda oturyp geçiren, bil agyrtmadyk, gazananyny ýygnap-düýrüp saklan, emlägi ýene azyndan ýigrimi ýyla arkaýyn ýetjek tyňkyja Baýew dogrudanam akyllý bolup göründi.

— Bir gezek men şäher keselhanasynda ýatdym. Newerow äkidip ýerleşdiripdi. Uruş döwründe ispolkomyň başlygy bolup işlän Newerowy tanaýaňmy?

— Ýadyma düşenok. Olaň haýsy birini tanajak. Her ýyl biri başlyk bolýady ahyryn.

— Wasiliý Iliç Newerow... O mahal süýt plany dolmaýardy. Plan dolmasa-da, Newerowyň iki aýagyny bir gonja sokýardylar. Döwür şeýledi. Men oň kabinetine bardym-da: «Wasiliý Iliç, plan dolmagyň syryny öwredeýinmi?» — diýdim. «Hany öwret!». «Kolhozçylar sagan suýtleriniň baryny tabşyryalarmy?». «Tabşyryýan bolsalar gerek. Näme diýjek bolýaň?». «Siz gowuja edip derňäň, süýdüň hemmesi geçýän däl bolaýmasyn».

— Baý, şonda heläk edipdiler-ä, — diýip, Marýa geçmişi ýatlady. — Sygyry sagagada, ähli süýdi geçirersiň. Zor etseň, çagajyklara bir kürüşge alyp galarsyň. Süýt plany şeýlebir agyrdy welin, akyla sygar ýaly däl.

— Sen yzyny diňle! — diýip, geçmiş ýatlalanda, öz teklibini göz önüne getiren Baýew janlandy. — «Süýdüň baryny ýygnadyňyzmy ýa ýok?». Ol bir gyzjagazy çagyrdy-da: «Hany, swodkany getir» — diýdi. Swodka seretdik. Ýygnalman galan süýt ujypsyz ekeni. «Aý, ugurly zat galmandyr-la». Men oňa: «Indi gulak as — diýýän. — Hany, ölçerip-döküp göreli. Döwlete şunça, näçedigi häzir ýadymda däl, süýt bermeli. Şeýlemi? Kolhozçylar-a baryndan beripdir. Galan süýdi nireden almaly?» Ol maňa: «Sen meň beýnime nemetme-de... ibaly maslahat ber» — diýýär. Agzy gaty hapady bidöwletiň. Men «Hany, hasaplaly» diýen manyda maglumat ýazylan kagyzy elime alýan-da: «Aýdaly, sen baş ýüz litr süýt tabşyrmaly» diýýän. — Baýew göz önüne getirýän çotunyň baş sany düwmesini hyýalynda kakyp goýberdi-de, assyrynlyk bilen Marýanyň ýüzüne seretdi. — Şeýlemi? Bu sygyrlaň süýdüniň ýaglylygy şunça prosent diýen hasapdan. — Baýew hyýaldaky çotunyň ýokarky düwmelerinden birnäçesini kakdy. — Indi seň sygyrlaň süýdüniň ýaglylygy baş ýüz litre däl-de, pesiräge erjeşýändigini aýdyňlaşýar. Şeýlelmkde ýaglylyk derejesini doly gazanmak üçin, aýdaly, baş ýüz

litre derek baş ýüz ýetmiş baş litr süýt geçirmeli. Düşünýänmi?

Marýa häzirlikçe Baýewiň hasabyndan baş çykaryp bilmeýärdi.

— Olam şol mahal seň şumatky bolşuň ýaly hiç zada düşünmän, ýüzüme mölerip seredip otyrды. «Ýaglylyk derejesini bir prosent aşak düşürseň, goşmaça süýt gazanarsyň» diýýän. Kolhozçyňa beren o süýdünü nädip döwlete geçirjek? Kagyz ýüzünde süýt bolsa, ony geçirmegiň ýagdaýy tapylýa-la. Wasiliý Iliç muňa şeýle bir begendi welin, heý goýaý ýöne! «Eden hyzmagyň üçin diliň geplän zadyny bereýin» — diýýär. Men oňa «Zat berme-de, meni şäher keselhanasyna elt-de ýerleşdiräý» — diýýän. — Ýatyp dynç alar ýaly. Äkitdi.

Döwlete süýt tabşyrmak planyny doldurmagyň bulaşyklygyndan Marýa henizem baş alyp çykyp bilmeýärdi.

— Dile düşmez ekeniň-aýt! — diýip, Baýew ýagdaýy düşündirmäge durды. — Ine, sen tabşyrmaly baş ýüz litr süýdünü geçirdiň. Saňa bolsa «Graždanka Seleznyowa, borjuňzy berjaý etmek üçin siz ýene ýetmiş baş litr süýt geçirmeli» diýýärler. Sen, elbetde, oň sebäbini sorarsyň. Men ýaly hasapdanyň biri çotuny eline alar-da: «Ynanmaýan bolsa, gel, bileje hasaplap göräýeli» diýer welin, diliňi ýuwudan ýaly bolup durarsyň-da. «Ýalňyslyk goýberilipdir. Süýdün ýaglylyk derejesi nädogry ölçelipdir. Hasapçy ýalňysypdyr. Özüm şu mahal keselhanada ýatyr...» Özün obaly bolsaň, o keselhana düşämek häzirem hyllalla. Men bolsam, şo mahallaram düşdüm oňa.

— Näme üçin keselhana düşdün? Näsaqladyňmy?

— Saňa men nädip düşündirsemkäm?... Kesellämok. Umuman kemim-ä bardy, gözüm şo ýyllaram... Zordan ýolumy aňsyryadym. Gözüm üçin meni urşa-da almandylar. Ýöne, o gezek göz üçin ýatmadym. Nädip aýtsamkam saňa... Gepiň küle ýeri, şäher keselhanasynda ýatasym geldi-dä. Jahylkamam şäher keselhanasynda ýatmagy arzuw ederdim. Ahyr amatly pursat geldi-dä... Hawa, keselhana bardym. Jygyldap duran ýaýly kerebat, päkize ýorgan-ýassyk, ak gar ýaly ýapynja, gapdaljygynda-da tompuçka... Nirede gören zadyň! Dogry, jaýda ýeke özüm däl. Menden başga-da dört sany degenek pyýada. Her haýsynyňam öz derdi bar. Biriniň eli saralgy bolsa, beýlekisiniň maňlaýy daňylgy. Bir traktorçy ýatyrды welin, arkasynyň ýary ýanaýan ekeni. Benzin döküläýse nätjek. Bolsa-da men ahyr öz maksadyma ýetdim.

— Keselsiz-dertsiz hassahanada ýatmakdan görýän peýdaň näme? — diýip, aýdylýan zatlara akyl ýetirip bilmeýän Marýa sorag berdi.

— Ullakan peýda-ha ýok welin... Näsaqlara nähili hyzmat edilişini biljek boldum. Şäher keselhanasynda ýagdan düýpden başgamyş, näsaqlara hyzmat edilişem üýtgeşikmiş diýýärdiler. Aý, men-ä üýtgeşik hyzmat görmedim. Gaýtam «Niräň agyrýar?» diýip, bizar-petiňi çykarýarlar. «Ýüregim agyrýar» diýýän. Nä seň ýüregiňi açyp görýän barmy. Endam-janymy pitikläp çykdylar, diňläp gördüler. Başaran goşlary bolmady. Keselhana, adamlar hakdaky gürrüňe biz näme üçin başladyg-a?... Hä, palata girdim. Şo pyýadalar ýatýrlar. Men adam şekilli salam

berdim-de, ornuma geçip gysardym. ýol uzak, ulagam siltäp-siltäp janymy aldy halys, uklaýsamam kem görjekgä. Ýatyp turdum welin, ýaňky haýwanlar maňa «Analiz tabşyrmaly» diýýarlar. «O nähili analiz?». «Ilk-ä baş-on damja der tabşyrmaly, soňam tezegini. Özem dokuz ýüz gram bolmaly». Elbetde, men o habara geň galdym. Ýöne...

Şu ýerde Marýa şeýlebir güldi welin, gözleri ýaşaryp gitdi. Baýewem birbada gülen boldy, soň ol gürründeşi gülüp bolýança garaşdy.

— Nätdiň onsoň? — diýip, ýaglygynyň ujy bilen gözünü süpüren Marýa sorag berdi. — Ýygnadyňmy?

— Der ýygnap başladylar, — diýip, durmuş sapagy hökmünde aýdýan gürrüňiniň gülkä öwrülmeğinden närazy bolan Baýew tutuk jogap gaýtardy. — Üstüme iki-üç sany ýorgan basdylar. Boş çüýşänem goltugymda saklamagy öwretdiler. Goltugymdan şol çüýşä der akmalymyşyn. Edýän oýunlaryny gör olaň. Özlerem näsag diýjeksiň. Jahanda şeýle aýylganç uruş gidip durka, mehanizator bolanyň sebäpli jeňden alyp galanlary üçin, bardygyňam duýdurman ýatmaly welin, olaň ýadyna oýun düşýä. Adamzadyň gurluşy şeýleräk-dä. Olar bar zady tersine edýärler. Kellä gelmejek güýmenje tapýarlar. Ertirki günün bardygynyň, ol günü nädip ýaşamalydygynyň, harç-harajatyň aladasyny edýändirler öýdýäňmi? Et nire! Beýle döwletli pikir edenlerinden, diş gyjap ýatanlaryny gowy görýärler.

Dokuz ýüz gram tezegi ýatlap Marýa ýene güldi. Baýewiň soňky asyly gürrüňlerini eşidensoň, gülmeginiň ýerliksizdigine düşünse-de, ol saklanyp bilmedi.

— Nätdiň? Onsoň ony ýygnadyňmy? — Marýa ýene gözünü süpürdi. — Meni bagyşla, Nikolaý Ferapontýewiç, özüme erk edip bilemok. Gaty gülkünç-dä. Dokuz ýüz gramy nätdiň onsoň?

— Ähli gepem biziň özüme erk edip bilmezligimizde-dä — diýen, Baýew Marýanyň özüni alyp baryşyny halamady. — Ýagşa-ýamana parh goýman ýaşayas, sebäbi özüme erk edip bilemizok. Içýäs, gezyäs, enteyäs... sebäbi, özüme erk edip bilemizok. Anha, meň giýewim maşgalasyndan aýrylyşmaga çenli baryp ýetdi. Nämemiş, özüne erk edip bilmeýämiş. Bir topar haýwan! — Baýew örän gaharlandy... — Elime pilsap alaga-da kluba baraýsam-a bilýän... «Bokurdak ýyrtmagy öwrenýäňizmi? Satanyňyzy ýirip, tans etmegi öwrenýäňizmi? Hany indi boş kelläňizi şu taýagyň aşagynda goýmagam bir öwreniň. Şeýdip men size durmuşyň nämedigini okadaýyn.» Haýwança ýok haramzadalar.

Ikisem dymdy. Marýa-ha uludan demem aldy. Sebebi, oňam gyzy bardy, oňam durmuşy bişeykeldi.

— Düzedip bolsa, oňa ýetesi zat ýok welin. Olara nädip kömek etjek?

— Kömek edip bolmaz — diýip, Baýew kesgitli gepledi. — Goý, özləri düşünişsinler. Ýene dymdylar.

Baýew kisesinden çykaran çüýşesinden bir çümmük ysgalýan temmäki aldy-da,

burnunyň deşigine taýly gezek eltdi, körjümek gözlerini gyrpyldadyp, keýp bilen yz-yzyna asgyrdy.

Temmäkili çüýsä tarap ümlän Marýa:

— Gözüňe nepi degýämi? — diýip sorady.

— Wah, şun güýji bilen yra-dara ýolumy aňsyryň. Ýogsam birçak kör bolup gitmeli ahyryn.

— Seň gözün nädip zaýa boldy? Ýogsam tohumyňyzda-da garagyndan nadyly bolmandy.

— Bolmandy... — diýip, Baýew uludan dem aldy... — Gözünden nadyly bolmandy, ýöne tohumymyzda akyllysam ýokdy. — Ol temmäki çüýsejigini kisesine saldy-da, oýa batdy. — Meni kakam pahyr nätdi? Oň edeni akyla sygjak zat däl. Mekdebe goýbermejek bolup, elinden gelenini etdi. Ýogsam men öljek okajakdym, Mekdebiň kethudasy telim gezek öýümize-de geldi. «Şunyň ýöne däl, hökman bir zat bolup çykar. Okat.» Kakama bolsa geregi meň okuwym dälde-de... Dünýäden ötenin günäsini ýatlamak gowy däl-dä. Öňünde dyza çöküp, möňňürip ýalbardym. Ähli yhlasym edil daşa damja damana döndi. «Geç otur ojak başyna, hyýal etme daşyňa.» Ana, kakam pahyryň ähli heňi soldy. Bolsa-da, gijelerine kakamdan gizlenip, alagaraňkyda kitap baryny okap çykdy. Ana onsoň, alagaraňkyda kitap okan gözün soňy ibaly bolarmy?

— O nä seň okuwyňa beýle garşy durduka?

— Ony özünden sora. Nämemiş, okuw daýhan adamyň pişesi dälmiş. Pahyr hem düşünjesizdi, hem hötjetdi. Ondan ýaňa ýüregimde ömürlük kituw galdy, Ýadyma düşýä, bende öljek bolup ýatyrka: «Kolýa, günämi öt, men seň okamagyňa..!» — diýipdi. Nämde diýmelidigi-hä bellidi welin, nä olar ýaly pursatda gaty-gaýrym söze diliň aýlanýamy. «Suw seňrikden agansoň...» — diýýän-de, öz-özünü köşeşdiren bolýan. Ýogsam meň kelläm edil täze sagat ýaly işleýädi. Goşgy dagy iki gezek okalar welin, gylyny gymyldatman ýatdan gaýtalap oturandyryn. Kelle bardy-da.

— Kakaň pahyr ahyr öz ýalňysyna düşüňip, «bagyşla» diýipdir-ä.

— Soňundan düşündem welin... «Hudaýyň haky üçin, gaýrat et-de, bir arzajyk ýazyp ber» — diýip, ýa şoňa meňzeş haýyş bilen üstüme geler durardylar. Ýumuşlaryny bitirersiň welin, aklyk diýip ýumurtgajykmy, towujakmy, käte eslije ýünmi, garaz, geler durardy. Arza ýazmak dagy meň üçin bir owurt suw içençe-de ýokdur. Mekirräk ýazmaly ýerinde mekir, ejizlemeli ýerinde gözýaş döküp, möňňürip, başga, ýokarrak ýazmaly bolsa adresini üýtgedip... Aý, garaz elimden gelýärdi-dä. Şeýdip, oňaryp ýazaýmagam her kişin işi däl. Ýazarsyň-da «Bar, işin oň bolsun!» diýip goýbärsiň. Ol bende hoş bolup gider. Ýöne, aňyrsy ýarym sagadyň içinde men bir towuk ýa jüýje gazanýanyndan habarsyz ýaly, alkys baryny ýagdyryp gider. Kakam pahyram meň mekdepde okamadyk halyma sonça eklenç edýänimi görüp, sümüginini çekip oturandyr. Özünüň günäkärdigini bilýä-dä.

Il deñinde partada oturyp okaýan dagy bolsam men dag opurjak ahyryn. Aý, bolýa-da. Şu ýagdaýyma-da şükür. Öz-özümden okap ýarym hasapçylyga, soň buhgalterlige ýetdim. Şu mahalky paňkelleleňki ýaly on ýyl dagy okadylaýan bolsam, men bu jelegaýlarda durmazdym. Wah! Aý, bolýa-da. — Baýew çyny bilen hasrat çekdi. Hatda onuň gözlerem nemlendi. Ol jaýtarylyp duran süýem barmagy bilen gözlerini süpürdi. — Indiki ökünçden peýda ýok. Geçen geçdi, bolan boldy. Ýöne, oýlanyp görýän welin, meň elime degen işleň hetdi bar-da, hasaby ýok. Baý-ba! Meni barlagçy edip, başga raýonlara-da iberýädiler. Ýat raýona gidip barýansyň, içiňden bolsa «Barjak ýerimde meň bary-ýogy üç klas bilimimiň bardygyny biläýseler nädip bor? — diýip, pikir aýlaýansyň. Ähli okanyňy jemleseňem dört ýarym aý bolýar. Özüňem derňewçi bolup barýaň.»

— Alla saňa okamaga yhlas-ha beren ekeni — diýip, Marýa gara çyny bilen gojanyň sözlerini tassyklady. — Beýle yhlas adamda nädip döreýäkä?

— Ol iniş-çykyşa düşünmekden döreýär — diýip, Baýew düşündiriş berdi. — Men asyl özümi bilelim bári barypýatan synçydym. Heniz oglanjykkam dyza ýetip duran suwa dagam giräýýädim. Ýadyňa düşýämi, obaň ýeňsesinde bir köljagaz bardy? Ramen köli diýerdiler. Şoňa girip, gazyk ýaly bolup durandyryn. Bir sagat däl, iki sagat däl. Tutuş ýarym günläp durandyryn. Özem suwuň düýbünde näme bolup geýänini seljerýändirin. Bu zatlar Hudaý tarapyn bolýan zatlar-da. Kakama galsa-ha edep-ekrama derek şelpeli şarpyk beräýmese. Boljagymdyr-da. Boljak oglan bolşundan belli diýip eşitmänmidiň?

— Şo-da. «Boljak oglan bolşundan belli» diýleni-dä. Men welin, başga iş bilen pişäm bolman, uzynly günü daşarda oýnap geçirerdim.

— Günä-de göterýän bolmagym mümkiň welin — diýip, Baýew töweregine garanjaklady-da, sesinem pessaýlatdy. — Ýatan ýeri ýagty bolmuş, ejem pahyr meni başga birinden alan bolaýmasa.

— Hudaý diýeweri! — diýip, Marýa tisingindi-de, edil Baýew ýaly töweregine garanjaklap, sesini peseltdi. — Seň ejeňmi? Anisýamy? Hudaý diý, Baýew. O pahyr beýle iş edip biljek adama çalymdaş däl. Sen kakaňa meňzeýäňem ahyryn. Sakgalsyz diýäýmeseň, jortmagrak diýäýmeseň, başga sypatlaňňa kakana meňzeýä. Agzyňy haýyr aç. Ejeň pahyr seni kimden alyp bilsin?

Baýew ýene temmäki çüýsesine ýapysdy.

— Ejem meni başga kişiden almadyk bolsa, onda men kime çekip beýle kelleli bolýamyşym? Şo ýyllar şu töwerekde amerikanlar bardy. Dagdan bir zat-ha gözleýädi özlerem. Kim bilýär. Megerem, ejem pahyr şolar bilen dagy arasyny sazlan bolaýmasa. Amerikanlar jalaýrak milletdir öz-ä...

— Onda näme sen amerikanly däl-de...

— «Duza gaçan duz bolar». Kimiň elşnde össeň, şoňa-da çalymdaş borsuň-da. Adam dagy näme, hol-ha item öz eýesine çekýär ahyryn. Günä götermek-hä gowy däl welin, ejem pahyr meni şol amerikanlylardan alandyr-la. Daýhan

tohumyndan däldegimi ýüregim syzyp dur. Ýer sürmek, ekin ekmek diýen ýaly daýhançylyk hysyrdysyny oglanlykdanam sulhum almaýady. Çakyr-şerap bilenem il däl men. — Baýew özüni daýhan neslinden däl edip görkezmäge dyrjaşa-da, içinden öz aýdanlaryna münkür bolýardy. — Oýlanyp görýän-de: «Daýhan tohumyndan bolsam, daýhançylyk gylyklary nirä ýitirim boldy menden?» — diýen netijä gelýän. Ýer depesim gelmese-de, içgini halamasamam, baýramçylyklarda-ha bir çaykanardym-da. Mellegiň-ä gyrasyndan barsam keýpim gaçýa. İçgidenem men daş. Ýöne kontorda otursam welin, keýpim uçýa...

— Kanturda oturmagy hiç kimem kem görýän däl — diýip, Marýa ýanjady. Kantur hem ýyljajyk, hem abraýly ýer.

— Kantur beýle gowy ýer bolsa, hany oturjak bol-da. Özüňem erkek adamyň etmeli işine baş goşup, uzyn gijäni garawulçylykda geçirýän. Kim saňa kanturda oturma diýýä? Bar, otur-da.

— Otur-da...

— Kanturda-da her öňýeteni oturdanoklar. Oňa-da kelle gerek, kelle. Men şo kantura gerek kelle hakda-da gürrüň edip otyryn-da. Eger men daýhan atadan dörän bolsam, kelläm ne sebäbe daýhan kellesi bolmandyr?

— O döwürde obada erkek göbekli galdymy? Çorba çykjagyny urşa çagyrdylar. Uruş...

— Uruş... — diýip, Baýew Marýanyň sözünü böldi. — Urşa gidenlerem göre-göre gelýäs. Eliňe nagan alyp, bokurdagyňy ýyrtanyň bilen kelekden kelle getirdigiň bolýamy? Bizde eýsem bokurdagyny ýyrtyp galmagal edýänler azmy? Hol Wanýa Kysany alyp gör. Oglanlykdan eli pyçakly ösdi, türmedenem gözi açylmady. Ana, şonam edermen, gahryman hasap edýärdiler...

— Tapdyň gahrymany!

— Gahryman kemi ýok. Eýsem şondan batyr adam barmy? Hany, tap-da.

— Wanýa Kysa gahryman däl, galtaman. Galtamanam galtaman bolýa. Men watan goraýan mert adamlar hakda aýdýan. Ana, Iwan Kozlow. Soldatlykdan komandirlige ýetdi. Döşi orden-mydaldan doludy. Ýadyma düşýä, hemmämiz şon suratyny görmäge ylgapdyk.

— Ol aýdýanyň dogry — diýip, Baýew iki egninden demini aldy. Ol çalasowat Marýanyň jedelde özüne taý däldegini gizlejegem bolup durmady. Onuň pikirçe, Marýanyňky ýüzleýräk gelýärdi. — Kamandir bolmak, orden dakynmak, jarkly ädik geýmek... Elbetde, olaňnam adama täsiri bardyr. Ýöne, kelläni welin hiç hili orden bilen çalşyryp bilmersiň. Aslynda bolmasa, kelle diýilýän zat näme etseňem diňe telpek üçin ýaradylan boş kädiligine galar.

Baýew bilen Marýa şeýdip gije üçe-dörde çenli gürrüň edip oturdylar, pikirleriniň deň gelen ýerem boldy, sözleriniň azaşan ýerem. Her niçigem soňy düz boldy,

tersleşmediler.

...Bir gezek Marýa bilen Baýew ýene gije üçe çenli dagy oturdylar. Baýew galanja temmäkisini ysgap, gitmäge häzirlenip durka, Marýa kimdir biriniň magaziniň eýwanyna çykyp barýanyny gördi. Ol adam magaziniň gulpuny elleşdirdi, töweregine garanjaklady. Marýa zöwwe ýerinden galdy-da:

— Ferapontyç! — diýip, ýüregi ýarylan ýaly içini çekdi. — Seret oňa!

Daşaryk sereden Baýewiňem agzy öwelip, eňegi süýnüp gitdi. Eýwana baran adam eýläk-beýläk gezmeledi, ýene gulpa elini ýetirdi. Demriň şaňňyrdysam eşidildi.

— Tüpeňle! — diýip, Baýew pessaý ses bilen Marýa ýüzlendi. — Tüpeňle. Äpişgeden güwlet-de goýber.

Marýa daşaryk seredip, gymyldaman durdy.

— Näme aňk bolup dursuň? Tüpeňle ahyryn!

— «Tüpeňle! Tüpeňle!». Janly adamyny tüpeňlämek oýun zatmy? Sen aklyňdan azaşdyňmy?

Eýwandaky adam garawulhananyň aýnasyna tarap seretdi-de, bärligine gaýdyberdi.

— Eý, Taňrym, senden medet! — diýip, Marýa pyşyrdady

— Sanalgymyz dolaýdy öýdýän.

Baýewiň-ä dilem tutuldy. Ol pyşyrdabam bilmän, «Tüpeňle» diýen manyda ýaraga tarap barmagyny çommaltdy.

Aýnanyň aňyrsyndan aýak astynda galyp owranýan garyň goýurdysy geldi. Eýwandan gaýdan adam aýak çekdi-de, penjireden içerik seretdi. Şol mahalam geleniň kimdigini tanan Marýa içini çekdi.

— Wah, bi Petka ahyryn! Petka Sibirsew! Giriber, giriber, — diýip, Marýa oňa el bulady. — Häh, köpeý ogly. Ýüregim bölek-bölek bolup ýarylarmyka öýtdüm. Muňa serhoşlykdan ýaňa gije bilen gündizi bulaşdyran adam diýerler.

Petka içerik girdi-de:

— Şu mahal gündizmi ýa gijemi? — diýip sorady.

— Mahow diýsänim! — diýip, Marýa gargyndy. — Sen magazine arak almaga gelensiň. Şeýlemi?

Petka wagtyň gündiz däl-de, gijedigine örän kynlyk bilen ynandy.

— Ýatyp galaýypdyryn.

Baýewem ahyr özüne gelip, janlandy. Ol burnuna temmäki degirdi, ýöne asgyryp bilmän, elýaglygyna sümgürindi.

— Bä, gije bilen gündizi bulaşdyrdym diýsene! İçeniňe görä şeýdip içäýseň.

Petka Sibirsew oturgyja geçdi-de kellesini gaşady.

— Gör-ä bolup ýören zatlary! — diýip, Marýa Petkanyň ýagdaýyna henizem geň galýandygyny duýdurdy. — Ýeri, ataýan bolsam näderdiň?

Petka ýüzüni galdyryp, Marýa tarap äňetdi. Ýa-ha ol Marýanyň aýdanlarynyň manysyna düşünmedi ýa-da oňa pisindem etmedi.

— Petkanyň kellesi şatlap durandyr — diýip, Baýew halys ýürekden duýgudaşlyk bildirdi. — Ah, adamlar, adamlar! — Ol ýaglygyny çykaryp dodagyna ýelmeşen temmäki owuntygyny, soňam gözünü süpürdi. — Häli, agtygym maňa kitap okap berýä. «Aleksandr Newskiý rus topragyny duşmandan halas etdi» — diýýä. Ýazyşlary erbedem däl, ýöne men ol sözleň ýekejesine-de ynanamok.

Marýa bilen Petka goja tarap üşerlişdiler.

— Asyl ynanamok — diýip, Baýew ýene bir gezek tekrarlady. — Howaýy sözler. Ýöne şol sözler üçinem ýazan adam dünýäň puluny alandyr.

— O nähili howaýy sözler? — diýip, gojanyň aýdanlaryna oňly düşünmedik Marýa geňirgendi.

— Jypydypdyr-da. Nä ýalan sözleýän gytmý?

— Ol taryhy hakykat ahyryn — diýip, Petka-da söze goşuldy. — Taryhy ýazýan adamlar asyl ýalan sözläp bilmez. Ýöne bolan wakany birneme owadanlamaklary mümkin.

— Olar ýaly taryh hakykat bolanok... Newskiý kime syrtyny diräp, rus topragyny gorapdyr? Seň ýalylaramy?

Petka ýene gojaň ýüzüne çişerildi, ýöne sesini çykarmady.

— Şu mahal dumly-duşdan gulagyňyza guýup, akyl öwretjek bolup, azar edilende-de, sizi terbiýeläp bolanok. O mahallar dagy bular ýaly terbiýe berýän barmydy?

Petka kiselerini sermeşdirip, çilim gözledi. Ýöne ol ne çilim tapdy, ne-de otluçöp, ahyram ýaşula:

— Gazete ýaz-da, taryhyň ýalňyşyny çykar — diýip, ýerinden turdy.

Marýa bilen Baýew äpişgeden Petkanyň yzyndan seretdiler. Ýaş ýigidiň aýagynyň astynda galan doň gar owranyp, üýtgeşik ses edýärdi. Ol ses Petka magaziniň gapdalyndan aýlanyp, gözden ýitensoňam eşidildi durdy.

— Megerem, olar bu gün toý edýändirler — diýip, Marýa öňürti gepledi. — Petkaň aýal dogany nemä... o tükä äre çykýar ahyryn. Kim-ä ol? Adyny tapsana. Agronom aýalyň yzyndan gelen doganynyň ady nämedir-ä? Tapsana...— Men näbileýin oň adyny. Bilesimem gelip duranok. Bir topar ýygynydan ýygnananyň haýsy biriniň adyny bileýin men. — Baýew özüniň ýadawlygyny duýdy, aýagam gurşdumy-nämemi, doňan ýaly boldy. Petkaly wakadan ol gorkmanam durman ekeni.

— Gije bilen gündizi bulaşdyryp... Heý, o derejä ýetinjäňem bir içmek bormy?..

— Gije-de süýt ýaly ýagty. Ukudan oýanyp, daş çykandyr-da, ýagty bolansoň magazine gaýdyberendir.

— Nä Gün bilen Aýy tanamaýamyşmy?

Marýa güldi.

— Köpräk içendir-dä.

Baýewiň içinde bir jugurdy peýda boldy. Ol derrew temmäki gutujygynyň agzyny ýapdy-da ýerinden turdy.

— Men gideýin. Sag otur.

— Sag bol, Ferapontyç. Ertirem gelgin. Men ertir kartoşka-da getirjek. Oda gömüp iýeris. Gelgin.

— Iýeris, hökman iýeris — diýen, Baýew tizräk jaýdan çykmak bilen boldy.

Marýa Baýewiň meýdançany kesip, köçä geçişini synlap durdy. Aýagynyň burnuna garaýan goja howlukmaç gidip barýardy. Onuňam aýagynyň astynda galan garlar owranyp, ses edýärdi. Ýöne Petkanyň aýagynyň astyndaky ýaly onçakly şatyrdamaýardy. Sebäbi Baýew keçe ädiklidi.

Töwerek şeýlebir ýagty, şeýlebir ümsümlik, şeýle bir nuranady welin, ol gözellige gowy edip üns berseň, öz-özüň birhili boluberýärdiň. Tolgunýardyň. Aşakdan bir ýerden dörän gyzgyn çümşüldi ýüregiňe tarap ýönelýän ýaly bolýardy-da, çekgäň çalarak titreyärdi. Gulagyňda bolsa, beýnä baryp urýan ganyň sarsgyny ýaňlanýardy. Bar bolan waka şol. Jahanda şol sesden, şol sarsgyndan gaýry zat ýokdur hemem ýüpden asylyp, sallanyp duran Aý bardyr.

1972 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Беседы при ясной луне

Марья Селезнева работала в детсадишке, но у нее нашли какие-то палочки и сказали, чтоб она переквалифицировалась.

— Куда я переквалифицируюсь-то? — горько спросила Марья. Ей до пенсии оставалось полтора года. — Легко сказать — переквалифицируюсь... Что я, боров, что ли, — с боку на бок переваливаться? — Она поняла это «переквалифицируюсь» как шутку, как «перевались на другой бок».

Ну, посмеялись над Марьей... И предложили ей сторожить сельмаг. Марья подумала и согласилась.

И стала она сторожить сельмаг.

И повадился к ней ночами ходить старик Баев. Баев всю свою жизнь проторчал в конторе — то в сельсовете, то в заготпушнине, то в колхозном правлении, — все кидал и кидал эти кругляшки на счетах, за целую жизнь, наверно, накидал их с большой дом. Незаметный был человек, никогда не высовывался вперед, ни одной громкой глупости не выкинул, но и никакого умного колена тоже не загнул за целую жизнь. Так средним шажком отшагал шестьдесят три годочка, и был таков. Двух дочерей вырастил, сына, домик оборудовал крестовый... К концу-то огляделись — да он умница, этот Баев! Смотри-ка, прожил себе и не охнул, и все успел, и все ладно и хорошо. Баев и сам поверил, что он, пожалуй, и впрямь мужик с головой, и стал намекать в разговорах, что он — умница. Этих умниц, умников он всю жизнь не любил, никогда с ними не спорил, спокойно признавал их всяческое превосходство, но вот теперь и у него выиграло ретивое — теперь как-то это стало не опасно, и он запоздало, но упорно повел дело к тому, что он — редкого ума человек.

Последнее время Баева мучила бессонница, и он повадился ходить к сторожке Марье — разговаривать.

Марья сидела ночью в парикмахерской, то есть днем это была парикмахерская, а ночью там сидела Марья: из окон весь сельмаг виден.

В избушке, где была парикмахерская, едко, застояло пахло одеколоном, было тепло и как-то очень уютно. И не страшно. Вся площадь между сельмагом и избушкой залита светом; а ночи стояли лунные. Ночи стояли дивные: луну точно на веревке спускали сверху — такая она была близкая, большая. Днем снежок уже подтаивал, а к ночи все стекленело и нестерпимо, поддельно как-то блестело в голубом распахнутом свете. В избушке лампочку не включали, только по стенам и потолку играли пятна света — топился камелек. И быстротечные эти светлые лики сплетались, расплетались, качались и трепетали. И так хорошо было сидеть и беседовать в этом узорчатом качающемся мирке, так славно чувствовать, что жизнь за окнами — большая и ты тоже есть в ней. И придет завтра день, а ты — и в нем тоже есть, и что-нибудь, может, хорошее возьмет да случится. Если умно жить, можно и на хорошее надеяться.

— Люди, они ведь как — сегодняшним днем живут, — рассуждал Баев. — А жизнь надо всю на прострел брать.

Смета!.. — Баев делал выразительное лицо, при этом верхняя губа его уползала куда-то к носу, а глаза узились щелками — так и казалось, что он сейчас скажет: «сево?» — Смета! Какой же умный хозяин примется рубить дом, если заранее не прикинет, сколько у него есть чего. В учетном деле и называется — смета. А то ведь как: вот размахнулся на крестовый дом — широко жить собрался, а умишка, глядишь, на пятистенки едва-едва. Просадит силенки до тридцати годов, на шумит, наорется, а дальше — пшик.

Марья согласно кивала головой. И правда, казалось, умница Баев, сидючи в конторах, не тратил силы, а копил их всю жизнь — такой он был теперь сытенький, кругленький, нацеленный еще на двадцать лет осмеченной жизни.

— Больно шустрые! Я как-то лежал в горбольнице... меня тогда Неверов отвез, председателем исполкома был в войну у нас, не помнишь?

— Нет. Их тут перебывало...

— Неверов, Василий Ильич. А тогда что. С молокопоставками не управились — ему хоть это... хоть живым в могилу зарывайся. Я один раз пришел к нему в кабинет, говорю: «Василий Ильич, хотите, научу, как с молокопоставками-то?» — «Ну-ка», — говорит. «У нас, мол, колхозники-то все вытаскали?» — «Вроде все, — говорит. — А что?» Я говорю: «Вы проверьте, проверьте — все вытаскали?»

— Ох, тада и таска-али! — вспомнила Марья. — Бывало, подоишь — и все отнесешь. Ребятишкам по кружке нальешь, остальное — на молококанку. Да ведь планы-то какие были... безобразные!

— Ты вот слушай! — оживился Баев при воспоминании о давнем своем изобретательном поступке.

«Все, мол, вытаскали-то? Или нет?» — Он вызвал девку. «Принеси, — говорит, — сводки». Посмотрели: почти все, ерунда осталась. «Ну вот, — говорит, — почти все». — «Теперь так, — это я-то ему, — давайте рассуждать: госпоставки недостает столько-то, не помню сейчас сколько. Так? Колхозники свое почти все вытаскали... Где молоко брать?» Он мне: «Ты, — говорит, — мне мозги не... того, говори дело!» Матерщинник был несусветный. Я беру счеты в руки: давайте, мол, считать. Допустим, ты должна сдать на молококанку пятьсот литров. — Баев откинул воображаемых пять кругляшек на воображаемых счетах, посмотрел терпеливо и снисходительно на Марью. — Так? Это из расчета, что процент жирности молока у твоей коровы — такой-то. — Баев еще несколько кругляшек воображаемых сбросил, чуть выше прежних. — Но вот выясняется, что у твоей коровы жирность не такая, какая тянула на пятьсот литров, а ниже. Понимаешь? Тогда тебе уже не пятьсот литров надо отнести, а пятьсот семьдесят пять, допустим. Сообразила?

Марья не сообразила пока.

— Вот и он тогда так: хлопает на меня глазами — не пойму, мол. Снимайте, говорю, один процент жирности у всех — будет дополнительное молоко. А вы это молоко, с колхозников-то, как госпоставки пустите. Было бы молоко, в бумагах его как хошь можно провести. Ох, и обрадовался же он тогда. Проси, говорит, что хочешь! Я говорю: отвези меня в городскую больницу — полежать. Отвез.

Марья все никак не могла уразуметь, как это они тогда вышли из положения с госпоставками-то.

— Да господи! — воскликнул Баев. — Вот ты оттаскала свои пятьсот литров, потом тебе говорят: за тобой, гражданка Селезнева, еще семьдесят пять литров. Ты, конечно, — как это так? А какой-нибудь такой же, вроде

меня, со счетиками: давайте считать вместе... Вышла, мол, ошибка с жирностью. Работник, мол, недоглядел... А я – в горбольнице. С сельской местности-то туда и сейчас не очень берут. А я вот когда попал! – А чего?... Заболел, што ли?

– Как тебе сказать... Нет. Недостаток-то у меня был: глаза-то и тогда уж... Почти слепой был. Из-за того и на войну не взяли. Но лег я не потому, а... как это выразиться... Охота было в горбольнице полежать. Помню, ишо молодой был, а все думал: как же бы мне устроиться в горбольнице полежать? А тут случай-то и подвернулся. Да. Приехал я, мне, значит, коечку, чистенько все, простынки, тумбочка возле койки... В палате ишо пять гавриков лежат, у кого что: один с рукой, один с башкой забинтованной, один тракторист лежал – полспины выгорело, бензин где-то загорелся, он угодил туда. Та-ак. Ну, ладно, думаю, желание мое исполняется.

– Дак чего, просто вот полежать, и все? – никак не могла взять в толк Марья.

– Все. Ну-ка, как это тут, думаю, будут ухаживать за мной? Слыхал, что уход там какой-то особенный. Ну, никакого такого ухода я там не обнаружил – больше интересуются: «Что болит? Где болит?» Сердце, говорю, болит – иди, доберись до него. Всего обстукали, обслушали, а толку никакого. Но я к чему про горбольницу-то: про людей-то мы заговорили... Пришел, значит, я в палату, лежат эти козлы... Я им по-хорошему:

«Здравствуйте, мол, ребята!» И прилег с дороги-то соснуть малость: дорога-то дальняя, в телеге-то натрясло. Сосну, думаю, малость. Поспал, значит, мне эти козлы говорят: «Надо анализы собирать». – «Какие анализы?» – «Калу, – говорят, – девятьсот грамм и поту пузырек». Я удивился, конечно, но...

Тут Марью пробрал такой смех, что она досмеялась до слез. Баев тоже сперва хмыкнул, но потом строго ждал, когда она отсмеется.

– Ну и как? – спросила Марья, вытирая глаза концом полушалка. – Собрал?

– Стали сперва собирать пот, – продолжал Баев, недовольный, что из рассказа вышла одна комедия: он вознамерился извлечь из него поучительный вывод. – Укрыли меня одеялами, два матраса навалили сверху, а пузырек велели под мышку зажать – туда, мол, пот будет капать. Ить вот рассудок-то у людей: хворают, называется! Ить подумали бы: идет такая страшная война, их, как механизаторов, на броне пока держут, тут надо прижухнуться и помалкивать, вроде тебя и на свете-то нету. Нет, они начинают выдумывать черт-те чего. Думает он, лежит, что у него – жизнь предстоит, что надо ее как-то распланировать, подсчитать все наличные ресурсы, как говорится?... Что ты! Он зубы свои оскалит и будет лучше ржать лежать, чем задумается.

Марья вспомнила про девятьсот граммов кала и опять захохотала. И понимала, что после таких серьезных слов Баева не надо бы смеяться, но не могла сдержаться.

– Дак, а как... с этим-то?... Собрал, что ли? – Вытерла опять глаза. – Не могу ничего с собой сделать, ты уж прости меня, Николай Ферапонтыч, шибко смешно. Собрал девятьсот грамм-то?

– Вот то-то и оно – ничего сделать с собой не можем, – обиделся Баев. – Живем безалаберно – ничего с собой сделать не можем; пьем-гуляем – ничего с собой сделать не можем; блуд совершаем – опять ничего с собой сделать не можем. У меня зять вон до развода дело довел, гад зубастый: тоже ничего с собой сделать не может. Кобели. Поганки. – Баев по-живому обозлился. – Взял бы кол хороший, пошел бы в клуб ихний – да колом бы, колом бы всех подряд. Ржать научились? Ногами дрыгать научились?... Теперь подставляй башку, я тебя жизни обучать буду! Козлы.

Посидели молча. Марья даже вздохнула: у самой тоже была дочь, и у той тоже семейная жизнь не ладилась.

– А как вот им поможешь? – сказала она. – И рад бы душой – помочь, а как?

– Никак, – резко сказал Баев. – Пускай сами разбираются.

Опять замолчали.

Баев достал флакон с нюхательным табаком, пошумел ноздрями – одной, другой, – поморгал подслеповатыми маленькими глазами и сладостно чихнул в платок.

– Помогает глазам-то? – спросила Марья, кивнув на пузырек с табаком.

– Не он бы, так давно бы уж ослеп. Им только и держусь.

– Где ж ты так глаза-то испортил? У вас, однако, в роду все зрячие были.

– Зрячие... – вздохнул Баев. – Все зрячие, да не все умные. – Баев спрятал пузырек в карман, помолчал задумчиво. – Что он, покойный родитель мой, делал со мной – это же ни пером описать, ни... как там говорится?... Уму непостижимо, что он вытворял, чтоб я только в школу не ходил. А мне страсть как учиться хотелось. Тада же ишо приходская школа-то была... Батюшка-то к родителю ходил: способный, мол, парнишка, пускай ходит. Ну! Родителю моему только... Грех помянуть нехорошо, но и... тоже... Как я только ни просил: в ногах у него валялся, ревмя ревел – отпустите в школу! Закинет пимы на полати, и все. Сиди за печью, гложи ногу овечью – вот весь сказ родительский. Эх-х!... – Баев еще помолчал горестно. – Дак я, когда все поснут, лучинку зажгу, бывало, в уголок на печке забьюсь да по складам читаю. Да по всей ноченьке так-то – вот они, глаза-то, и сели.

– Дак, а чего уж он так?

– А спроси его! Не мужицкое дело, мол... Темен был, упрям. Всю жизнь я на него сердце держал. Помирал, помню: «Прости, Коля, учиться тебе препятствовал...» И вот знаю, как полагается говорить в таких случаях, а язык не поворачивается. «Ладно, – говорю, – чего теперь?» Вот как душа затвердела! А потому что – обидно. Я же какой башковитый-то был! Бывало, стишок два раза прочитаю и тут же его отбарабаню без запинки.

– А понимал же потом-то – вишь, «прости» говорил.

– Да потом-то... Ко мне, бывало, придут: «Напиши, ради Христа, прошение», или еще чего, ну курочку несут или яиц десяток, а то шерсти... фунта два... Я сяду – мне плевое дело прошение-то составить: где заострил, где подсушил, где на жалость упор сделаешь, а где намекнешь про другие инстанции... Тут целая наука тоже. Вот поставишь. «На, хлопочи, ехай». Человек и радешенек. И того не заметил, что я за какой-нибудь час курицу заработал. А родитель-то видит, конечно, сопит – чет вину свою. Эх ты, думаю, а дал бы мне учиться-то, да я бы... Ладно. Рази бы тут курочками пахло! Ведь это я самоучкой уж достиг – счетоводом-то,

потом бухгалтером. А поучи-ка меня годов десять, как этих лоботрясов нынче, да я бы... не знаю. Эх-х! Ладно. – Баеву правда было горько, у него даже глаза слезились, он утирал их согнутым указательным пальцем. – Чего теперь. Обидно, конечно... Ведь вот сейчас уже дело прошлое – ты подумай только, какие я дела пропускал через свои руки! Ведь меня ревизором в другие районы посылали! Еду, бывало, и думаю: знали бы они, что у меня всего-то полтора класса ЦПШ, как у нас шутил один: церковно-приходской школы. Полторы зимы побегал всего-то, а вы меня – на других ревизором! Молчал уж...

– А ведь вот дал же бог такое стремление – учиться! – неподдельно уважительно заметила Марья. – Откуда бы такое стремление?

– Наблюдательность, – пояснил Баев. – Я вот, как себя помню, всегда был очень наблюдательный. Ишо карапуз был, а, бывало, зайду по колена в воду – озерко за деревней было, помнишь? Раменское называлось – залезу и стою. По полдню торчал неподвижно – наблюдал, чего в воде происходит. Это уж от бога. Это уж не от людей. От родителя моего я мог только пинка получить вместо совета разумного.

– Надо же, – с уважением опять сказала Марья. – А мне вот – хоть бы что! Больше играть любила на улице. По целым дням, бывало, не загонялась!

– Я уж, грешным делом, думаю... – Баев даже оглянулся и заговорил тише: – Я уж думаю: не приспала ли меня мать-покойница с кем другим?

– Господь с тобой! – воскликнула Марья, но тоже негромко воскликнула и тоже чуть было не оглянулась. – Тетка Анисья-то! Да ты что, Ферапонтыч... Господи! Да ты и похожий-то на отца. Только ты посытей да без бороды, а так-то... Да что ты, бог с тобой! Да с кем же она могла?

– Ну!.. – Баев полез опять за пузырьком. – А в кого я такой башковитый? Я вот думаю: мериканцы-то у нас тада рылись – искали чего-то в горах... Шут его знает! Они же... это... народишко верткий.

– Дак, а похож-то?

– Ну!.. Похож! Потришь с малых лет возле человека – будешь похож. Собака вон на хозяина и то становится похожая, а человек-то... Шут его знает! Может, и грех на душу беру. Но шибко уж у нас с им...

противоположные взгляды. Вот чую сердцем: не крестьянского я замеса. Сроду меня не тянуло пахать или там сеять... – ни к какой крестьянской работе. И к вину никогда не манило. – Баев не то что оголтело утверждал, что он не крестьянского рода, а скорей размышлял и сомневался. – Ведь если так-то подумать: куда же это все во мне подевалось? Должен же я стремиться землю иметь или там... буянить на праздники. Нет! В огороде своем копать не люблю! Вот в конторе посиживать, это по мне...

– Дак оно бы и все-то так посиживали – в тепле да на почете, – вставила Марья.

– Садись! – воскликнул с сердцем Баев. – Чего ж ты тут вместо мужика торчишь ночами? Садись в контору и посиживай.

– Посиживай...

– Во-от! Голову надо иметь? Вот я про голову и говорю. Откуда она у меня, у крестьянского выходца?

– Ну что же, уж из мужиков и людей больших не было? Вон в войну...

– В войну-у! – перебил Баев. – С наганами-то бегать да горло драть – это ишо не самая великая мудрость. Мало у нас их было, горлопанов! Одного Ваню Кысу возьми... С малолетства на ножах ходил. Из тюрьмы не вылезал, сердешный. А тоже – храбрец из храбрецов считался...

– Ну сравнил!

– Ну а как же? Уж куда храбрее Кысы-то?.. Был ли кто?

– Кыса – разбойник. Разбойник, он разбойник и есть. Я про хороших мужиков говорю. Вон Иван Козлов... Был простой солдат, а стал командиром. Орденов сколько, фотокарточку тада присылал, мы всей деревней смотреть бегали.

– Это... все так, – вздохнул Баев. Он не скрывал, что не ровня ему полуграмотная Марья – спорить, неглубоко берет баба своим рассудком. – Конечно, командир, ордена... трень-брень, сапоги со скрипом... Это все воздействует. Но все же голову никакими орденами не заменишь. Или уж она есть, или... так – куда шапку надевают.

Так беседовали Баев с Марьей. Часов до трех, до четырех засиживались. Кое в чем не соглашались, случалось, горячились, но расставались мирно. Баев уходил через площадь – наискосок – домой, а Марья устраивалась на диван и спала до рассвета спокойно. А потом – день шумливый, суетной, бестолковый... И опять опускалась на землю ясная ночь, и охота было опять поговорить, подумать, повспоминать – испытать некую тихую, едва уловимую радость бытия.

...Как-то досиделись они, Баев с Марьей, часов до трех тоже, Баев собрался уже уходить, закладывал в нос последнюю порцию душистого – с валерьяновыми каплями – табаку, и тут увидела Марья, как на крыльцо сельмага всходит какой-то человек... Взошел, потрогал замок и огляделся. Марья так и приросла к стулу.

– Ферапонтыч, – выдохнула она с ужасом, – гляди-ка!

Баев всмотрелся, и у него тоже от страха лицо вытянулось.

Человек на крыльце потоптался, опять потрогал замок... Слышно звякнуло железо.

– Стреляй! – тихо крикнул Баев Марье. – Стреляй!.. Через окно прямо!

Марья не шевелилась. Смотрела в окно.

– Стреляй! – опять велел Баев.

– Да как я?! В живого человека... «Стреляй»! Как?! Ты што?

Человек на крыльце поглядел на окна избушки, сошел с крыльца и направился напрямик к ним.

– Царица небесная, матушка, – зашептала Марья, – конец наступает. Прими, господи, душеньку мою грешную...

А Баев даже и шептать не мог, а только показывал пальцем на ружье и на окно – стреляй, дескать.

Шаги громко захрустели под окнами... Человек остановился, заглянул в окно. И тут Марья узнала его.

Вскричала радостно:

– Да ведь Петька это! Петька Сибирцев!

– А чего это никого нет-то? – спросил Петька Сибирцев.

– Заходи, заходи! – помахала рукой Марья. – Вот гад-то подколодный! Я думала, у меня сейчас разрыв сердца будет. Вот черт-то полуношный! Он, наверно, с похмелья день с ночью перепутал.

Вошел Петька.

– Сейчас что, ночь, что ли? – спросил он.

– Вот идиот-то! – опять ругнулась Марья. – А ты что, за четвертинкой в сельмаг?

Петька с удивлением и горечью постигал, что теперь – ночь.

– Заспал...

Баев пришел наконец в движение, нюхнул раз-другой, не чихнул, а высморкался громко в платок.

– Да-а, – сказал он. – Пить, так уж пить – чтоб уж и время потерять: где день, где ночь.

Петька Сибирцев сел на скамеечку, потрогал голову.

– Ну надо же! – все изумлялась Марья. – А если б я стрельнула?

Петька поднял голову, посмотрел на Марью – то ли не понял, что она сказала, то ли не придавал значения ее словам.

– У него голова болит, – с сердцем посочувствовал Баев. – Эх-х... Жители! – Баев стряхнул платком табачную пыль с губ, вытер глаза. – Мне сейчас внучка книжку читает: Александр Невский землю русскую защищал... Написано хорошо, но только я ни одному слову не верю там.

Марья и Петька посмотрели на старика.

– Не верю! – еще раз с силой сказал Баев. – Выдумал... и получил хорошие деньги.

– Как это? – не поняла Марья.

– Наврал, как! Не врут, что ли?

– Это же исторический факт, – сказал Петька. – Как это он мог наврать? Конечно, он, наверно, приукрасил, но это же было.

– Не было.

– Вот как! – Петька качнул больной головой. – Хм...

– С кем это он защищал-то ее? Вот с такими вот воинами, вроде тебя?

Петька опять посмотрел на старика... Но смолчал.

– Если уж сейчас с вами ничего сделать не могут – со всех концов вас воспитывают да развивают... борются всячески, – то где же тогда было набраться сознания?

Петька похлопал по карманам – искал курево, но не обнаружил ни папирос, ни спичек.

– Пиши в газету, – посоветовал он. – Опровергай.

И встал и пошел вон из избышки.

Марья и Баев смотрели в окно, как шел Петька. Под ногами парня звонко хрустело льдистое стекло ночной заморзы, и некоторое время шаги его еще сухо шуршали, когда уж он свернул за угол, за сельмаг.

– У их, наверно, свадьба, – сказала Марья. – Сестра-то Петькина за этого вышла... за этого... Как его? Брат-то к агрономше приехал... Как его?

– Черт их теперь знает. И знать не хочу... Сброд всякий. – Баев почувствовал, что он весь вдруг ослаб, ноги особенно – как ватные сделались. Все же испугался он сильно. – Надо же так пить, чтобы день с ночью перепутать!

– Они, ночи-то, вон какие светлые. Наверно, соскочил со сна-то – видит, светло, и дунул в сельмаг.

– Это ж... он и солнце с луной спутал?

Марья засмеялась:

– Видно, гуляют крепко.

В животе у Баева затревожилось, он скоренько завинтил флакончик с табаком, спрятал его в карман, поднялся.

– Пойду. Спокойно тебе дежурить.

– Будь здоров, Ферапонтыч. Приходи завтра, я завтра картошки принесу – напеку.

– Напеку, напеку, – сказал Баев. И поскорей вышел.

Марья видела, как и он тоже пересек площадь и удалился в улицу. Шел он, поторапливался, смотрел себе под ноги. И под его ногами тоже похрустывал ледок, но мягко – Баев был в валенках.

А такая была ясность кругом, такая была тишина и ясность, что как-то даже не по себе маленько, если всмотреться и вслушаться. Непокойно как-то. В груди что-то такое... Как будто подкатит что-то горячее к сердцу снизу и в виски мягко стукнет. И в ушах толчками пошумит кровь. И все, и больше ничего на земле не слышно. И висит на веревке луна.

OBALYLAR

«Hany, eje, «Garry-gaýrat» diýenlerini edäge-de, gaýt. Hem-ä Moskwany görersiň, hemem... ýol harjyňy özüň ibäriň. Ýöne, samolýotly gaýtgyň. Şeýtseň arzan düşer. Haçan gelyäniňi bilerim ýalam telegramma ber. Iň esasam — gorkaklyk etmeseň bor».

Malanýa garry ol sözleri okady-da, gataňsy dodaklaryny üşlewük ýaly edip, bir ýere ýygnap oýa batdy.

— Pawel-hä çagyryýar — diýibem, äýneginiň üstaşyry Şurige seretdi. (Şurik Malanýa enäniň ýegenidi. Garrynyň gyzynyň durmuşam oňup ötägitmändi ol üçünji gezek äre çykmary boldy. Şonuň üçinem ol gyzynyň durmuşy neneň-niçik bolýança Şurigi öz ýanynda saklamakçydy. Kempir Şurigi ýürekden gowy görýänem bolsa, örän berk tutýardy).

Şurik stol başynda oturyp, sapaklaryna taýynlyk görýärdi. Mamasynyň ýaňky aýdan sözlerine bolsa: «Çagyrylýan bolsaň, git-dä» diýen manyda, egnini silkip jogap gaýtardy.

— Okuwyňdan haçan rugsat berilýär? — diýip, garry haýbat bilen sorady.

Şurik gulaklaryny üşertdi.

— Haýsy rugsat hakda sorayaň? Gyşkymy?

— Ýogsam näme? Tomusky diýýändir öýtdüňmi?

— Gyşky rugsat birinji ýanwardan berilýär. Ony näme üçin sorayaň?

Ýene dodaklaryny üşlewüğe öwren garry oýlandy.

Şurik welin, begençden hem tolgunmakdan ýaña ýüregi gürsüldäp:

— Ony näme üçin soradyň? — diýip, öňki aýdan sözlerini ýene bir gezek gaýtalady.

— Hiç zat üçinem soramok. Kitabyňy okaber. Alym bol.

Garry elindäki haty öňlüginiň kisesine saldy-da, geýnip öýden çykdy.

Şurik mamasynyň nirä gidýänini bilmek üçin haýdap aýnanyň öňüne bardy. Malanýa ene howlynyň derwezesiniň alkymynda goňşusyna sataşyp, geplemäge durdy.

— Pawel-hä Moskwa myhmançylyga çagyryýandyr welin... Dogrumy aýtsam, näme etjegimem bilemok. «Gel» diýipdir. «Seni göresim gelýä» diýipdir.

Goňşy aýal bir zatlar diýişdirdi. Ýöne, Şurik onuň aýdanlaryny eşidip bilmedi. Malanýa ene welin, gaty ses bilen:

— Özüň bilýäň, gitmelem, gidibem biljek — diýdi. — Suratlaryna seredenimi hasap etmeseň, henize çenli agtyklammam-a göremok. Ýöne, gaty gorkýan.

Olaryň ýanyna başga-da bir aýal gelip durdy. Soň ýene biri geldi, soň ýene biri... Az salymdan soň garrynyň töweregine esli märeke üýşdi. Malanýa garry öňki

aýdanlaryny gaýtalap-gaýtalap heçjikledi.

— Pawel-hä meni Moskwa myhmançylyga çagyýar. Çynymy aýtsam, nätjegimem bilemok...

Aýallaryň barynyňam oňa diňe gitmegi maslahat berýändigini bildirip durdy.

Şurik elini kisesine sokup, edil mamasynyňky ýaly pikir hem alada bilen jaýyň içinde gezmelemäge başlady. Onuň ýüzüne arzuw alamaty çäýylypdy. Umuman, Şurik arryklygy, süňklekligi, kiçijikden akyllý gözleri bilen mamasyna meňzeýärdem. Emma häsiýetlerine seretseň welin, olar bir-birinden düýpden tapawutlanýardy. Malanýa garry gallawdy, galmagalçyrakdy, ähli zada ýetişjek bolýardy. Şurikde-de köpe ýetjek bolmak gylygy bardy, ýöne samsyklaç diýen ýaly utanjaňdy, sadady, öýkelekdi.

Agşamara mamasyny bilen ýegeni Moskwa telegramma ýazmaga oturdylar. Garrynyň aýdanlaryny Şurik kagyza geçirdi.

— «Eziz oglum, Paşa. Maňa bu ýaşdan soň uzak ýola atlanmak ýeňil düşmese-de, sen çagyrsaň barmaly borun...»

— Aldyň-ow! — diýip, Şurik mamasynyň ýüzüne seretdi. — Beýdibem bir telegramma ýazarlarmy?

— Eýsem nädip ýazylýamyşyn?

— Barýas. Nokat. Ýa-da: Täze ýyldan soň bararys. Nokat. Ejeň diýip gol çekersiň. Wessalam.

Agtygynyň sözlerine garry birmeme kemsindi.

— Özüňem ýene altynjy klasda okaýan diýjeksiň. Kelläňem edil boş kädi ýaly. Birmeme akyllanjak bolmaly.

Şurige-de mamasynyň gepi ýakmady.

— Men-ä näme diýseň ýazaýaryn welin... Beýdip ýazsak näçe pul gitjegini bilýäňmi? Köne puluň ýigrimi manady dagy gerek bor.

Garry dodagyny üşlewüğe öwürup, oýa batdy.

— Telegramma hakda men käbir adamlar bilen maslahatlaşyp gördüm. Aýdylanyny ýazyber.

Şurik ruçkasyny gapdala taşlady.

— Men-ä beýdip ýazyp biljekgäl. Seň eden maslahatyň kime gerek. Bular ýaly telegramma ýazyp, poçta barsak, üstümüzden gülerler.

— Näme aýdylsa, şonam ýaz! — diýip, garry buýruk berdi. — Öz eziz oglumdan pul gysganarynmy? Onda-da köne puluň ýigrimi manadyny!

Ruçasyny gaýdyp alan Şurik ýüzüni kürşertdi-de, kagyzyň üstüne egildi.

— «Eziz oglum, Paşa! Moskwa gitmek barada men goňşulam bilen maslahatlaşyp gördüm. Hemmesem git diýýä. Elbetde, bu ýaşdan soň ýaýdanmanam duramok...»

— Ýazdyrsaň ýazdyryber, bular ýalyjak sözleňni poçtada derrew üýtgederler.

— Üýtgetjek bolubam bir görsünler!

— Üýtgedilenini seň ruhuňam duýman galar.

— Azrak geple-de, yzyny ýaz «...azda-kände ýaýdanmanam duramok welin, bolýa-da. Biz täze ýyldan son baraýarys. Nokat. Özem Şurik bilen bararys. Ol indi ýigit çykypdyr. Erbet ogланam däl. Aýdanyňa gulak asýa. Nokat...»

Şurik özüne degişli «Ol indi ýigit çykypdyr. Aýdanyňa gulak asýa» diýen sözleri ýazmady.

— ...«Şurik bilen gitsem arkaýynrak boljak. Häzirlikçe hoş sag bol, oglum. Menem sizi göresim gelip halys...

Şurik «ölüp barýan» diýip ýazdy.

— «...halys boldum. Seň çagajyklaňňy bir görsem. Nokat. Ejeň.»

Şurik ýeňleslik bilen:

— Muň puluny hasaplaly — diýdi-de, perosy bilen her sözüň üstünden dürtüp, pyşyrdap sanamaga başlady. — Bir, iki, üç, dört...

Garry onuň arkasynda durup, netijä garaşdy.

— Elli sekiz, elli dokuz, altmyş. Şeýlemi? Altmyşam otuza köpeldýäs. Bir müň sekiz yüz. Şeýlemi? Onam ýüze bölýäs. Olam on sekiz... ýigrimi manat gowrak. — Şurik ol sözleri dabara bilen aýtdy.

Garry telegrammany aldy-da, kisesine saldy.

— Poçta özüm gitjek. Ýogsam sen muň bahasyny bäri-bärde goýjakgäl. Bolduň meň başyma ylymly!

— Gitseň gidiber. Meň hasabymdan üýtgamez.. Ýalňyşanam bolsam bir köpükden kän däldir.

...Sagat on birlerde goňşy bolup ýaşaýan, mekdebiň hojalyk işleriniň müdiri

Ýegor Lizunow geldi. «Ýegor işden gelensoň bize bir girip çyksyn» diýip, kempiriň özi onuň öýündäkilere duýduryp gaýdypdy. Ýegor diýilýän adam köp ýerlere gidip gören, samolýota-da münen adamdy. Ol keltekçe possunyny, telpeğini çykardy-da, gataňsy aýalary bilen derjigip duran saçyny sypap, stol başyna geçdi.

Gapdaldaky otagdan sypalyň hem teletiniň ysy geldi.

— Uçasyňyz gelýä-dä onda?

Garry ýerzemine girdi-de, içi piwoly çärýeklik diýilýän ullakan çüýşäni alyp çykdy.

— Hawa, uçmakçy bolýas. Sen, Ýegor, uçmagyň neneň-niçikdigini birýanujundan bize aýdyp ber.

— Aýdar-aýtmaz ýaly oň nämesi bar? — diýip, Ýegor süwümsizlik bilen däl-de, ýygralyk bilen garrynyň piwo guýuşyny synlady. — Ynha, şähre bararsyňyz. O ýerden Biýsk — Tomsk maşynyna münersiňiz-de, Nowosibirskä atarsyňyz. Nowosibirskide-de samolýota bilek satylýan kassanyň nirededigini sorarsyňyz. Kassa-zat gözlemän, göni aýraporta eňiberseňizem bor...

— Dur ahyryn. Gidersiňiz, münersiňiz, eñersiňiz! Ähli zady ap-aňsat etdiň oturyberdiň-le sen. Nähili etmelisini aýtma-da, nätmelisini aýt. Özüňem howlukman, arasyny kesibräk gürle. Ýogsam ähli sözi bir-biriniň üstüne münnerläp, jala degen ýaly edip barýaň. Düşüner ýaly däl.

Garry Ýegora tarap gazaply seretdi-de, onuň öňüne piwoly bulgury süýşürdi. Ýegor bulgury ilki elledi, soňam sypalady.

— Ynha, diýmek. Nowosibirskä barýaňyz-da, desbi-dähil, aýraporta nähili gidip bolýanyňy sorayaňyz. Şurik, sen bellegin.

— Şurik, sen asyl ýaz — diýip, garry buýruk berdi.

Şurik depderinden bir tagta kagyzy ýyrtyp aldy-da, bellemäge başlady.

— Tolmaçýowa bararsyňyz. O ýerde-de, ýene, Moskwa biletiň niredede satylýanyňy sorarsyňyz. Bilet alarsyňyz. «Tu-104»-e münersiňiz. Baş sagat geçerem welin, Moskwada bolarsyňyz. Biziň Watanymyzyň paýtagtynda.

Garry kiçijik hem hortaň ýumrugyny kellesine diräp, Ýegoryň aýdanlaryny üns bilen diňledi. Ýegor gepledigçe, ýoluň ýagdaýy düşnükli boldugyça, garrynyň ýüzüniňem aladasy artdy.

— Dogry. Swerdlowskide düşlemeli borsuňyz.

— Düşlemek nämä gerek?

— Düşlemelimi, düşlemeli. O zatlar sizden soralmaýar. — Ýegor şondan soň

piwony içäýse-de çak bolman durmaz hasap etdi. — Hany onda... Ýoluňyz ak bolsun!

— Dur entek. Swerdlowskide düşüriň diýip, biziň özümiz dillenmelimi ýa o ýerde hemme kişinem düşürýälermi?

Ýegor bulgury göterdi, hoş bolup, ardynjyrazy, murtuny sypady.

— Hemme kişinem düşürýäler. Malanýa Wasilýewna, piwoň-a çaksyz gowy ekeni. Sen muny nädip ýasaýaň? Şuň ýasalysyny meň heleýime-de öwretseň bolmadymy...

Garry ýene bir bulgur piwo guýdy.

— Husytlygyňyzy goýan günüňiz piwoňyzam oňat bor.

— O näme diýdigiň boldy? — diýip, Ýegor jogaba düşünmänsoň sorag berdi.

— Süýjüsini köpräk goşuň. Siziň bar gamyňyz arzan düşürmek, güýçli etmek. Piwony basyraňda temmäkiň üstünde goýmaly däl-de, süýjüsini känräk goşmaly. Heý, piwonam temmäkä basyrlarmy? Haýasyzlar!

Ýegor biraz oýlanyp:

— Dogry aýdýaň — diýdi, bulgury göterdi, bir garra, birem Şurige seretdi. Ýene bir gezek «Dogry» diýdi. — Aýdylanlar dogry welin... Nowosibirskide häzirräk boluň...

— O näme diýdigiň?

— Aý, hiç. Durmuşda her hili zat bolýar. — Ýegor çilim otlandy, murtunyň aşagyndan ak bulut ýaly edip tüsse goýberdi. — Iň esasy, — Tolmaçýowa baraňyzda, kassany bulaşdyрмаň. Ýogsam, Moskwa derek, tersine, Wladiwostoga uçarsyňyz.

Garry biynjalyk boldy, Ýegora ýene bir bulgur piwo guýdy. Ýegor bulgury derrew başyna çekdi-de, ardynjyrap, öňki gürrüňini dowam etdi.

— Durmuşda her zeyilli waka bolýar. Ynha, ýolagçy Gündogar kassasyna barýar-da: «Maňa bilet beriň» diýýär. Biletiň nirä gerekdigini, özüň aýdaýmasaň, sorabam duranoklar. Netijede sen gitmeli ýeriňe däl-de, tersine uçýaň. Görüň-dä.

Garry dördünji gezegem bulgury pürepürledi. Ýegor halys ýumşady, şüwelenli gepläp başlady.

— Samolýota münäýmegem aňsat däl, gaty çydamly bolmaly. Ýokaryk galyp ugrandan, saňa derrew süýjüjik beren borlar.

— Süýji berýäler diýýäňmi?

— Hawa, süýji berýäler. Aý, ol «Süýji sor-da otur, başga zada üns berme» diýildigi-dä. Dogrusyny aýtsam welin, samolýotyň ýokaryk galyp ugran mahaly iň ahmal wagty bolýa. Ýa-da, aýdaly, ynha, saňa «Kemer guşan» diýerler. «Kemer nämä gerek?». «Guşanmaly-da». «Dik başaşak gaýdaýmagymyz ahmal» diýäýmeli welin, «Guşanmaly-da» diýen borlar.

— Toba! Toba! — diýip, garry howpurgady.

— Beýle boljak bolsa, oňa münmek nämä derkarka?!

— «Serçeden gorkan dary ekmez» — Ýegor piwoly çüýsä nazaryny dikdi. — Umuman aýtsak, reaktiw samolýot-ha howplam däl. Aýlampaçly samolýotyň döwüläýmegi gaty ähtimal. Döwüläýse welin... Ondan başga-da, aýlampaçly samolýotyň hälimi-şindi motoryna odam düşäýýä. Bir gezek men Wladiwostokdan gaýtdym. — Ýegor ykjamlandy, piwoly çüýsä seretdi, ýene çilim otlandy. Garry welin, oň üçin gobsunmadam. — Uçup barýas welin, aýnadan daşaryk garasam... gübürdäp ýanyp dur...

— Eý Taňrym! Eý Hudaý! — diýip, garry içini çekdi.

Şurik agzyny açyp, yzyny diňlemäge howlukdy.

— Ýalan sözläp nädeýin. Wägirenimi duýman galypdyryn. Haýdap, sürýänçi geldi. Umuman aýtsam, ullakan bolan zad-a ýok welin, sürüji meň eneme-hä ýetdi-dä. «Sen nämä dowul turuzýaň?» — diýýä. «Ýanýa» diýýän. «Ýananda nämä? Ol seň işiň däl» diýýä. Awiasıyaň düzgüşi şeýlemişin.

Bu gürrüňler Şurik üçin erteki ýaly ynamsyzdy. Ol öz ýanyndan motoryň ýanyanyňy gören lýtçik ýa-ha çakdanaşa gaty sürüp, tizligiň, şemalyň güýji bilen ýangyny söndürer öýtdi ýa-da samolýoty ýere düşürer çak etdi. O zatlara derek, gaýtam ol Ýegora paýyş sözler aýdypdyr. Geň zat!

— Aslynda men bir zada düşünemok — diýip, Ýegor Şurige ýüzlendi. — Nämä üçin ýolagçylara paraşýut bermeýäler?

Şurik egnini gysdy. Ýolagçylara paraşýut berilmeyäniniň sebäbini ol bilmeýärdi. Ýöne, paraşýut berilmeyäni çyn bolsa, ol akyla sygjak düzgün däl. Ýegor gül ekilen okarajygyň gyrasyna basyp, çilimini söndürdi-de, öňe eglip, özi özüne piwo guýdy.

— Piwoň-a tüýs baryp ýatan piwo, Malanýa!

— Beýdip eňterip oturma, serhoş borsuň.

— Piwo-ha söz ýok... — Ýegor başyny ýaýkady-da, bulgury göterdi. — Oho-ho-ow!... Reaktiw samolýotam howply. Oň bir zady döwüläýse, senden tebibe zat galmyýa. Edil daş gaçan ýaly bolup, gütläp ýere düşäýmeli. Onsoň, diňe süňk-saňkyň bolaýmasa... Her adamyň jesedinden diňe üç ýüz gram ýygnap bolýa.

Özem eşigiň-peşigiň bilen ýygnanlarynda. — Ýegor ýüzüni kürşerdip, piwoly gaba nazaryny dikdi. Garry bolsa çüýşäni aldy-da, ony daşky jaýa eltip geldi. Ýene az salym oturyp, ýerinden turanda, Ýegor birneme çaykandy.

— Aý, umuman, gorkmasaňyzlaň — diýip, ol ker bilen gepleşýän ýaly gygyrdy. — Ýöne, kabinadan daşrakda, guýruk tarapda oturjak boluň. Onda men-ä gitdim...

Ýegor her egnine bir basyp, gapa bardy, keltekçe poosunyny, telpegini geýdi.

— Pawel Sergeýewiçe meň adymdan tagzym ediň... Piwoň-a, Malanýa, tüýs piwojan ekeni! Asyl içip doýar ýaly däl.

Ýegoryň başynyň beýle tiz aýlanmagyndan, gürrüňiň paşmanlygyndan garry närazy boldy.

— Ýegor, seňem ugruň gaçyp ýör öýdýän?!

— Ýadow-da — diýip, Ýegor keltekçesiniň ýakasyna ýelmeşen sypaly aýryp taşlady. — Bedäni tomus daşap dynaýalyň diýip ketdelere kän aýtdym. Gulak asmadylar. Indi bolsa... Dünki harasatdan soň-a ýol-ýoda-da galmady. Şu gün görgi baryny görüp, iň golaýdaky küdä zordan özümi atdyk. Oň üstüne-de seň piwoň.. — Ol başyny ýaýkap güldi. — Men gitdim. Gorkmaň-da uçuberiň. Ýöne, kabinadan daşrakda oturyň.

Ýegor öýden çykdy. Onuň beýik basgançakdan emay bilan düşüşi eşidildi durdy. Ol howlynyň ortasyny kesip, gapyny jygyldadyp açdy-da, köçä çykansoon pessaý ses bilen hiňlendi.

Ümbilmez gök deňiz ýaýylyp ýatyr...

Birdenem ol dymdy.

Garry ene aladaly hem tukat nazar bilen garaňky aýna tarap seretdi. Şurik bolsa, Ýegoryň aýdanlaryndan kagyza geçirip ýetişen sözlerine gaýtadan göz gezdirdi.

— Samolýot diýilýän zat-ha howply ekeni, Şurik.

— O nähili howplumyş? Adamlar uçýalar ahyryn?

— Gowusy otly bilenjik gidäýeli-le?

— Otly bilen gitseň, meň kanikulymyň ählisi ýolda geçer-dä.

— Eý Hudaý! — diýip, garry uludan dem aldy. — Pawele hat ýazaly. Telegrammany ýyrtaýarys.

Şurik depderinden ýene bir tagta kagyzy gopardy.

— Onda samolýotly gidemizok-da?

— Samolýotly gürrüňi goý. Üç ýüz gramdan ýygnajak bolsalar.

Şurik oýa batdy.

— Ýaz: «Eziz oglum, Paşa. Men bu ýerde köpi gören adamlar bilen maslahatlaşdym...»

Şurik kagzyň üstüne egildi.

— «Samolýot diýilýän zadyňyzda uçmagyň nähili görgülikdigini maňa gürrüň berdiler. Şurik ikimiz şeýle netijä geldik: Gowusy biz otly bilenjik. Otly bilen häzirem-ä ugrabersek boljak welin, Şurigiň kanikuly gaty gysga-da.»..

Şurik bir-iki sekunt ýaýdandy-da, ýene ýazmaga başlady.

«Muny bolsa, Paşa, daýy, men özümden ýazýan. Mamamy Ýegor daýy Lizunow gorkuzdy. Biziň zawhozomyz bar-a, ýadyňyza düşýän bolsa. Mysal üçin ol şeý diýdi: Äpişgä seredipdir welin, motor ýanyp durmyş. Eger motoryň ýanyany çyn bolsa, hemişe edilişi ýaly lýotçik ony tizligiň güýji bilen söndürerdi ahyryn. Men-ä Ýegor daýy motoryň turbasyndan çykýan uçguny görüp dowul tapdymyka diýýän. Şol hakda siz mamama bir hatjagaz ýazyň. Ýöne, meň ýazanlam barada oňa hiç zat aýtmaň. Ýogsam ol tomusam gitmez. Bag-bakja diýdi, jojuk diýdi, ördek-gaz diýdi, mamam o zatlardan öläýse-de áýrylyşyp bilmez. Onsoňam biz, her niçigem bolsa, oba adamlary ahyryn. Meň şeýlebir Moskwany göresim gelýär welin... Biz Moskwany geografiýadan, taryhdan geçýäs. Bolsa-da, öz gözüň bilen gören ýaly däl-dä. Üstesine Ýegor daýy ýolagçylara paraşýutam berlenok diýdi. Ol-a baryp ýatan töhmet bolmaly. Mamam bolsa oňa ynanýa. Mamama gyjالات beriň, Paşa daýy, haýyş edýän. Ol sizi çakdanaşa gowy görýär. Siz oňa: «Eje, bu bolýan zatlar näme? — diýip ýazyň. — Ogluňam uçujy, onda-da Sowet Soýuzynyň Gahrymany. Bir topar sylagyň eýesi. Senem bolgusyz ýolagçy samolýotynda uçmaga gorkýaň. Özem, biziň sesdenem tiz uçýan döwrümüzde». Şeý diýip ýazsaňyz, mamam şol günüň özünde samolýota münär. Ol size guwanyp ýör. Hut meň özümem guwanýan. Meň şeýlebir Moskwany göresim gelýär. Hoş, sag boluň. Salam bilen Şurik».

Şurigiň güýmenýändigine garamazdan, garry ýazmaly sözleri aýdyşdyryp otyrды.

— «Güýz, düşüberende bararys. Güýzeňräk kömelegem çykar. Odur-budur duzluja zadam taýynlaryn. Moskwada bolsa o zeyilli zatlaň bary satyn almadyr. Meň edişim ýaly elin taýynlanýanam däl. Ana, oglum, ýagdaýa şeýle. Meň adymdan, Şurigiň adyndan gelne hem çagalara tagzym et. Häzirlikçe başga diýjek zadym ýok.» Ýazdyňmy?

— Ýazdym.

Garry haty alyp, bukja saldy-da, adresinem özi ýazdy. «Moskwa, Lenin prospekti, 78, jaý 156, Sowet Soýuzynyň Gahrymany Lýubawin Pawel Ignatýewiçe. Sibirde ýaşayan ejesinden».

Ol hemişe-de adresi özi ýazýardy. Şeýtse dürs bolar öýdýärdi.

— Bolany şol. Gamlanma, Şurik, tomus ötägideris.

— Aý, men oň üçin gamlanyp oturamok. Ýöne ýuwaş-ýuwaşdan şaýyňy tutuberseň kem bolmazdy. Birden hyýalyň tutsa, samolýotly gidibermegiňem ähtimal.

Garry ýegeniniň ýüzüne seretdi, ýöne sesini çykarmady.

Gije Şurik pejiň üstünde ýatan mamasynyň sagyna-soluna agdarynyp, nämedir bir zat pyşyrdaýandygyny eşitdi.

Şurigem uklamady. Oýlandy. Durmuş oňa ýakyn wagtlarda heniz görmedik zatlaryny görkezmäge wada berýärdi. Beýle zat ozal Şurigiň arzuwynda-da ýokdy.

— Şurik!

— Hä?

— Paweli-hä Kremle goýberýän bolsalar gerek?

— Goýberýändirler. Ony nämeden soraýaň?

— Ýekeje gezegem bolsa, Kremli görsek kem däl-dä.

— Kremle girmäge indi hemme kişä-de rugsat berýäler.

Garry az-kem dymdy-da:

— Beýle hemme kişi goýberiler ekeni — diýip, ýaňsylady.

— Nikolaý Wasilýewiç şeý diýdi.

Ýene bir minut çemesi dymdylar.

— Mama, seň boluşyňa-da düşüner ýaly däl. Bir görseň-ä senden dogumly adam ýok. Bir görseňem, bolgusyz zatdanam gorkup ýörsüň. Sen näme beýle gorkakkaň?

— Gepleme-de ýat — diýip, garry sesini gataltdy. — Bolduň meň başyma batyr kişi. Samolýota münseň, ilden öňürti balagyna goýberjek seň özüňsiň.

— Gorkmajagyma jedelem ederin.

— Kän gepleme-de ukla, Ýogsam ertir mekdebe gitjek bolsaň, ýene oýarmak hyllalladyr.

Şurik dymdy.

1962 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Сельские жители

«А что, мама? Тряхни стариной – приезжай. Москву поглядишь и вообще. Денег на дорогу вышлю. Только добирайся лучше самолетом – это дешевле станет. И пошли сразу телеграмму, чтобы я знал, когда встречать. Главное, не трусь».

Бабка Маланья прочитала это, сложила сухие губы трубочкой, задумалась.

– Зовет Павел-то к себе, – сказала она Шурке и поглядела на него поверх очков. (Шурка – внук бабки Маланьи, сын ее дочери. У дочери не клеилась личная жизнь (третий раз вышла замуж), бабка уговорила ее отдать ей пока Шурку. Она любила внука, но держала его в строгости.)

Шурка делал уроки за столом. На слова бабки пожал плечами – поезжай, раз зовет.

– У тебя когда каникулы-то? – спросила бабка строго.

Шурка наострил уши.

– Какие? Зимние?

– Какие же еще, летние, что ль?

– С первого января. А что?

Бабка опять сделала губы трубочкой – задумалась. А у Шурки тревожно и радостно сжалось сердце.

– А что? – еще раз спросил он.

– Ничего. Учи знай. – Бабка спрятала письмо в карман передника, оделась и вышла из избы.

Шурка подбежал к окну – посмотреть, куда она направилась.

У ворот бабка Маланья повстречала соседку и стала громко рассказывать:

– Зовет Павел-то в Москву погостить. Прямо не знаю, что делать. Прямо ума не приложу. «Приезжай, – говорит, – мама, шибко я по тебе соскучился».

Соседка что-то отвечала. Шурка не слышал что, а бабка ей громко:

– Оно, знамо дело, можно бы. Внучат ни разу не видела еще, только по карточке. Да шибко уж страшно...

Около них остановились еще две бабы, потом еще одна подошла, потом еще... Скоро вокруг бабки Маланьи собралось изрядно народа, и она снова и снова начинала рассказывать:

– Зовет Павел-то к себе, в Москву. Прямо не знаю, что делать...

Видно было, что все ей советуют ехать.

Шурка сунул руки в карманы и стал ходить по избе. Выражение его лица было мечтательным и тоже задумчивым, как у бабки. Он вообще очень походил на бабку – такой же сухощавый, скуластый, с такими же маленькими умными глазами. Но характеры у них были вовсе несхожие. Бабка – энергичная, жилистая, крикливая, очень любознательная. Шурка тоже любознательный, но застенчивый до глупости, скромный и обидчивый.

Вечером составляли телеграмму в Москву. Шурка писал, бабка диктовала.

– Дорогой сынок Паша, если уж ты хочешь, чтобы я приехала, то я, конечно, могу, хотя мне на старости лет...

– Привет! – сказал Шурка. – Кто же так телеграммы пишет?

– А как надо, по-твоему?

– Приедем. Точка. Или так: приедем после Нового года. Точка. Подпись: мама. Все.

Бабка даже обиделась.

– В шестой класс ходишь, Шурка, а понятия никакого. Надо же умнеть помаленьку!

Шурка тоже обиделся.

– Пожалуйста, – сказал он. – Мы так, знаешь, на сколько напишем? Рублей на двадцать по старым деньгам.

Бабка сделала губы трубочкой, подумала.

– Ну, пиши так: сынок, я тут посоветовалась кое с кем...

Шурка отложил ручку.

– Я не могу так. Кому это интересно, что ты тут посоветовалась кое с кем? Нас на почте на смех поднимут.

– Пиши, как тебе говорят! – приказала бабка. – Что я, для сына двадцать рублей пожалею?

Шурка взял ручку и, снисходительно сморщившись, склонился к бумаге.

– Дорогой сынок Паша, поговорила я тут с соседями – все советуют ехать. Конечно, мне на старости лет боязно маленько...

– На почте все равно переделают, – вставил Шурка.

– Пусть только попробуют!

– Ты и знать не будешь.

– Пиши дальше: мне, конечно, боязно маленько, но уж... ладно. Приедем после Нового года. Точка. С Шуркой. Он уж теперь большой стал. Ничего, послушный парень...

Шурка пропустил эти слова – насчет того, что он стал большой и послушный.

– Мне с ним не так боязно будет. Пока до свиданья, сынок. Я сама об вас шибко...

Шурка написал: «жутко».

– ...соскучилась. Ребятишек твоих хоть посмотрю. Точка. Мама.

– Посчитаем, – злорадно сказал Шурка и стал тыкать пером в слова и считать шепотом: – Раз, два, три, четыре...

Бабка стояла за его спиной, ждала.

– Пятьдесят восемь, пятьдесят девять, шестьдесят! Так? Множим шестьдесят на тридцать – одна тыща восемьсот? Так? Делим на сто – имеем восемнадцать... На двадцать с чем-то рублей! – торжественно объявил Шурка.

Бабка забрала телеграмму и спрятала в карман.

– Сама на почту пойду. Ты тут насчитаешь, грамотей.

– Пожалуйста. То же самое будет. Может, на копейки какие-нибудь ошибся.

...Часов в одиннадцать к ним пришел Егор Лизунов, сосед, школьный завхоз. Бабка просила его домашних, чтобы, когда он вернется с работы, зашел к ней. Егор много ездил на своем веку, летал на самолетах.

Егор снял полушубок, шапку, пригладил заскорузлыми ладонями седеющие потные волосы, сел к столу. В горнице запахло сеном и сбруей.

– Значит, лететь хотите?

Бабка слезила под пол, достала четверть с медовухой.

– Лететь, Егор. Расскажи все по порядку – как и что.

– Так чего тут рассказывать-то? – Егор не жадно, а как-то даже немножко снисходительно смотрел, как бабка наливает пиво. – Доедете до города, там сядете на Бийск – Томск, доедете на нем до Новосибирска, а там спросите, где городская воздушная касса. А можно сразу до аэропорта ехать...

– Ты погоди! Заладил: можно, можно. Ты говори как надо, а не как можно. Да помедленней. А то свалил все в кучу. – Бабка подставила Егору стакан с пивом, строго посмотрела на него.

Егор потрогал стакан пальцами, погладил.

– Ну, доедете, значит, до Новосибирска и сразу спрашивайте, как добраться до аэропорта. Запоминай, Шурка.

– Записывай, Шурка, – велела бабка.

Шурка вырвал из тетрадки чистый лист и стал записывать.

– Доедете до Толмачева, там опять спросите, где продают билеты до Москвы. Возьмете билеты, сядете на «Ту-104» и через пять часов в Москве будете, в столице нашей Родины.

Бабка, подперев голову сухим маленьким кулачком, горестно слушала Егора. Чем больше тот говорил и чем проще представлялась ему самому эта поездка, тем озабоченнее становилось ее лицо.

– В Свердловске, правда, сделаете посадку...

– Зачем?

– Надо. Там нас не спрашивают. Сажают, и все. – Егор решил, что теперь можно и выпить. – Ну?.. За легкую дорогу!

– Держи. Нам в Свердловске-то надо самим попроситься, чтоб посадили, или там всех сажают?

Егор выпил, смачно крякнул, разгладил усы.

– Всех. Хорошее у тебя пиво, Маланья Васильевна. Как ты его делаешь? Научила бы мою бабу...

Бабка налила ему еще один стакан.

– Когда скупиться перестанете, тогда и пиво хорошее будет.

– Как это? – не понял Егор.

– Сахару побольше кладите. А то ведь вы все подешевле да посердите стараетесь. Сахару больше кладите в хмелину-то, вот и будет пиво. А на табаке его настаивать – это стыдоба.

– Да, – задумчиво сказал Егор. Поднял стакан, поглядел на бабку, на Шурку, выпил. – Да-а, – еще раз сказал он. – Так-то оно так, конечно. Но в Новосибирске когда будете, смотрите не оплошайте.

– А что?

– Да так... Все может быть. – Егор достал кисет, закурил, выпустил из-под усов громадное белое облако дыма. – Главное, конечно, когда приедете в Толмачево, не спутайте кассы. А то во Владивосток тоже можно улететь.

Бабка встревожилась и подставила Егору третий стакан. Егор сразу его выпил, крякнул и стал развивать свою мысль:

– Бывает так, что подходит человек к восточной кассе и говорит: «Мне билет». А куда билет – это он не спросит. Ну и летит человек совсем в другую сторону. Так что смотрите.

Бабка налила Егору четвертый стакан. Егор совсем размяк. Говорил с удовольствием:

– На самолете лететь – это надо нервы да нервы! Вот он поднимается – тебе сразу конфетку дают...

– Конфетку?

– А как же. Мол, забудься, не обращай внимания... А на самом деле это самый опасный момент. Или тебе, допустим, говорят: «Привяжись ремнями». – «Зачем?» – «Так положено». Хэх... положено. Скажи прямо: можем навернуться, и все. А то – «положено».

– Господи, господи! – сказала бабка. – Так зачем же и лететь-то на нем, если так...

– Ну, волков бояться – в лес не ходить. – Егор посмотрел на четверть с пивом. – Вообще реактивные, они, конечно, надежнее. Пропеллерный, тот может в любой момент сломаться – и пожалуйста... Потом, горят они часто, эти моторы. Я один раз летел из Владивостока... – Егор поудобнее устроился на стуле, закурил новую, опять посмотрел на четверть. Бабка не пошевелилась. – Летим, значит, я смотрю в окно: горит...

– Свят, свят! – сказала бабка.

Шурка даже рот приоткрыл – слушал.

– Да. Ну я, конечно, закричал. Прибежал летчик... Ну, в общем, ничего – отmaterил меня. Чего ты, говорит, панику поднимаешь? Там горит, а ты не волнуйся, сиди... Такие порядки в этой авиации.

Шурке показалось это неправдоподобным. Он ждал, что летчик, увидев пламя, будет сбивать его скоростью или сделает вынужденную посадку, а вместо этого он отругал Егора. Странно.

– Я одного не понимаю, – продолжал Егор, обращаясь к Шурке, – почему пассажирам парашютов не дают?

Шурка пожал плечами. Он не знал, что пассажирам не даются парашюты. Это, конечно, странно, если это так.

Егор ткнул папиросу в цветочный горшок, привстал, налил сам из четверти.

– Ну и пиво у тебя, Маланья!

– Ты шибко-то не налегай – захмелеешь.

– Пиво просто... – Егор покачал головой и выпил. – Кху! Но реактивные, те тоже опасные. Тот, если что сломалось, топором летит вниз. Тут уж сразу... И костей потом не соберут. Триста грамм от человека остается. Вместе с одеждой. – Егор нахмурился и внимательно посмотрел на четверть. Бабка взяла ее и унесла в прихожую комнату. Егор посидел еще немного и встал. Его слегка качнуло.

– А вообще-то не бойтесь! – громко сказал он. – Садитесь только подальше от кабины – в хвост – и летите. Ну, пойду...

Он грузно прошел к двери, надел полушубок, шапку.

– Поклон Павлу Сергеевичу передавайте. Ну, пиво у тебя, Маланья! Просто...

Бабка была недовольна, что Егор так скоро захмелел, – не поговорили толком.

– Слабый ты какой-то стал, Егор.

– Устал, поэтому. – Егор снял с воротника полушубка соломинку. – Говорил нашим деятелям: давайте вывезем летом сено – нет! А сейчас, после этого бурана, дороги все позанесло. Весь день сегодня пластались, насилу к ближним стогам пробились. Да еще пиво у тебя такое... – Егор покачал головой, засмеялся. – Ну, пошел. Ничего, не робейте – летите. Садитесь только подальше от кабины. До свиданья.

– До свиданья, – сказал Шурка.

Егор вышел; слышно было, как он осторожно спустился с высокого крыльца, прошел по двору, скрипнул калиткой и на улице негромко запел:

Раскинулось море широко...

И замолчал.

Бабка задумчиво и горестно смотрела в темное окно. Шурка перечитывал то, что записал за Егором.

– Страшно, Шурка, – сказала бабка.

– Летают же люди...

– Поедем лучше на поезде?

– На поезде – это как раз все мои каникулы на дорогу уйдут.

– Господи, господи! – вздохнула бабка. – Давай писать Павлу. А телеграмму анулироваем.

Шурка вырвал из тетрадки еще один лист.

– Значит, не полетим?

– Куда же лететь – страсть такая, батюшки мои! Соберут потом триста грамм...

Шурка задумался.

– Пиши: дорогой сынок Паша, посоветовалась я тут со знающими людьми...

Шурка склонился к бумаге.

– Порассказали они нам, как летают на этих самолетах... А мы с Шуркой решили так: поедем уж летом на поезде. Оно, знамо, можно бы и теперь, но у Шурки шибко короткие каникулы получаются...

Шурка секунду-две помешкал и продолжал писать: «А теперь, дядя Паша, это я пишу от себя. Бабоньку напугал дядя Егор Лизунов, завхоз наш, если вы помните. Он, например, привел такой факт: он выглянул в окно и видит, что мотор горит. Если бы это было так, то летчик стал бы сшибать пламя скоростью, как это обычно делается. Я предполагаю, что он увидел пламя из выхлопной трубы и поднял панику. Вы, пожалуйста, напишите бабоньке, что это не страшно, но про меня – что это я вам написал – не пишите. А то и летом она тоже не поедет. Тут огород пойдет, свиннота разная, куры, гуси – она сроду от них не уедет. Мы же все-таки сельские жители еще. А мне ужасно охота Москву поглядеть. Мы ее проходим в школе по географии и по истории, но это, сами понимаете, не то. А еще дядя Егор сказал, например, что пассажирам не даются парашюты. Это уже шантаж. Но бабонька верит. Пожалуйста, дядя Паша, пристыдите ее. Она же вас ужасно любит. Так вот вы ей и скажите: как же это так, мама, сын у вас сам летчик, Герой Советского Союза, много раз награжденный, а вы боитесь летать на каком-то несчастном гражданском самолете! В то время, когда мы уже преодолели звуковой барьер. Напишите так, она вмиг полетит. Она же очень гордится вами. Конечно – заслуженно. Я лично тоже горжусь. Но мне ужасно охота глянуть на Москву. Ну, пока до свиданья. С приветом – Александр». А бабка между тем диктовала:

– ...Поближе туда к осени поедем. Там и грибки пойдут, солонинки какой-нибудь можно успеть приготовить, варенья сварить облепихового. В Москве-то ведь все с купли. Да и не сделают они так, как я по-домашнему сделаю. Вот так, сынок. Поклон жене своей и ребятишкам от меня и от Шурки. Все пока. Записал?

– Записал.

Бабка взяла лист, вложила в конверт и сама написала адрес:

«Москва, Ленинский проспект, д. 78, кв. 156.

Герою Советского Союза Любавину Павлу Игнатьевичу.

От матери его из Сибири».

Адрес она всегда подписывала сама: знала, что так дойдет вернее.

– Вот так. Не тоскуй, Шурка. Летом поедем.

– А я и не тоскую. Но ты все-таки помаленьку собирайся: возьмешь да надумаешь лететь.

Бабка посмотрела на внука и ничего не сказала.

Ночью Шурка слышал, как она ворочалась на печи, тихонько вздыхала и шептала что-то.

Шурка тоже не спал. Думал. Много необыкновенного сулила жизнь в ближайшем будущем. О таком даже не мечталось никогда.

– Шурк! – позвала бабка.

– А?

– Павла-то, наверно, в Кремль пускают?

– Наверно. А что?

– Побывать бы хоть разок там... посмотреть.

– Туда сейчас всех пускают.

Бабка некоторое время молчала.

– Так и пустили всех, – недоверчиво сказала она.

– Нам Николай Васильевич рассказывал.

Еще с минуту молчали.

– Но ты тоже, бабонька: где там смелая, а тут испугалась чего-то, – сказал Шурка недовольно. – Чего ты испугалась-то?

– Спи знай, – приказала бабка. – Храбрец. Сам первый в штаны наложишь.

– Спорим, что не испугаюсь?

– Спи знай. А то завтра в школу опять не добудишься.

Шурка затих.

1962.

DUZLADY

Agafýa Žurawlýowanyň ogly Konstantin Iwanowiç aýaly bilen gyzyňam alyp, ejesiniňkä gezmäge geldi.

Nowaýa obasy onçakly ulam däl. Şonuň üçinem Konstantin Iwanowiçiň münüp gelen taksisi peýda bolandan Agafýanyň ortanjy alym oglunyň çagalaryňam alyp geleni hemme kişä aýan boldy. Agşama çenli ähli waka jikme-jigi bilen oba ýaýrady; Konstantin ylymlaryň kandidaty, aýalam kandidat, gyzyňam mekdep okuwçysy. Olar Agafýa kempire elektrik semawar, gulli köýnek, agaç çemçe getiripdirler.

Agşamara Gleb Kapustiniň işigine adam bary üýşdi. Adamlar öý eýesine garaşýardylar.

Adamlaryň Glebiň gapysynda näme üçin garaşýandyklary, olaryň nämä meýillenyändigleri aýdyň bolary ýaly, Gleb Kapustin hakda biraz düşündiriş bereliň.

Gleb Kapustin dodakman, kyrk ýaş töwereklerindäki ak saçly adam. Özem geplemsek, eňekçi, obanyň goçusy. Oba ulam bolmasa, Nowaýadan tanymal adamlaryň ençemesi çykdy; bir polkownik, iki lýotçik, wraç, habarçy. Indem Žurawlýow — kandidat. Şol tanymal adamlardan kimdir biri gezelenje gelende, onuň daşyna obadaşlary üýşüp, ýa-ha onuň aýdýan bir täsin gürrüňini diňleýärdiler ýa-da özüleri myhman gelen obadaşa gyzykly zat habar berýärdiler. Şol aralykda-da hökman Gleb Kapustin gelip duzlamalydyr. Myhmany duzlamaly. Gelen myhmany geplemez ýaly etmek indi Glebe endik bolup galypdyr. Glebiň gelen adamyny utandyrmagyny adamlaryň köpüsi halamaýardy. Emma birnäçeleri welin Gleb Kapustiniň peýda bolup, tanymal adamyny duzlamagyna

sabyrsyzlyk bilen garaşýardy. Sabyrsyz garaşýardylar diýmegem bärden gaýdýar, asyl olar myhmana salama gelmän, öňürti Glebiň üstüne eňýärdiler. Ol ýerdenem, göýä gyzykly bir oýuna tomaşa edýän ýaly, Glebi öňlerine salyp, myhmanyň gelen ýerine ugraýardylar.

Gleb geçen ýyl polkownigem gowy edip duzlady. 1812-nji ýylyň urşundan gep açyldy. Moskwany otlamaga kimiň buýruk berendigini asyl polkownigem bilmeýär ekeni. Has takygy, polkownik Moskwany otlamaga haýsydyr bir grafyň buýruk berendigini aýtdy-da, Rasputin diýip, onuň adyny bulaşdyraýdy. Ana, şolam Gleb Kapustiniň polkownigiň üstüne bürgüt bolup atylmagyna sebäp boldy. Şol bahana bilenem Gleb myhmany geplemez ýaly etdi. Oba mugallymasynyň ýanyna eňip, dawanyň arasyny açyp gelýänçäler, Gleb gyp-gyzyl bolup garaşdy. Gleb şol otursyna-da: «Biynjalyk bolmaň, ýoldaş polkownik, rahatlanyň. Biz Filide däl ahyryn. Dogry dälmi?» — diýýärdi. Gepiň keltesi, şol gezegem Gleb ýeňiji bolup çykdy. Keýpi bozulan polkownik bolsa maňlaýyna ýumruklamaly boldy.

«Biynjalyk bolmaň, ýoldaş polkownik, rahatlanyň. Biz Filide däl ahyryn» — diýen sözleri gaýtalap, soň-soňlaram Gleb hakda obada kän gürrüň etdiler. Ýaşulular bolsa onuň «Biz Filide däl ahyryn» diýen sözleriniň asyl manysyna düşünjek bolup dyrjaşdylar.

Gleb gözlerini süzüp, obadan çykan tanymal adamlaryň üstünden gülýärdi. Şonuň üçinem üstünden gülünýänleriň ejeleri Glebi halamaýardylar, çekeräk durýardylar. Ynha, indem ylymlaryň kandidaty Žurawlýow obada peýda boldy...

Agaç kesilýän ussahanada işleýän Gleb Kapustin işden geldi, ýuwundy, eşiklerini çalşyrdy, agşamlyk naharyny welin iýip bilmedi. Sebäbi işikde adam bary garaşyp durdy. Ýöne olar oba myhman geleni hakda welin dil ýarmadylar. Ahyr Glebiň özi Agafýa kempiriň öýüne tarap taýly gezek gaňrylyp seretdi-de:

— Kempiriň öýüne myhman geldimi? — diýip sorady.

— Birem däl, iki. Özlerem hakyt kandidatmyşlar.

— Kandi-da-at?! — diýip, Gleb süýkdürdi. — Oho-ow! Beýle bolsa-ha, gaty berk ýapyşaymasaň atymyna eltmez.

«Atymyna baryp biljegem bardyr, baryp bilmejegem» diýen manyda adamlar öňli-soňly gülüşdiler-de, Glebe tarap bilesigelijilik bilen seredişdiler.

— Ýörün, onda kandidatlar bilen görüşeliň! — diýip, Gleb obadaşlarynyň göwnünden turdy.

Iki elinem kisesine sokup, ilden öňe saýlanan Gleb Agafýa kempiriň öýüni nyşana alyp barýardy. Kesesinden seretseň, Gleb öňe salnyp barylýan tussaga meňzeýärdi.

— Olar haýsy ugurdan kandidatka? — diýip Gleb gidip barşyna sorag berdi.

— Hünäri diýýäňmi? Alla bilsin. Aýalam, özem kandidat-ha diýýäler...

— Tehniki ylmyň kandidaty bolýa, umumy bilim ugrundan kandidat bolýa. Umumy bilim ugurdan bolsa-ha boş ýaňraýanlar diýildi.

Žurawlýow bilen mekdepde bile okanlaryň biri geçmişi ýatlady.

— Kostýa, umuman-a, matematikany çöp döwen ýaly edýädi. Mydama alýany başlikdi.

Gleb asly goňşy obadan bolany sebäpli, Nowaýanyň adamlaryna onçakly beledem däl.

— Oň haýsy ugurdan zordugyny göreris — diýip, ol düşnüksiz hüňürdedi.

— Özlerem taksili gelipdirler!

— Abraýy ýere çalmajak bolmaly-da — diýip, Gleb gülümjiredi. — Için möjgem bolsa, daşyňy jäjek edip görkezmäge çalyşmaly. O zatlaň näme üçin edilýänine, taksini näme üçin münülýänine bizem indi azda-kände düşünýäs.

...Konstantin Iwanowicz gelenleri açyk ýüz bilen garşy aldy, myhmanlary hezzetlemegini aladasyny etdi. Adamlar Agafýa kempir saçak taýynlaýança takat bilen garaşdylar, kandidat bilen gürleşdiler, gülüşdiler, çagalyk ýyllary ýatlaşdylar.

— Ah, ýaşlyk, ýaşlyk! — diýip, kandidat uludan dem aldy-da. — Hany, stoluň başyna geçeliň-le! — diýibem sözünüň üstünü ýetirdi.

Adamlar stoluň daşyna aýlandylar. Gleb häzirlilikçe sesini çykarman otursa-da, onuň ýarylmaga häzirlenýändigini daşyndanam bildirip durdy. Olam oglanlyk, ýaşlyk hakda ýatlan boldy, kandidata tarap synçylyk bilen seretdi, onuň agramyny ölçejek boldy.

Stol başynda şüweleňli gürrüň başlanyp, Gleb, onuň etmeli işleri undulyp barylýan ýaly boldy. Şonuň üçinem ol töwerekden gižžetmän, kandidatyň üstüne hüjüm etmäge başlady.

— Haýsy ugurdan özüňizi görkezýäňiz?

— Nirede işleýäň diýjek bolýaňyzmy?

— Hawa.

— Filfakda.

— Filosofiýamy?

— Edil şol-a däl, ýöne golaý.

— Derkar zat. — Glebe filosofiýadan soz açmak gerekdi. Ol birneme janlandy. — Nämäň ilkinjidigi barada siziň pikiriňiz nähili?

— O nä ilkinji?! — diýip, soraga oňly düşünmedik kandidat Glebiň ýüzüne ýiti-ýiti seretdi.

— Ruh ilkinjimi ýa-da materiýa? — diýip, Gleb jedel çakylygyny etdi.

Ol çakylygy kabul eden kandidat ýylgyrdy.

— Materiýa ilkinji bor-da. Ol mydama-da şeýledi.

— Ruh nirede?

— Ruh ikinji orunda. Ony näme üçin sorayaň?

— Aý, meň soraglam ýönekeýje soragdyr-la. Käte şo zatlar barada jedel edip, iç döküşesiň gelyä. Ýöne, biz merkezden uzakda bolamyzsoň dikleşmäge adamam tapylanok. Şoň üçinem siz bizi bagyşlaň... Şu mahal filosofiýa «agramsyzlyk» diýen düşüňjä nähili garaýar?

— Hemişeki garaýşy ýaly garaýar. «Şu mahal» diýen sorag näme?

— «Agramsyzlyk» diýilýän zadyň özi täzeräk açylansoň diýäýýän. Oňa naturfilosofiýa bir hili garaýar, aýdaly, strategik filosofiýa-da düýpden başga hili...

— Strategik diýen filosofiýa ýok, — diýip, kandidat gülümjiredi.

Adamlar Glebe üns bilen sersdişdiler. Ol dowam etdi.

— Şeýle bolaýmagam ähtimal. Ýöne, tebigatyň öz dialektikasy bar ahyryn. Tebigaty bolsa filosofiýa derňeýär. Tebigatyň bir elementi gornüşinde, täzelikde agramsyzlygy tapdylar. Şol agramsyzlyk ýagdaýynyň açylmagy bilen filosoflaň arasyna dowul düşdümi diýip sorajak bolýan.

Kandidat gülüp goýberdi. Ýöne ol ýeke gülmeli boldy. Şonuň üçinem ol birneme düýrükdi.

— Walýa, hany bärlik gel-le. Bir düşnüksiz gürrüň bar — diýip, ol aýalyny çagyrdy.

Walýa stoluň başyna geçensoň-a Koistantin Iwanowiç hasam gowşady. Sebäbi adamlar jogaba garaşýardylar.

— Hany, belli bir netijä geleliň — diýip, kandidat asylly görnüşe geçdi. — Biz näme barada gürrüň edýäs? Asyl jedelimiziň özeni nämede?

— Düşünişmedik bolsak, ikinji soraga geçýäs. Demirgazyk halklarynyň käbirinde bar bolan porhanlyk barada siziň pikiriňiz nähili?

Är-aýal hezil edinip gülüşdiler. Gleb olar gülüp bolýançalar, takat edip garaşdy.

— Olar ýaly problema bizde ýok diýibem bilersiňiz. Şoň üçinem siziň gülküňize menem goşulaýsam bolýa — diýip, Gleb ýasama ýylgyrdy. — Ýöne biziň gülenimiz üçin ol problema öz-özünden ýok bolup ötägitmez. Dogry dälmi?

— Siz ol porhanlyk barada gara çynyňyz bilen soraýaňyzmy? — diýip, Walýa geň galdy.

— Bagyşlaň — diýip, Gleb gobsundy-da, Walýaň önünde tagzym etdi. — Elbetde, ol mesele beýle bir düýpli mesele-de däl. Ýöne şol barada siziň pikiriňizi bilmek...

— Olar ýaly mesele barmyşmy näme! — diýip, Konstantin Iwanowiç gyssandy.

— Bar. Sen porhanlyk problemasyna garaýşyň nähili? — diýip, Walýa güldi-de, birdenem Glebe ýüzlendi. — Bagyşlaň!

— Aýby ýok. Megerem, men siziň ugruňyzdan gopmaýan sorag berendirin.

— Porhanlyk diýen problema ýok diýildi ahyryn — diýip, Konstantin morta jogap gaýtardy.

Bu gezek Glebem güldi. Sonam pikirini jemledi.

— Ýokdan Hudaýam almandyr. Beýle problema ýok bolsa, oňa ýetesi zat ýok. Üstünden ýüki düşse, ata-da ýöremek ýeňil bolýar. — Gleb barmaklaryny hereketlendirip, bir many-ha aňlatjak boldy. — Ine, bular tans edýäler. Emma isleseň, bular ýok ýalam bolup bilerler. Sebäbi... Ýagşy. Ýene bir sorag. Asmandaky Aý hem akyl-huşuň täsiri bilen dörän zat diýen pikire nähili garaýaňyz? Aý emeli orbitada hereket edýär, içinde-de aň-düşünjeli jandar ýaşaýar diýip alymlar çak edýäler...

Kandidat Glebi tanajak bolýan ýaly ýiti-ýiti seretdi.

— Tebigy traýektoriýa baradaky hasap hany? Umuman, kosmos baradaky ylym nämä ýöňkelip bilner?

Adamlar Glebiň aýdýanlaryny üns bilen diňleýerdiler.

— Biziň arşdaky ýakyn goňşymyz diýlip atlandyrylýan Aýa adamzadyň syýahaty ýygjamlaşýar. Aýyň içinde ýaşaýanlaryň sabyr käsesi dolup, ahyr biz bilen duşuşjakdygyny göz önüne getireliň. Şeýle bolaýsa, biz birek-biregiň diline düşerismi? Şoňa taýýarmyşyňyz?

— Soragy kime berýäňiz?

— Size, akylarlara..

— Siz taýýarmy?

— Biz akyldar däl. Biziň alýan aýlyk-günlügimizem akyldarlaňkydan pes. Eger-de sada adamlar bolan biziň pikirimizi bilmek isleseňiz, pikirimizi aýdyp biljek. Aýdaly, Aýyň içindäki aňly jandarlar ýüze çykdy. Nätmegi maslahat berýäňiz? Olar bilen gepleşmek üçin it bolup üýrmelimi, horaz bolup gygyrmalymy? Nätmeli?

Adamlar wakyrdaşyp gülüşdiler, gobsunyşdylar, ýene Glebe nazar aýladylar.

— Bir-biregiň diline düşünişmegem gaty zerur. Dogry dälmi? Olar bilen nädip gepleşmeli? — Gleb sözüne dyngy berdi-de, kandidatlara sorag alamaty bilen seretdi. — Men şeýle zady maslahat berýän. Gün sistemasynyň nusgasyny gumuň ýüzüne çyzmalyda, özümiziň ýerden gelendigimizi aňdymaly. Skafandr geýenem bolsam, egnimde kellämiň bardygyny, aňly-düşünjeli jandardygymy düşündirmeli. Ony ynandyrmak üçin bolsa, olaň özleriniň niredendigini, ýagny çyzylan shemadan Aýy görkezmeli. Aýy görkezeňsoňam «Sen şu taýdan» diýip ümlemeli. Nähili, logiki taýdan dogrumy? Şeýlelik bilen biz birek-birege goňşudygymyza düşünişdik. Ýöne, ondan artyk düşünişen zadymyz ýok. Soňam, şu mahalky derejäme, ýagdaýyma ýetýänçäm, niçiksi kanun bilen ösendigmi aňlatmak zerur.

— Şeýle, şeýle — diýip, kandidat köpmanyly nazar bilen aýalyna seretdi.

Onuň ol hereketem ýerliksizräk bolup çykdy. Sebäbi kandidatyň gürrüňe göwni ýetmeýän nazar bilen aýalyna seredenini Gleb gördi. Şonuň üçinem ol möwç aldy. Oba gelyän tanymal adamlar bilen bolýan duşuşyklarda Glebiň bir möwç alýan pursaty bolýardy. Megerem, ol elmydama şol pursatyň gelmegine garaşýardy, şol pursaty halaýardy.

— Aýalyňyzam gülkä goşulmaga çagyryňyzmy? — Daşyndan göräýmäge Gleb ol soragy tolgunman aýdan ýalam bolsa, aňyrsy ot alyp durdy. — Gaty gowy. Ýöne, has gowusy öňi bilen biziň gazet okamagy öwrenmegimiz gerekdir? Hä, şo pikiri nähili görýäňiz? Gazet okamak kandidatlara-da zelel etmeýä diýýäler.

— Hany siz bir gulak asyň...

— Biz eýýäm gulak asyp bolduk. Aýdan zatlaňňyzdan lezzetem aldyk. Şoň üçinem, ýoldaş kandidat, kandidatlyk diýilýän zadyň satyn alyp, egne geýilýän kostýum dældigini ýatlatmaga rugsat ediň. Kostýum bolaýanda-da ony käte arassalap durmaly. Kandidatlyk bolsa, kostýum bolmany üçin, dile-geldi-bile geldi... — Gleb gürrüňiniň arasyny bölmän, pessaý ses bilen, ynamly gepledi. Kandidatyň bolsa ýüzüne sereder ýaly däl, onuň aljyraňňydygy daşyndanam bildirip durdy. Ol aýalyna, adamlara, Glebe gezek-gezegine seredişirdi. Adamlaryň bary Glebe aňkarýardylar. — Oba taksili gelip, maşyndan baş sany çemodan düşürübem bizi geň galdyrmak bolar... Ýöne, siz bir zady unudýaňyz; durmuşda, ylymda bolýan täzelikleriň habary indi hemme ýere deň ýaýraýar. Indi oba adamlarynam sähel-mähel zat bilen aňkartmak aňsat däl diýjek bolýan. Bize heniz kandidatyň garasyny görenem däl öýdýänsiňiz welin, biz siz ýalyň tutanyny bireýýäm

ütendiris. Kandidatyňam, professoryňam, polkownigiňem göre-göre gelýäs. Olar oňat ýatlama-da galdyrdylar. Sebäbi olar gaty sada adam bolup çykdylar. Bolmalysam şeýle-dä. Men size bir maslahat bereýin, ýoldaş kandidat: aýagyňyzy ýerden üzmejek boluň. Aýagy ýerden üzmezligiň öz manysy bardyr. Aýagyňy ýerden gaty üzmesen, ýykylaňda-da onçakly awunmarsyň.

— Sen barha gaty gitdiň-le — diýip, kandidat Glebe çişerildi. — Bolşuň edil gazykdan boşanana meňzeýär. Aslynda sen...

— Onçasyny men bilmen — diýip, Gleb kandidatyň sözünü bölde. — Men türmede oturyp göremok. Oň üçinem seň ýaňky ýaly sözleňni öwrenmändirin... Öz adamlanňyzyň üstüne hüjüm edýänmi? — Şu ýerde Gleb yzyna düşüp gelen adamlara seredip goýberdi. — Bulaňam türmede oturany ýok. Olaram seň ýaňky diliňe düşünmez. Ýöne şol sözün üçin öz aýalyň welin saňa geň galdy. «Gazykdan boşanan» sözünü o jaýdaky gyzyňam eşider. Eşiderem-de, Moskwa baranson, kimdir biriniň üstüne kükräp, gazykdan boşanmagyň nämedigini düşündirer. Gepiň küle ýeri, o jagaz sözün ahyry oňly gutarmaz, ýoldaş kandidat. Agzyňa gelen sözün baryny daşa çykaryp ýörmelem dälde. Kandidatlyk synagyndan geçeniňde, professoryň üstüne gazykdan boşanan ýaly bolup baran dälseňiz-ä? Şeýle dälmi? — Gleb ýerinden turdy. — Oň bilen gözdaňdam oýnan dälseň. Sebäbi, professora hormat goýmaly, seň ykbalyň oň elinde. Biz näme! Hiç kimiň ykbalynyň çözgüdi bize bagly däl. Oň üçinem biz bilen nähili gepleşesň gelse, şo hilem gepleşibermeli. Şeýlemi? Ýöne ýalňyşýaňyz. Bizem, siziň çak edişiňiz ýaly gazykdan ýörütme dälde. Gazetem okaýas, kitaba güýmenmämizem bar, telewizoram görýäs. Telewizorda görkezilýän käbir üýtgeşik gepleşiklerem bizi geň galdyryp duranok. Sebäbini bilseňiz gelýämi? Sebäbi ol gepleşiklerde-de sadalyk däl-de, köplenç ulumsylyk höküm sürýär. Birneme pessaýlamak gerek, pessaýlamak.

— Baryp ýatan töhmetçi! — diýip, Žurawlyow aýalyna seredip gepledi. — Boş sözleň topluý! Mekirlik, hilegärlik...

— Nyşana degmediňiz. Şu ömrüme adam ogluna töhmet atamok. Hiç kimiň üstünden, namartlyk edip golsuz hatam ýazamok — diýip, Gleb ýene obadaşlaryna nazar aýlady. Obadaşlary onuň ýalan sözlemeýändigini bilýärdiler. — Beýle däl, ýoldaş kandidat. Isleseňiz men özümiň näme aýratynlygymyň bardygynam düşündireýin?

— Düşündir.

— Tumşugyny ýokaryk tutýanyň burnuna pitiklemegi halaýan. Sadarak bolmak gerek, ýoldaşlar, sadarak.

Walýa saklanyp bilmedi.

— Biziň ulumsylygymyzy nirede gördüňiz? Aslynda siz ol ulumsylyk diýen sözi nireden aldyňyz?

— Biz gidemizsoň, özli-özünüň galyň, oňatja oýlanyp görüň. Oýlanyp görseňiz, ony

özünizem bilersiňiz. Müň gezek «Bal-bal» diýeniň bilen agzyň süýjemez. Şoň süýjemejegini bilmek üçin kandidat bolmagam hökman däl. Dogry dälmi? Makalalaryňyzda «halk» diýen sözi ýüz gezek ýazsaňyzam, düşünjäňiz artar öýtmäň. Gepiň gysgasy, halkyň arasyna geleňizde birneme taýýarlykly geljek boluň. Ýogsam akmak adyna eýe bolaýmagyňyz gaty ahmaldyr. Hoş, sag boluň. Halkyň arasynda oňat dynç alyň!

Gleb ýeňiji ýaly ynamly ýylgyrды-da, öýden çykды. Ol mydama şeýdýärdi.

— Baý, duzlady-ow!

— Işini göräýen bolsa gerek. Ýaňky aýly gürrüňi dagy nireden alyp ýörkä bu köpeý ogly?!

— Duzladymy?!

— Duzlama kemini goýmady.

Öýden çykansoň obadaşlarynyň baş ýaýkaşyp aýdan ol sözlerini Gleb eşitmän gitdi.

— Köpeý ogly diýsänim, Konstantin Iwanowiçiň jürüni dikdi ötägitdi. Oň Walýasy dagy asyl agzynam açyp bilmedi.

— Kemini goýdumy? Goýmady. Kostýaň bir sözüne baş söz bilen jogap gaýtardy.

Adamlaryň kandidata nebsi agyrды. Oň şeýledigi olaryň seslerindenem aňdyryp durды. Gleb obadaşlarynyň agzyny açды. Ol, söz ýok, asyl haýran galdы. Bolsa-da, obadaşlary Glebi halamaýardylar diýsegem ýalňyşmarys. Halamaýardylar. Sebäbi, Gleb daşýürek adam. Daşýüreklik bolsa henize çenli hiç ýerde halanman gelýär.

Ertir Gleb Kapustin işe baranda:

— Kandidat nähili onsoň? — diýip, obadaşlaryna kinaýa bilen sorag berer.

Obadaşlary bolsa:

— Aý, sen ony kemsiz duzladyň-la! — diýerler.

— Zeleli ýok. Şeýdip, käte duzlaşdyrsaň diňe bähbit getirer. Birneme oýlanmaklary üçin gowy bor. Ýogsam olar özlerini ýeriň göbegidir öýdüşip ýörler — diýip, Gleb Kapustin öz-özünden razy bolar.

1970 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Срезал

К старухе Агафье Журавлевой приехал сын Константин Иванович. С женой и дочерью. Попроведовать, отдохнуть. Деревня Новая – небольшая деревня, а Константин Иванович еще на такси подкатил, и они еще всем семейством долго вытаскивали чемоданы из багажника... Сразу вся деревня узнала: к Агафье приехал сын с семьей, средний, Костя, богатый, ученый.

К вечеру узнали подробности: он сам – кандидат, жена – тоже кандидат, дочь – школьница. Агафье привезли электрический самовар, цветастый халат и деревянные ложки. Вечером же у Глеба Капустина на крыльце собрались мужики. Ждали Глеба.

Про Глеба Капустина надо рассказать, чтобы понять, почему у него на крыльце собрались мужики и чего они ждали.

Глеб Капустин – толстогубый, белобрысый мужик сорока лет, начитанный и ехидный. Как-то так получилось, что из деревни Новой, хоть она небольшая, много вышло знатных людей: один полковник, два летчика, врач, корреспондент... И вот теперь Журавлев – кандидат. И как-то так повелось, что когда знатные приезжали в деревню на побывку, когда к знатному земляку в избу набивался вечером народ – слушали какие-нибудь дивные истории или сами рассказывали про себя, если земляк интересовался, – тогда-то Глеб Капустин приходил и срезал знатного гостя. Многие этим были недовольны, но многие, мужики особенно, просто ждали, когда Глеб Капустин срежет знатного. Даже не то что ждали, а шли раньше к Глебу, а потом уж – вместе – к гостю. Прямо как на спектакль ходили. В прошлом году Глеб срезал полковника – с блеском, красиво. Заговорили о войне 1812 года... Выяснилось, что полковник не знает, кто велел поджечь Москву. То есть он знал, что какой-то граф, но фамилию перепутал, сказал – Распутин. Глеб Капустин коршуном взмыл над полковником... И срезал. Переволновались все тогда, полковник ругался... Бежали к учительнице домой – узнавать фамилию графа-поджигателя. Глеб Капустин сидел красный в ожидании решающей минуты и только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филах, верно?» Глеб остался победителем; полковник бил себя кулаком по голове и недоумевал. Он очень расстроился. Долго потом говорили в деревне про Глеба, вспоминали, как он только повторял: «Спокойствие, спокойствие, товарищ полковник, мы же не в Филах». Удивлялись на Глеба. Старики интересовались – почему он так говорил.

Глеб посмеивался. И как-то мстительно щурил свои настырные глаза. Все матери знатных людей в деревне не любили Глеба. Опасались.

И вот теперь приехал кандидат Журавлев...

Глеб пришел с работы (он работал на пилораме), умылся, переоделся... Ужинать не стал. Вышел к мужикам на крыльцо.

Закурили... Малость поговорили о том о сем – нарочно не о Журавлеве. Потом Глеб раза два посмотрел в сторону избы бабки Агафьи Журавлевой. Спросил:

– Гости к бабке Агафье приехали?

– Кандидаты!

– Кандидаты? – удивился Глеб. – О-о!.. Голый рукой не возьмешь.

Мужики посмеялись: мол, кто не возьмет, а кто может и взять. И посматривали с нетерпением на Глеба.

– Ну, пошли попроведаем кандидатов, – скромно сказал Глеб.

И пошли.

Глеб шел несколько впереди остальных, шел спокойно, руки в карманах, щурился на избу бабки Агафьи, где теперь находились два кандидата. Получалось вообще-то, что мужики ведут Глеба. Так ведут опытного кулачного бойца, когда становится известно, что на враждебной улице объявился некий новый ухарь. Дорогой говорили мало.

– В какой области кандидаты? – спросил Глеб.

– По какой специальности? А черт его знает... Мне бабенка сказала – кандидаты. И он и жена...

– Есть кандидаты технических наук, есть общеобразовательные, эти в основном трепологией занимаются.

– Костя вообще-то в математике рубил хорошо, – вспомнил кто-то, кто учился с Костей в школе. – Пятерочник был.

Глеб Капустин был родом из соседней деревни и здешних знатных людей знал мало.

– Посмотрим, посмотрим, – неопределенно пообещал Глеб. – Кандидатов сейчас как нерезанных собак.

– На такси приехал...

– Ну, марку-то надо поддержать!... – посмеялся Глеб.

Кандидат Константин Иванович встретил гостей радостно, хлопотал насчет стола... Гости скромно подождали, пока бабка Агафья накрыла стол, поговорили с кандидатом, повспоминали, как в детстве они вместе...

– Эх, детство, детство! – сказал кандидат. – Ну, садитесь за стол, друзья.

Все сели за стол. И Глеб Капустин сел. Он пока помалкивал. Но – видно было – подбирался к прыжку. Он улыбался, поддакнул тоже насчет детства, а сам все взглядывал на кандидата – примеривался.

За столом разговор пошел дружнее, стали уж вроде и забывать про Глеба Капустина... И тут он попер на кандидата.

– В какой области выявляете себя? – спросил он.

– Где работаю, что ли? – не понял кандидат.

– Да.

– На филфаке.

– Философия?

– Не совсем... Ну, можно и так сказать.

– Необходимая вещь. – Глебу нужно было, чтоб была – философия. Он оживился. – Ну, и как насчет первичности?

– Какой первичности? – опять не понял кандидат. И внимательно посмотрел на Глеба. И все посмотрели на Глеба.

– Первичности духа и материи. – Глеб бросил перчатку. Глеб как бы стал в небрежную позу и ждал, когда перчатку поднимут. Кандидат поднял перчатку.

– Как всегда, – сказал он с улыбкой. – Материя первична...

– А дух?

– А дух – потом. А что?

– Это входит в минимум? – Глеб тоже улыбался. – Вы извините, мы тут... далеко от общественных центров, поговорить хочется, но не особенно-то разбежишься – не с кем. Как сейчас философия определяет понятие невесомости?

– Как всегда определяла. Почему – сейчас?

– Но явление-то открыто недавно. – Глеб улыбнулся прямо в глаза кандидату. – Поэтому я и спрашиваю. Натурфилософия, допустим, определит это так, стратегическая философия – совершенно иначе...

– Да нет такой философии – стратегической! – заволновался кандидат. – Вы о чем вообще-то?

– Да, но есть диалектика природы, – спокойно, при общем внимании продолжал Глеб. – А природу определяет философия. В качестве одного из элементов природы недавно обнаружена невесомость. Поэтому я и спрашиваю: растерянности не наблюдается среди философов?

Кандидат искренне засмеялся. Но засмеялся один... И почувствовал неловкость. Позвал жену:

– Валя, иди, у нас тут... какой-то странный разговор!

Валя подошла к столу, но кандидат Константин Иванович все же чувствовал неловкость, потому что мужики смотрели на него и ждали, как он ответит на вопрос.

– Давайте установим, – серьезно заговорил кандидат, – о чем мы говорим.

– Хорошо. Второй вопрос: как вы лично относитесь к проблеме шаманизма в отдельных районах Севера?

Кандидаты засмеялись. Глеб Капустин тоже улыбнулся. И терпеливо ждал, когда кандидаты отсмеются.

– Нет, можно, конечно, сделать вид, что такой проблемы нету. Я с удовольствием тоже посмеюсь вместе с вами... – Глеб опять великодушно улыбнулся. Особо улыбнулся жене кандидата, тоже кандидату, кандидатке, так сказать. – Но от этого проблема как таковая не перестанет существовать. Верно?

– Вы серьезно все это? – спросила Валя.

– С вашего позволения. – Глеб Капустин привстал и сдержанно поклонился кандидатке. И покраснел. – Вопрос, конечно, не глобальный, но, с точки зрения нашего брата, было бы интересно узнать.

– Да какой вопрос-то? – воскликнул кандидат.

– Твое отношение к проблеме шаманизма. – Валя опять невольно засмеялась. Но спохватилась и сказала Глебу: – Извините, пожалуйста.

– Ничего, – сказал Глеб. – Я понимаю, что, может, не по специальности задал вопрос...

– Да нет такой проблемы! – опять сплеча рубанул кандидат. Зря он так. Не надо бы так.

Теперь засмеялся Глеб. И сказал:

– Ну, на нет и суда нет!

Мужики посмотрели на кандидата.

– Баба с возу – коню легче, – еще сказал Глеб. – Проблемы нету, а эти... – Глеб что-то показал руками замысловатое, – танцуют, звенят бубенчиками... Да? Но при желании... – Глеб повторил: – При желании – их как бы нету. Верно? Потому что, если... Хорошо! Еще один вопрос: как вы относитесь к тому, что Луна тоже дело рук разума?

Кандидат молча смотрел на Глеба. Глеб продолжал:

– Вот высказано учеными предположение, что Луна лежит на искусственной орбите, допускается, что внутри живут разумные существа...

– Ну? – спросил кандидат. – И что?

– Где ваши расчеты естественных траекторий? Куда вообще вся космическая наука может быть приложена?

Мужики внимательно слушали Глеба.

– Допуская мысль, что человечество все чаще будет посещать нашу, так сказать, соседку по космосу, можно допустить также, что в один прекрасный момент разумные существа не выдержат и вылезут к нам навстречу. Готовы мы, чтобы понять друг друга?

– Вы кого спрашиваете?

– Вас, мыслителей...

– А вы готовы?

– Мы не мыслители, у нас зарплата не та. Но если вам это интересно, могу поделиться, в каком направлении мы, провинциалы, думаем. Допустим, на поверхность Луны вылезло разумное существо... Что прикажете делать? Лаять по-собачьи? Петухом петь?

Мужики засмеялись. Пошевелились. И опять внимательно уставились на Глеба.

– Но нам тем не менее надо понять друг друга. Верно? Как? – Глеб помолчал вопросительно. Посмотрел на всех. – Я предлагаю: начертить на песке схему нашей солнечной системы и показать ему, что я с Земли, мол. Что, несмотря на то что я в скафандре, у меня тоже есть голова и я тоже разумное существо. В подтверждение этого можно показать ему на схеме, откуда он: показать на Луну, потом на него. Логично? Мы, таким образом, выяснили, что мы соседи. Но не больше того! Дальше требуется объяснить, по каким законам я развивался, прежде чем стал такой, какой есть на данном этапе...

– Так, так. – Кандидат пошевелился и значительно посмотрел на жену. – Это очень интересно: по каким законам?

Это он тоже зря, потому что его значительный взгляд был перехвачен; Глеб взмыл ввысь... И оттуда, с высокой выси, ударил по кандидату. И всякий раз в разговорах со знатными людьми деревни наступал вот такой момент – когда Глеб взмывал вверх. Он, наверно, ждал такого момента, радовался ему, потому что дальше все случалось само собой.

– Приглашаете жену посмеяться? – спросил Глеб. Спросил спокойно, но внутри у него, наверно, все вздрагивало. – Хорошее дело... Только, может быть, мы сперва научимся хотя бы газеты читать? А? Как думаете? Говорят, кандидатам это тоже не мешает...

– Послушайте!..

– Да мы уже послушали! Имели, так сказать, удовольствие. Поэтому позвольте вам заметить, господин кандидат, что кандидатство – это ведь не костюм, который купил – и раз и навсегда. Но даже костюм и то надо иногда чистить. А кандидатство, если уж мы договорились, что это не костюм, тем более надо... поддерживать. – Глеб говорил негромко, но напористо и без передышки – его несло. На кандидата было неловко смотреть: он явно растерялся, смотрел то на жену, то на Глеба, то на мужиков... Мужики старались не смотреть на него. – Нас, конечно, можно тут удивить: подкатить к дому на такси, вытащить из багажника пять чемоданов... Но вы забываете, что поток информации сейчас распространяется везде равномерно. Я хочу сказать, что здесь можно удивить наоборот. Так тоже бывает. Можно понадеяться, что тут кандидатов в глаза не видели, а их тут видели – и кандидатов, и профессоров, и полковников. И сохранили о них приятные воспоминания, потому что это, как правило, люди очень простые. Так что мой вам совет, товарищ кандидат: почаще спускайтесь на землю. Ей-богу, в этом есть разумное начало. Да и не так рискованно: падать будет не так больно.

– Это называется – «покатил бочку», – сказал кандидат. – Ты что, с цепи сорвался? В чем, собственно...

– Не знаю, не знаю, – торопливо перебил его Глеб, – не знаю, как это называется, – я в заключении не был и с цепи не срывался. Зачем? Тут, – оглядел Глеб мужиков, – тоже никто не сидел – не поймут. А вот и жена ваша сделала удивленные глаза... А там дочка услышит. Услышит и «покатит бочку» в Москве на кого-нибудь. Так что этот жаргон может... плохо кончиться, товарищ кандидат. Не все средства хороши, уверяю вас, не все. Вы же, когда сдавали кандидатский минимум, вы же не «катили бочку» на профессора. Верно? – Глеб встал. – И «одеало на себя не тянули». И «по фене не ботали». Потому что профессоров надо уважать – от них судьба зависит, а от нас судьба не зависит, с нами можно «по фене ботать». Так? Напрасно. Мы тут тоже немножко... «микитим». И газеты тоже читаем, и книги, случается, почитываем... И телевизор даже смотрим. И, можете себе представить, не приходим в бурный восторг ни от КВН, ни от «Кабачка «13 стульев». Спросите, почему? Потому что там – та же самонадеянность. Ничего, мол, все съедят. И едят, конечно, ничего не сделаешь. Только не надо делать вид, что все там гении. Кое-кто понимает... Скромней надо.

– Типичный демагог-кляузник, – сказал кандидат, обращаясь к жене. – Весь набор тут...

– Не попали. За всю жизнь ни одной анонимки или кляузы ни на кого не написал. – Глеб посмотрел на мужиков: мужики знали, что это правда. – Не то, товарищ кандидат. Хотите, объясню, в чем моя особенность?

– Хочу, объясните.

– Люблю по носу щелкнуть – не задирайся выше ватерлинии! Скромней, дорогие товарищи...

– Да в чем же вы увидели нашу нескромность? – не вытерпела Валя. – В чем она выразилась-то?

– А вот когда одни останетесь, подумайте хорошенько. Подумайте – и поймете. – Глеб даже как-то с сожалением посмотрел на кандидатов. – Можно ведь сто раз повторить слово «мед», но от этого во рту не станет сладко. Для этого не надо кандидатский минимум сдавать, чтобы понять это. Верно? Можно сотни раз писать во всех статьях слово «народ», но знаний от этого не прибавится. Так что когда уж выезжаете в этот самый народ, то будьте немного собранней. Подготовленней, что ли. А то легко можно в дураках очутиться. До свидания. Приятно провести отпуск... среди народа. – Глеб усмехнулся и не торопясь вышел из избы. Он всегда один уходил от знатных людей.

Он не слышал, как потом мужики, расходясь от кандидатов, говорили:

– Оттянул он его!.. Дошлый, собака. Откуда он про Луну-то знает?

– Срезал.

– Откуда что берется!

И мужики изумленно качали головами:

– Дошлый, собака. Причесал бедного Константина Ивановича... А? Как миленького причесал! А эта-то, Валя-то, даже рта не открывала.

— А что тут скажешь? Тут ничего не скажешь. Он, Костя-то, хотел, конечно, сказать... А тот ему на одно слово — пять.

— Чего тут... Дошлый, собака!

В голосе мужиков слышалась даже как бы жалость к кандидатам, сочувствие. Глеб же Капустин по-прежнему неизменно удивлял. Изумлял. Восхищал даже. Хоть любви, положим, тут не было. Нет, любви не было. Глеб жесток, а жестокость никто, никогда, нигде не любил еще.

Завтра Глеб Капустин, придя на работу, между прочим (играть будет) спросит мужиков:

— Ну, как там кандидат-то? — И усмехнется.

— Срезал ты его, — скажут Глебу.

— Ничего, — великодушно заметит Глеб. — Это полезно. Пусть подумает на досуге. А то слишком много берут на себя...

ENE YÜREGI

Witka Borzenkow raýon merkezindäki bazara gidip et satdy (Ol öýlenjek bolýardy, pul zerur gerekdi). Bazarlyk işini bitirensoň, ol larýoga bardy-da, bir-iki bulgur çakyry jyňkydyp, daş çykdy. Ol çilim çekip durka, ýanyna bir ýaş gyz geldi-de:

— Çilim otlaýyn-la! — diýdi.

Gyz çilim otlap durka, Witka ony elin synlady. Gyz ýaşdy. Ýöne, näme üçindir, ýüzi ýellenendi, barmaklaram sandyrap durdy.

— Öten agşam köp içäýipsiň öýdýän? — diýip, Witka gönümel sorag berdi oturyberdi.

Nebsewürlik bilen çilim soran gyzam ýagdaýyny gizlejegem bolup durmady.

— Ýogsam näme.

— Kelläni düzetmäge-de puluň ýokdur — diýip, Witka has içgin aralaşyp başlady. Özem haly teň adamynyň ýagdaýyny soraman bilýänliginden hoş boldy.

— Pulum ýok. Sende barmy?

(Et satylp bolunýança, çakyrly larýoga girilip-çykylýança ol gyzyň bir gapdalda bukulyp, özüni ýörite garawullanyny Witka çakam etmeýärdi).

— Ýör onda, kelläni düzedeli.

Inçesagt, ýüzi ýakymly gyzy Witka halady. Onuň ýüzüniň çiş, gizlemän, ýagdaýyny gönümel aýdyşy bolsa ýaş ýigidi birneme tolgundyrdy.

Çakyr satylýan larýoga girdiler. Witka derrew bir çüýşe çakyr bilen iki sany bulgur alyp geldi. Öňürti özi bulgurýarym gönderip, galan çakyryň hemmesinem gyza guýup berdi. Soň daşaryk çykyp çilim otlandylar. Witkaň keýpi oňat boldy,

gyzyňkam oňat boldy. Ikisiniňkem oňat boldy.

— Şu ýerlimiň?

— Hawa. Ýaşayan ýerim uzagam däl — diýip, gyz elini salgady. — Taňryýalkasyn. Özüme geläýdim.

— Ýene meýliň bolsa-ha...

— İçsegem bolman durmaz. Ýöne, bu ýerde-hä däl.

— Eýsem niredede?

— Bize gitsegem bor. Öýde hiç kim ýokdur...

Witkanyň kalbynda bir ýumşaklyk, näziklik peýda boldy. Oba çenli awtobus sagatýarym ýöreýär. Wagtam entek giç däl. Soňky awtobus ugraýança bir topar zada ýetişmek boljak.

Witka näçe çüýşe içgi aljagyny oýlanyp durka:

— Meň joramam bardyr — diýip, gyz içgini köpräk almalydygyny aýlaw bilen syzdyrdy.

Witka iki çüýşe gyzył, bir çüýşe-de ak aldy. Şeýdip olar edil köne ülpet ýaly tirkeşip bazardan çykdylar.

— Bazara näme üçin geldiň?

— Et satdym. Öýlenjek bolýan. Harjy gerek.

— Be-e.

— Öýlenjek. Besdir indi. Sallahlykdanam halys irdim.

Gelinligiň barka, öýlenjek bolup ýörkän, gabat gelen nätanys gyz bilen beýdişip ýörmegiň gelşiksizdigi barada Witka pikirem etmedi. Gaýtam häzir Witka üçin nätanys bilen tirkeşmek öz gelinligi bilen tirkeşenden gyzykly bolup duýuldy.

— Gelinligiň gowy gyzmy?

— Näme diýsemkäm? Öýdeçilräk. Gowy hojalykçy boljak.

— Söýýäňmi?

— Näme diýsemkäm? Bir mahalky ýaly ýüregiňi jigledip barýan söýgi bar diýsem-ä ýalap sozledigim bolýa. Aý, öňi-soňy öýlenmeli-dä.

— Ýalňyşayma. Bir ýalňyşsaň-a, bu meselede ömür ökünip geçmeli borsuň.

Umuman, ol ikisiniň arasynda şol hem şoňa meňzeş gürrüň bolup, ahyr gyzyň ýaşaýan ýerine ýetdiler. (Gyzyň ady Ritady). Gep-gürrüň bilen Witka haýsy köçe bilen, nädip gelenlerinem duýman galdy. Ritanyň ýaşaýan jaýy köneräk, ýöne ýene ýetmiş-segsen ýyl saklanjak jaýdy.

Üç otagly jaý arassajady, akja matalar bilen bezelendi. Ol ýagdaý Witkanyň keypini göterdi. Durmuş-da. Çüwse, rysgalyň agzyňa geläýýär.

— Hany joraň?

— Biraz garaş. Men oň yzyndan gideýin.

— Garaşaýyn welin, ýüpsüz daňyp goýaýmagyn. Bormy?

— Men derrew dolanaryn. Için gyssa radiolany açay.

Näme üçin bu gyz bilen ähli zat ap-aňsatka? Bary-ýogy baş minut bäri tanasa-da, Witka ol gyzy ömri boýy bilýän ýalydy. Ine saňa durmuş! Ol gyzyň aladaly, gaýgylly hem akyllly gözleri bardy. Birden-birden Witka ony bagryna basyberesi geldi, näme üçindir oň gyza nebsi hem agyrdy.

Rita çykyp gitdi. Witka jaýyň içinde gezmelemäge başlady. Radiolanam açmady. Radiolasyzam onuň ýüregi gürsüldäp, begençden dolup durdy.

Bolan waka soň Witkanyň ýadyna düşýär. Ritanyň jorasy geldi. Ol Rita görä görmeksizräk, lakgyrak, ýaşam birneme ulurakdy. Ol gyz gapydan girenden, eňegine jaň dakylan ýaly gepläp başlady, bir mahal sirkde işläni, gören-eşidenlerini aýdyşdyrды... Soň içmäge oturdylar. Witka stoluň başynda Ritany ogşap aldy. Ritanyň jorasy bolsa, Witkanyň eden hereketlerini tassyklap baş atdy. Rita bolsa henek edip Witkanyň goşaryna uran boldy. Rita ýaş ýigidi iteklän kişi bolsa-da, oňa tarap gysmyljyrady, boýnundan gujaklady.

«Ine saňa durmuş! Men nähili zor adam!» — diýip Witka içini gepletди.

Soň Witka özüni ýitirdi. Näme edip, näme goýanyňam bilmedi. Ol özüne gelende, bir köne haýatyň düýbünde ýatan ekeni. Niredede ýatanyny, bu ýere nädip düşenini aňsyrjak bolup özüni kän gynady. Onuň kellesi güwläp, çekgeleri sanjyp durdy, bokurdagy gurap, agzyndan ot çykýardy. Ol Rita atly gyzy zordan ýatlamaga ýarady. Içgä nämedir bir baş aýlaýan zat goşup berenlerini, şeýdibem puluny alandyklaryny çaklady. Pul hakdaky pikir ony birneme janlandyrды. Ol kynlyk bilen ýerinden turup, jübülerini barlaşdyrды. Elbetde, pul ýokdy. Witka haýata ýapyşyp, töwerege ser saldy. Golaý-goltumda Ritanyň jaýyna meňzeş jaý görünmedi. Köçe-de, görünýän jaýlaram düýpden başgady.

Witka heniz bazardan çykmanka, bir onlугy sagat jübüsünde gizläpди. Ol-a bar ekeni. Ol nirä barýanyňam bilmän, ýola düşdi, bir garryja adam gabat gelende bolsa, awtobus stansiýasynyň nirededigini sorady. Duralga asyl daşam däl ekeni. Ilki göni, soň çepe, göni köçe bilen gidibem ýene çepe sowulaýmaly ekeni.

«Şeýtseň duralga göni maňlaýyňy dirärsiň». Duralga baryança Witkanyň ýüregi şäherli bezzatlara bolan ýigrençden doldy. Şolara bolan gazapdan ýaňa onuň kellesiniň agyrysam kiplady. Olardan ar almak höwesini döredi.
— Bolýa, bolýa. Men entek size görkezerin — diýip, ol samrady.

Diýse-de, ol ýaramaz adamlar bilen näme etjegini welin göz önüne getirip bilmeýärdi. Bir zat bellidi — bu wakanyň soňy oňlulyk bilen gutarmaly däl.

Awtobus duralgasynyň ýanyndaky laryok gijä çenli işleýärdi. Onuň töweregi mydama märekelidi. Witka bir çüýşe çakyr aldy-da, ony çüýşäniň bokurdagyndan jynktydy, boşan çüýşäni bolsa agaçlaryň arasyna dazladyp zyňyp goýberdi. Şol mahal onuň golaýynda duran çalarak serhoş üç adamynyň biri:

— Agaçlaryň arasynda adam oturan bolsa nätjek? — diýdi.

Ol soragdan soň, yrsarap duran Witka bilindäki flot kemerini çözdide, onuň bir ujuny eline sarady, kemerini tokaly tarapy boş galdy. Şol adamlar gabat gelenini Witka kemem görmedi.

— Agaçlaryň arasynda adam bar diýýäňmi? Adam näme işlesin. Siziň bu bitli şäherjigiňizde nä adam bar?

Ol üçüsi bir-birlerine seredişdiler.

— Eýsem biz adam dälmi?

— Siz adam däl. Size haýwan diýerler, haýwan. Onda-da ganjyk.

Üç adam Witkanyň üstüne, Witka-da üç adamynyň üstüne hüjüm etdi. Olaryň biri-hä kellesine degen tokanyň zarbyna derrew ýere ýazyldy, beýleki ikisi bolsa, kellelerini urgudan gorap, ayak bilen Witkany ýykjak bolýardylar. Birden olar:

— Haý ýetiň, biziňkileri urýarlar! — diýip gygyryşdylar.

Bir ýerden ýene baş sany adam atylyp çykdy. Dogry, Witkaňam gözhakyny berdiler. Kimdir biri yzdan gelip, elindäki boş çüýşe bilen onuň depesinden inderdi. Her hal Witka ýykylan saklandy. Onuň kemsidilen ýüregi birneme aram tapdy.

Witkanyň üstüne hüjüm edýänler hapa-hapa sögünýärdiler, öz-özleri bilen çakyşýardylar, tertipsiz loňkudyklaşýardylar. Şeýdibem bir-birlerine zeper ýetirýärdiler. Witka bolsa ol ajym-büjümlükden peýdalanyň, kemerini mäkäm işledýärdi.

Bir ýerden milisiýa peýda boldy. Adam bary üşüp, Witkany haýat bilen laryogyň arasyndaky darajyk burça gysdylar. Witka kemeri bilen goranyň, ýanyna adam eltmeyärdi. Milisioneri öňe goýberdiler. Gany gyzan Witka milisioneriň kellesine kemer bilen ýelmäp goýberdi. In erbedem kemerini tokasynyň iç ýüzüne gursun guýlandy. Şonuň üçinem ol degende degen ýerini owardyp barýardy. Milisioner

ýykyldy. Onuň ýykylanyny gören adamlar aňk bolup, ah çekdiler. Bolmasyz işiň bolandygyna Witka şondan soň düşüňip galdy. Ony eltmeli ýerine eltdiler.

Bolan betbagtlygyň habary Witkanyň ejesine ertesi baryp ýetdi. Irden ony ýerli milisiýa çagyryp, şäherde oglunyň nämeler edenini birin-birin aýtdylar.

— Eý, Hudaý! — diýip, garry allaniçigsi boldy. — Indi ony näderler?

— Näderler. Türmä salarlar. Milisioneriň kellesi ýarylypdyr. Özem keselhanada. Olar ýaly iş üçin türmeden başga ýere äkitmezler. Baş ýyl töweregi bererler. Nä, beýder ýaly ol aklyndan azaşypmy?

— Eý, Hudaý, her edip-hesip edip ýardam kylaweri! — diýip, garry ot-elek boldy.
— Kömek ediň!

— Aýdýanyň näme? Men nädip kömek edeýin?

— Wah, içendir ol, içendir. İçse aklyndan azaşýa-da...

— Meň elimden gelýän zat ýok, garry. Ol eýýäm eltmeli ýerine eltilipdir. Eýýäm dokumendem ýazandyrlar...

— Kim kömek edip bilerkä?

— Kim kömek etsin?! Hiç kimem başarmaz... Milisiýa gidip, ýagdaýyny bir doly bilişdir. Ýöne, olardanam saňa kömek ýokdur.

Ýeňil aýak, arryk, damarлак pahyr oba içinde elewräp bildi. Ol oba Sowetiniň başlygynyň ýanyna-da bardy. Olam ozal aýdylan sozleri gaýtalady.

— Men nädip kömek edeýin? Häsiýetnama ýazyp beräýmesem, başga-ha elimden gelýän zat ýok. Barybir häsiýetnama talap ederler. Şonda oňat edip ýazaryn.

— Ýazaweri, janym, oňat edip ýazaweri. Sag bolsa, garynjaňam göwnüne degmezdi diýip ýaz.

— Adama ýara salan bolsa, sagmy-serhoşmysyny sorap duraslary ýok-la. Näme et diýsene? Sen, gowusy, şol ýaralanan milisioneriň üstüne git. Belkem, ýarasy onçakly agyr däldir. Agyr bolmanda-da...

— Beren maslahatyň üçin Alla seni ýalkasyn, janym, Alla ýalkasyn!..

Witkanyň ejesi raýon merkezine tarap eňdi. Baş çaganyň enesi bolan ol pahyr entek gaty ýaşka dul galdy. Kakasynyň wepat bolandygy baradaky habar gelende (Bir müň dokuz ýüz kyrk ikide) Witka emýän çagady. Garrynyň uly oglam 1945-de wepat boldy, gyzy kyrk altyda açlykdan gitdi. Soňky iki ogly ölmän sypdy, olaram heniz oglanka FZU-a okuwa gidip, häzirem başga şäherlerde ýaşaýardylar. Witkany bolsa o pahyr zordan adam etdi. Özi iýmän iýdirdi, özi geýmän, geýdirdi. Azaby köýmedi. Witka daýaw ýigit bolup ýetişdi. Onuň ähli zady gowy welin, şu

içmesi bar-da. İçse-de, halys bolmajysy bolaýýar. Atasyna çekipdir-dä. Ýatan ýeri ýagty bolmuş, o pahyr obada ýumruklaşma bolsa birinem sypdyran däldir.

Garry milisiýa baranda, hakyt düýnki awtobus duralgasynda bolan wakany ara alyp maslahatlaşyp oturan ekenler. Witka milisioneriň-ä mazaly hakyny beripdir. Ol, dogrudanam, keselhanadady. Ýene iki sany serhoşam keselhana düşüpdür. Olaram Witkanyň kemeri sebäpli.

Kemere üns bilen seredýärdiler.

— Gör-ä haramzadanyň tapýan zadyny! Göräýmäge kemer-dä. Emma agramyny... Hernä gapyrğaň ýüzüne uraýmandyr...

Şol mahalam Witkanyň ejesi jaýa girdi. Ol bosagadan ätlän badyna dyzyna çöküp jowrandy, ýagşy dilegler etdi, haýyş etdi.

— Siz edil perişde ýalysyňyz-la. Wah, siziň kelläňizem akyldan doludyr-la... Birneme rehimdar bolaweriň. Kömek ediň. Witkamyň günäsini geçiň! Wah, ol serhoş bolandyr. Serhoş dagy bolmasa iň soňkuja köýnegini beribem adamlara ýagşylyk edýändir. Adam çagasynyň göwnüne-de degýän däldir...

Ketderägi bolsa gerek, stoluň aňyrsynda Witkanyň kemerini elläp oturan milisioner sadadan, düşnükli gepledi.

— Hany, garry, sen entek ýeriňden bir gal. Beýder ýaly bu ýeri buthana дәl. Hany, gel, muny gör...

Naçalnigiň mylaýym sözlerinden birneme ruhlanan garry ýerinden galdy.

— Hany, ogluň kemerini bir gör. Nä ol flotda gulluk edipmidi?

— Hawa, hawa. Flotda gulluk etdi, flotda.

— Muňa bir seret. — Naçalnik kemeriniň tokaly ýerini saldarlap gördi. — Şuň bilen bir ursañ adam ölerem. Gapyrğa dagy degäýse gutardygy hasap edäý. Ganhorluk. Häzir doktorlar üç adamynyň janyny halas etmek üçin göreşýärler. Sen bolsa, günä geçmek hakda gürrüň edýäň. Seň ogluň üç adamyny keselhana dykdy ahyryn. Olaň birini bolsa gulluk wezipesini ýerine ýetirip ýörkä şeýtdi. Özüň oýlanyp gör, garry, heý şolar ýaly wagşylykdan soňam günä geçmek hakda pikir edip bolarmy?

Ene ýüregi şeýle-dä. Öz çagasy betbagtlyga uçranda, ol başga biriniň akylyly maslahatynam kabul edip bilmeýär. Her hili söz bilen, her hili gep bilen enä öz oglunyň günäkärdigini ynandyryjak gümanyň ýokdur.

— Wah, eziz balalar! — diýip, garry ýene möňňürdi. — Serhoşlukda beýle zatlar bola-bola gelýändir-le... Nebsiňiz agyrsyn...

Garrynyň ýagdaýy gözgynydy. Onuň sandyraýan sesinde haýpygelijilik, ejizlik

alamaty bardy. Milisioner diýilýän halk, ýogsam, onçakly ýüregi ýuka-da dälidir. Emma olaram enäniň bolşuna seredip bilmediler: kimisi aňyrsyny bakdy, kimisi çilim otlanan boldy.

— Ol meň ýeke-täk öýdeş oglum ahyryn. Meni eklejegem şol, saklajagam. Özem öýlenjek bolup ýördi. Indi ony türmä salaýsalar, gelinligi näder? Ýa gelýänçä garaşar öýdýäňizmi? Garaşjak gümany barmy. Gelinligme-de nebsim agyrýar. Gül ýaly gyz, özem oňat maşgaladan...

— Ogluň şähere näme iş bilen gaýdypdy? — diýip, naçalnik sorag berdi.

— Et satmaga. Bazara, etjagaz satmaga gaýdypdy. Pul gerekdi. Gelin edinjek bolsaň, ýogsam puly nireden aljak?

— Ogluň ýanynda gara köpügem ýok ekeni.

— Eý, Hudaý! — diýip, garry howpurgady. — Oň pullaryna näme bolduka?

— Puluna näme bolanyňy özünden soramak gerek, özünden.

— Wah, ogurlandyrlar, ogurlandyrlar. Şoň üçinem, jany ýangynly oylan uruşmaly bolandyr. Puluny ogurlandyrlar. Julikler ogurlandyr, julikler...

— Puluny žulikler ogurlan bolsa, biziň işgärmizde näme günä bolup biler? Ony näme üçin urýamyş ol?

— Garma-gürme-de oňa-da degäýendir-dä.

— Her garma-gürmede, şeýdip, birimizi urup ýykjak bolsalar, basym bizde milisionerem galmaz. Siziň ogullaňňyz gaty gyzma bolýalar. — Naçalnik kesgitli sözledi. — Günä geçmek diýen zat bolmaz, garry. Ogluň etmişine görä temmi alar.

— Wah, perişdeler, men garra nebsiňiz agyrsyn — diýip, garry ýene ýalbaryp başlady. — Men betbagta rehimiňiz insin. Men ýaňy durmuşyň gyrasyndan girdim. Şu mahala çenli oňly gün gören dälidirin. Oglum işeňňir ogul. Ynha, öýlense dagy gül ýaly adam bolup gider. Rehim ediň. Menem ölmänkäm agtyga guwanaýyn...

— Gep bizde däl, ene, sen şoňa düşün. Prokuror bar ahyryn. Biz seň ogluňy goýberäýsek, nämä esaslanyp boşatdyňyz diýen sorag bererler. Oňa näme jogap bereli. Biziň beýtmäge hakymyz ýok, hakymyz. Men seň ogluň ýerine türmede oturyp bilmen ahyryn.

— Belkem şo urlan milisioneriň ugruny tapyp bolar? Öz elim bilen dokan matam bar. Belkem...

— Ol senden zat almaz — diýip, indi naçalnik birneme sesini gataltdy. — Adamlary oňaysyz ýagdaýda goýjak bolma. Bu ýagdaý iki garyndaşyň sene-menesi däl ahyryn.

— Indi men nirä ýuz tutaýyn, balalam? Sizden ýokarda adam barmy?

— Goý, prokuroryň ýanyna gidip görsün — diýip, duranlaryň biri maslahat berdi.

— Melnikow, garryny prokuroryň ýanyna ugrat — diýip, naçalnik buýruk berdi, soňam ýene garra tarap öwrüldi-de, ker bilen ýa-da düşünjesiz bilen gepleşýän ýaly äheňde sözledi. — Bar prokuroryň ýanyna. Ol bizden ýokarydyr. Goý, ol saňa düşündiriş bersin. Biz seň ogluňy boşadyp bilýäsmi ýa-da ýok. Sen dogry düşün, ene, bärde seni aldajak bolýan adam ýok.

Milisioner bilen tirkeşip, garry prokuroryň ýanyna gitdi. Ýolda ol Melnikow bilen gep alyşmaga synanyşdy.

— Balam, Witka ony erbet ýaralapmy?

Milisioner Melnikow hem oýlandy, hem dymdy.

— Sud edäýseler, näçe ýyl keserkäler?

Milisioner giň-giň ädimläp, dymyp barýardy.

Gapdalyndan gypdaklap barýan garry her edip-hesip edip, uzyn milisioneri gepletjek bolýardy.

— Dymma, balam, sen maňa düşündir, balam. Seňem eneň bardyr. Biz eneler şeýle-dä. Häzir geplän bolup barýan welin, her aýdan sözümem bagryma sanjy bolup ornaýar. Näçe ýyl keserkäler, ä?

Milisioner Melnikow gümürtik jogap gaýtardy.

— Ynha adamynyň mazarynyň üstünden gümmez dikýäler, mazaryň töweregini syrýp-süpürýäler. Nä o zatlar ölüler üçin gerekdir öýdýäňmi? Elbetde, dirilere gerek. Öldüň — öçdüň. Öleňsoň näme etselerem seň üçin atyň gulagy ýaly des-deň.

Garry allaniçigsi boldy. Asyl ol saklandam.

— O gepleň näme? Sen näme diýjek bolýaň?

— Hany ýör. Barybir seň ogluňy sud ederler diýjek bolýan. Puluny ogurlapdyrlar, özem içgili ekeni diýip, günäsini ötmeklerem mümkin. Ýöne, barybir sud-ha ederler oňa. Syýasat üçin. Şol iş başgalara sapak bolmaly-da.

— Serhoş ekeni diýip özüňem aýdyp dursuň-a?

— Serhoşluk delil bolup bilmez. Hiç kim ony zor bilen içiren dälidir. Özi keýpihon içendir. Seň ogluňy basarlar. Ol hem başgalara sapak bolar. Şeýtmeseň, sizi ömrüň ötyänçä-de terbiýeläp bolmaz.

«Uzyn milisioner Witkany ýigrenýär ekeni». Onuň sözlerinden garry şeýle netije çykardy. Şonuň üçinem ol dymdy.

Prokuror birinji bakysda garra ýarady. Ol garrynyň Witkanyň oňat ýigitdigi, bolan bişeykel işiň serhoşlygynyň netijesidigi, içmedik bolsa olar ýaly wakanyň golaýyndanam geçmejekdigi, sag bolsa siňegiňem göwnüne degmejegigi, eger ogluny türmä salaýsalar, özüne gaty agyr degjekdigi baradaky uzyn-dan-uzyn gürrüňini kanagat edip, ahyryna çenli diňledi. Garry kân, gaty kân gepledi. Ol Witkanyň öýlenjek bolýandygyny, gowy gelinliginiň bardygyny, eger ogluny türmä salaýsalar, olar ýaly gowy gelinligi öňýeteniň garbap aljakdygyny birin-birin aýdysdyrды...

Prokuror barmaklaryny stola tykyrdadyp, daşdan aýlady.

— Ine, sen daýhan adamsy. Maşgalaňyzyň jan sanam esli bardyr...

— On alty jandan. Iki sany kiçijigimiz dünýäden ötdi. Galan on dördümiz adam bolduk. Pawel öldi, soňky ölenjäňem adyna Pawel goýupdyk...

— Gördüňmi, on alty sany! Kiçeňräk bir jemgyýet-dä. Jemgyýetiň başynda-da ataňyz durandyr. Şeýlemi?

— Gaty dogry, örän dogry. Hemmämizem atamyza gulak asardyk.

Prokuror garryny sözünde tutdy.

— Ana, gördüňmi? Ataňyz gulak asýar ekeniňiz. Näme üçin gulak asýardyňyz? Biri garagolluk edäýse, kakaňyz kemer bilen oň mazaly suwuna degýär. Onam beýlekiler görüp durlar. Betçilik edäýse, kemeriniň degjekdigini öňünden bilip durandyrlar. Uly maşgalalarda tertip-düzgünü şeýdip saklar ekenler. Özem diňe kemer bilen. Ataňyz günä edeniň birini bagyşlasa, ikinjisini bagyşlasa näme bolardy? Maşgala dargardy.... Men seň ýagdaýyňa düşüňän, garry. Seň ýüregiň awaýandyr. Dogrumy aýtsam, size meňem nebsim agyrýar. Türme diýilýän ýer kurort däl. Ýagdaýa görä aýtsak, ogluňa esli ýyl hem berseler gerek. Adamçylyk nukdaýnazarýndan garasak, ähli zada düşüňäs, gynanýasam. Ýöne iň ýokary nukdaýnazar diýibem bir zat bar. Şoňa gezek gelende, biziň aýagymyz duşaklanan ýaly bolaýýar. Ogluňy sud ederler. Näçe ýyl beriljegini bolsa sud kesgitläär. Ony men aýdyp biljek däl.

«Muňam Witkamy halamaýany aýdyň boldy — diýip, garry içini gepletledi. — Uylan milisioner özleriniňki bolýa-da. Şoň üçin Witkany ýigrenýändir bi».

— Heý, senden ýokarda-da adam barmy?

Prokuror garrynyň soragyna oňly düşünmän:

— O nähili ýokarda? — diýip sorady.

— Iň uly hojaýyn senmi ýa-da senden ýokarda-da naçalnik barmy?

Gülenini özi halamasa-da, prokuror gülüp goýberdi.

— Bar, garry, bar. Gaty kän!

— Hany, olar nirede oturýarlar?

— Nirede diýsemkäm? Ülke guramalary bar, ýene... Näme sen şolaň ýanyňa gidäýsem diýýäňmi? Men-ä git diýip maslahat berjek däl.

— Düşünýän adamlar maňa dowletli maslahat berdiler. Näme etjek bolsaň, sud bolmanka etmelimiş. Soň gaty kyn bolýamyş.

— Şol düşünjeli diýýän adamlar «Siz düşünjesiz ekeniňiz» — diý. Olar kesesinden seretseň düşünjelidir. Saňa beýle maslahaty beren kim?

— Bar-da şeýle adamlar.

— Beýle bolsa, barasyň gelen ýere bar. Biderek harajat çykaranyň galar. Netije bolmaz. Men saňa gaty çynym bilen aýdýan, garry. Ogluňy hökman sud ederler. Sud etmezlige biziň hakymyz ýok. Hiç kim ol sudy ýatyryp bilmez.

Garrynyň ýüregi gyým-gyým boldy. Ýöne prokurora bolan gahary ony ýykman saklady. Ýogsam onuň aýaklary sandyrap, göwresini zordan saklaýardy.

— Oglum bilen görüşmäge bir rugsat ber.

— Ol bolar — diýip, prokuror derrew ylalaşdy. — Oň ýanynda lomaý puly bar eken diýýäler-le...

— Bardy, bardy...

Prokuror kagyzyň ýüzüne bir zatlar ýazdy-da, garra uzatdy.

— Şuny eltip milisiýa görkezäý.

Garry milisiýanyň jaýyna ýeke özi gitdi. Sorap-idäp tapdy. Enäniň gözleri garaňkyrap, bokurdagy dolup durdy. Ol gözýaşyny ýaglygynyň uýy bilen süpürüp, ýolboýy aglady, käte ýanyoluň gyrasyndan çykyşyp duran tagtalara бүдүрәп, adaty bolşy ýaly çalt-çalt ädimledi. Ol howlугýardy. Ol özüniň howlukmalydygyna, etmeli işleri gaty çalt etmelidigine düşünyärdi, sud edilensoň, ähli ylgaşlanyň netijesiz boljakdygyny bilýärdi. Ol pahyr ömri boýy gam-gussa bilen iş salşyp geçmeli boldy, özem şular ýaly gyssagara, ýolugra gözýaşyny süpürüp geçmeli boldy. Emma ol entek oňat adamlara, özüne kömek edip biljek ýagşy adamlara bil baglaýardy. Ýokarlarda oturan gowy adamlar barka, umyt etse bolar. «Bulaňky-ha düşnükli. Öz adamlaryny kemsidipdir, urupdyr. Ýokarda oturanlara ähli ýagdaýy aýdaryn, olar hökman kömek ederler». Geň zat, garry ogly bir erbet iş edendir öýdüp göwnüne-de getirmeyärdi. Ol ogly bilen bir betbagtlygyny bolandygyny bilýärdi, ýöne ony günäkärdir öýtmeyärdi. Ogly şol betbagtlykdan halas etmelem diňe soň özüdi. Garry onuň üçin ülke edaralaryna

çenli pyýada gitmäge-de, gije-gündiz dynman ýöremäge-de razydy. Ene ol ýüregi ýuka adamlary hökman tapar, hökman.

— Nätdiň? — diýip, milisiýanyň naçalnigi garrynyň ýüzüne seretdi.

— Ülke edaralaryna gitmegi maslahat berdi. Ine, bi bolsa, oglum bilen duşuşmaga rugsat haty. — Garry kagyzy naçalnige uzatdy.

Naçalnik birneme geňirgenýändigini daşyndan duýdurmazlyga çalyşsa-da, ol aňdyryp durdy. Haty okanda, onuň üýtgändigini garry aňdy, şonuň üçinem ol birneme köşeşdi. «A-ha-a!».

— Melnikow, garryny ugrat!

Garry uzak gitmelidir öýdüp çak etdi. Ogluny görmek üçin demir gapyly jaýa girip, gepleşeňde-de kiçijik deşijekden ökjesini galdyryp gepleşmeli bolar diýip göz önüne getirdi. Emma Witka edil milisiýanyň jaýynyň aşagyndaky tamda ekeni. Koridorda saçlary syrylan adamlar domino oýnap otyrdylar. Olar garra hem milisionere siňe-siňe seredişdiler. Olaryň arasynda Witka ýokdy.

— Ýeri, ene, senem on baş sutka aldyňmy? — diýip, ýüzi lopbuk biri sorag berdi. Ol soraga töwerekdäkiler ala-wakyrdy bolup gülüşdiler.

Milisioner kameralaryň biriniň agzyny açdy. Kamera uludy, içinde bolsa, Witkanyň ýeke özüdi. Ol agaç tapçanyň üstünde ýatyrdy. Milisioner girende, ol bilmediksirän bolup, arkaýyn ýatanam bolsa, onuň zyndan peýda bolan ejesini görüp ýerinden zöwwe galdy.

— Gepleşmäge on minut rugsat berilýär — diýip, habar beren uzyn milisioner çykyp gitdi.

Garry tagtanyň üstünde oturdy-da, derrew gözýaşyny süpürdi.

— Bu jaý ýeriň astynda bolsa-da hem gury, hem ýyljak ekeni.

Dyzyny gujaklap, gapa seredip oturan Witka dymdy. Bir gijäň dowamynda ony sakgal-murt basyp gidipdir. Ol çalarak sandyraýardy, sandyramasynam ejesinden gizlemäge çalyşýardy.

— Puluňy-ha ogurlandyrlar?

— Ogurladylar.

— Pul-a jähennem welin, uruşmaň näme diýsene. Ogrular bizi däl-de, biz ogrulary eklemeli akyrn.

Her hili ýagdaýda-da, Witka nähili ýol bilen puluny ogurladanyny adam ogluna aýdyp biljek däl. Utançdy. Kim ogurlady? Iki sany jelep... Iki sany jelebe pul ogurlatmak gaty utanç zat ahyryn. Ejesine-de nebsi agyrýar. Garrynyň ähli

kynçylygy ýeňip, öz ýanyna geljekdigini Witka bilýärdi.

Şol mahal enäniň kalbynda düýpden başga pikir bardy. Ol häzir jahanda sud, prokuror, milisioner, türme diýen zatlaryň bardygynam duýmaýardy. Onuň gapdalynda ejiz hem günäkär çagasy otyrды. Eneden perzendini hiç kim, hiç mahal aýryp bilmeli däldi.

— Milisioneri gaty urdummykam? Eşitmediňmi?

— Ýok-la, ullakan zat ýokmuş... Ýöne, keselhanada ýerinden galman-a ýatanmyş.

— Ekspertizadan geçirendirler. Sprawka alandyrlar — diýip, Witka ejesiniň ýüzüne seretdi. — Ýedi ýyl dagy ýelmeseler gerek.

— Eý, Taňrym! — diýen garrynyň ýüregi jigläp gitdi. — Ýedi ýyl diýenem bir zat bormy!

— Ýedi ýyl, eje, ýedi ýyl! — Witka ýerinden turdy-da, kameranyň içinde gezmelemäge başlady. — Iş pyrryk. Ömrüň ýandy hasap edäý.

Enäniň parasatly ýüregi çagasynyň kalbynda ahyrzamananyň gopýandygyny duýdy.

— Eýýäm ýyl kesilen ýaly oda düşmäň näme? — diýip, garry ogluna gyjالات berdi.

— Eýýäm boljak iş bolupmyşmy?

— Bolmasa bolar-da. Başga nämä garaşýaň? Boljak zat belli ahyryn.

— Beýle köp biljek bolmazlar. Sen gowusy, meň nirelere baranymy, kimler bilen seň üçin gürleşenimi sora.

— Nirä bardyň? — diýen Witka gezmelemesini goýdy.

— Men prokuroryň ýanyna bardym.

— Nämе diýdi?

— Ruhdan düşme-de, öňürti şо hakda sora-da. Gaty ejiz bolýaňyz. Heniz gaýa ýok, gopuz ýok...

— Prokuror nämе diýdi?

— Şu mahaldan gam kölüne batyp oturmasyn-da, kellesindäki ýaramaz pikirleri taşlasyn diýýä. Olaň özleri-hä hiç zat edip biljekgäller. Haklary ýok. Maňa bolsa, ülke edaralaryna gitmegi maslahat berdi. «Bize şо ýerden buýruk bererler welin, boşatmaga mejbur borus. Ana, onsoň Witkany sud etmänimiz üçin öz wyždanymyzyň öňünde-de günäli bolmarys» diýdi. Prokuror eýýäm ähli zady ölçedi, biçdi. «Witka meňem nebsim agyrýar» — diýýä. «Ýöne, biziň elimizden gelýän zat ýok» diýýä. «Ýokaryk git-de, bolan işleri jikme-jik aýt» — diýýä... Seň

näçe puluň bardy?

— Ýüz elli.

— Wah-wah-eý, elimizi ýuwaýdykmy?

Uzynak milisioner gapydan äňetdi.

— Gutaryň!

— Gutarýas, gutarýas, — diýip, garry çalt-çaltdan gepledi. — Biz etjek gürrüňimizi edip bolduk... Häzir men oba ugramakçy. Mişka Byçkow saňa häsiýetnama ýazyp goýmalydyr. Oňat edip ýazaryn diýdi özem.

— Meň çemodanymda gulluk mahaly berlen her hili «Minnetdarlyk», «Hormat hatlary» bolmalydyr. Nepi degmegi mümkin, şolaram alyşdyraýgyn.

— Nähili hatlar?

— Çemodany açsaň özüň görersiň.

— Hökman alaryn, hökman. Soň kantura gidip häsiýetnama-da alaryn. Menem elim boş gidesim ýok. Belki, dokan matamam sataryn. Sergeýewa-ha hyrydar bolupdy oňa.

— Ony satyp näme etjek?

— Ýanyňda az-kem pul bolsa-da zeperi ýetmez. Megerem, oňa-muňa emlemeli bolar.

— O gepiňi goý, eje. Beýtseň, tersine, işi bulaşdyrarsyň.

— Ýagdaýa serederin-dä.

Milisioner ýene gapydan äňetdi.

— Wagt boldy.

— Çykýan, çykýan — dýýip, garry ýene çalt-çaltdan gepledi. Gapy ýapylandan soň bolsa ol goltugyndan çykaran kökeji bilen bir ýumurtgany ogluna uzatdy. — Me, iý. Özüňem bu zatlar üçin kelläni çişirip oturmagyn. Oňat adamlar ýardam eder. Uly naçalnikler kiçilerden gowy bolýa, zatdanam gorkanoklar. Özleri özlerine hojaýyn-da. Bular gorksalar, olar gorkmazlar. Men barmaly ýerine bararyn. Senem oňly zat hakda pikir et, mysal üçin, Werany ýatla, göz öňüne getir. O pahyram agyr aladaň astynda galdy. Eşidip oda-köze düşdi...

Gelinliginiň oda-köze düşýänliginden Witkanyň kalby aram tapmady. Aram tapmady.

— Ýene näme diýsene! — diýip, garry pyşyrdady. — Hudaýa çokun. Sen bolaňda azan aýdylypdy. Oň üçinem, Hudaýa çokun. Ähli mümkinçilikleri peýdalanmaly-da. Menem öýden irräk çykyp, wokzala barýançam, ýüzugra buthana sowlup geçerin. Hudaýdan dileg ederin... Kakaň öldi habary gelen kagyzam alaryn...

— Entek agalaryma beri habar etmegin.

— Etmen, etmen. Ýüreklerini çişirip ne işim? Seň özüňem ýagşy niýetde bol. Basaýanlarynda-da, iliň gözüne çöp atmak üçin, bir ýa iki ýyl bererler. Bir ýyl — ýedi ýyl däl ahyryn, «hä» diýmänkäň geçer. Bir ýyl basylanlaram ýarym ýyl geçensoň çykyp ýörler. Oňat işlän adamyny wagtyndan öňem goýberýäler. A, belki, saňa bir ýylam bermezler.

Milisioner kamera girdi. Bu gezek ol garryny äkitmän çykjaga meňzemeýärdi.

— Wagt boldy, wagt...

— Çykýan. — Garry ýerinden turdy-da, milisionere gorkezmän, ogluny çokundyrdy hemem pyşyrdap bir zatlar diýişdirdi.

— Hudaý, özüňden medet!

Kameradan çykan garry koridor bilen gidip barýanam bolsa, gözüne hiç zat görünmeýärdi. Sebäbi ol hünübirýan aglaýardy. Ogluna gaty haýpy geldi, nebsi agyrdy. Çaga çaga bolýa-da. Çagaň sähel başy syzlanda her gijäň bir ýyla dönyär, bular ýaly iş başa düşse-hä hasam. Adam baryna ýüz tutýaň, hiç kim saňa kömek edenok. Hemme kişi senden ýüz dönderýär, asyl gepleşeslerem gelenok. Onsoň neneň ene ýüregi para-para bolmasyn.

Oňa garamazdan, garry elinden gelenini gaýgyрмаýardy, barmaly ýerine barýardy, barmaly ýerine barjakdy. Ol häzirem hyýalynda eýýäm obada gezip ýördi, görmeli adamlaryny görüşdirýärdi, etmeli işlerini kellesinde aýlaýardy. Oňat adamlaryň ýardam etjekdiklerine bolan ynam oňa güýç-kuwwat berýärdi. Ony ejizletdirmeyänem, ejizligiň soňunyň oňlulyga eltmeyändigini bildirýänem şol umytdy.

Gündiz sagat üçlerde garry ýene obadan çykyp ülke edaralaryna tarap ýola rowana boldy.

«Alla, özüň kömek et-dä! — diýen sözleri ol kellesinde gaýtalap barýardy. — Witkama erbet pikire gulluk etdirme, Hudaý. Aklyna aýlandyr. Birden ol özüni heläk edäýmesin. Ýardam et, Alla».

Giç agşam kempir otla münüp şähre tarap ugrady.

«Zelesi yok, kalby päk adamlar maňa medet berer».

Kalby päk adamlaryň medet berjegine garry halys ýürekden ynanýardy.

1969 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Материнское сердце

Витька Борзенков поехал на базар в районный городок, продал сала на сто пятьдесят рублей (он собирался жениться, позарез нужны были деньги), пошел в винный ларек «смазать» стакан-другой красного. Пропустил пару, вышел, закурил... Подошла молодая девушка, попросила:

– Разреши прикурить.

Витька дал ей прикурить от своей папироски, а сам с интересом разглядывал лицо девушки – молодая, припухла, пальцы трясутся...

– С похмелья? – прямо спросил Витька.

– Ну, – тоже просто и прямо ответила выпивоха, с наслаждением затягиваясь «беломориной».

– А похмелиться не на что, – стал дальше развивать мысль Витька, довольный, что умеет понимать людей, когда им худо.

– А у тебя есть?

(Никогда бы, ни с какой стати не влетело в лоб Витьке, что девушка специально наблюдала за ним, когда он продавал сало, и что у ларька она его просто подкараулила.)

– Пойдем, поправься. – Витьке понравилась девушка – миловидная, стройненькая... А ее припухлость и особенно откровенность, с какой она призналась в своей несостоятельности, даже как-то взволновали.

Они зашли в ларек... Витька взял бутылку красного, два стакана... Они тут же, в уголке, раздавили бутылочку. Витька выпил полтора стакана, остальное великодушно налил девушке. Они вышли опять на крыльцо, закурили. Витьке стало хорошо, девушке тоже полегчало. Обоим стало хорошо.

– Здесь живешь?

– Вот тут, недалеко, – кивнула девушка. – Спасибо, легче стало.

– Врезала вчера? – Витьке было легко и просто с девушкой, удивительно.

– Было дело.

– Может, еще хочешь?

– Можно вообще-то... Только не здесь.

– Где же?

– Можно ко мне пойти, у меня дома никого нет...

В груди у Витьки нечто такое – сладостно-скользкое – вильнуло хвостом. Было еще рано, а до деревни своей Витьке ехать полтора часа автобусом – можно все успеть сделать.

Они взяли бутылку белой и пару бутылок красного.

– У меня там еще подружка есть, – подсказала девушка, когда Витька соображал, сколько взять. Он поэтому и взял: одну белую и две красных.

– С закусом одолеем, – решил он. – Есть чем закусить?

– Найдем.

Пошли с базара как давние друзья.

– Чего приезжал?

– Сало продал. Деньги нужны – женюсь.

– Да?

– Женюсь. Хватит бурлачить. – Странно, Витька даже и не подумал, что поступает нехорошо в отношении невесты – куда-то идет с незнакомой девушкой, и ему хорошо с ней, лучше, чем с невестой, – интересней.

– Хорошая девушка?

– Как тебе сказать?.. Домовитая. Хозяйка будет хорошая.

– А насчет любви?

– Как тебе сказать?.. Такой, как раньше бывало, – здесь вот кипятком подмывало чего-то такое, – такой нету. Так... Надо же когда-нибудь жениться.

– Не промахнись. Будешь потом... Не привязанный, а визжать будешь.

– Да я уж накобелился на свой век – хватит.

В общем, поговорили в таком духе, пришли к дому девушки. (Ее звали Рита.) Витька и не заметил, как дошли и как шли – какими переулками. Домик как домик – старенький, темный, но еще будет стоять семьдесят лет, не охнет.

В комнатке (их три) чистенько, занавесочки, скатерочки на столах – уютно. Витька вовсе воспрянул духом.

«Шик-блеск-тру-ля-ля», – всегда думал он, когда жизнь сулила скорую радость.

– А где же подружка?

– Я сейчас схожу за ней. Посидишь?

– Посижу. Только поскорей, ладно?

– Заведи вон радиолу, чтоб не скучать. Я быстро.

Ну почему так легко, хорошо Витьке с этой девушкой? Пять минут знакомы, а... Ну, жизнь! У девушки грустные, задумчивые, умные глаза. Когда она улыбается, глаза не улыбаются, и это придает ее круглому личику необъяснимую прелесть – маленькая, усталая женщина. Витьке то вдруг становится жалко девушку, то до боли охота стиснуть ее в объятиях, измять, куснуть ее припухшие, влажные губы.

Рита ушла. Витька стал ходить по комнате – радиолу не завел: без радиолы сердце млело в радостном предчувствии.

Потом помнит Витька: пришла подружка Риты – похуже, постарше, потасканная и притворная. Затараторила с ходу, стала рассказывать, что она когда-то была в цирке: «работала каучук». Потом пили... Витька прямо тут же, за столом целовал Риту, подружка смеялась одобрительно, а Рита слабо била рукой Витьку по плечу, вроде отталкивала, а сама лънула тугой грудью и другой рукой обнимала за шею.

«Вот она – жизнь! – ворочалось в горячей голове Витьки. – Вот она – зараза кипучая, желанная. Молодец я!»

Потом Витька ничего не помнит – как отрезало. Очнулся поздно вечером под каким-то забором... Долго и мучительно соображал, где он, что произошло. Голова гудела, виски вываливались от боли. Во рту пересохло все, спеклось. Кое-как припомнил он девушку Риту, губы ее мягкие, послушные... И понял: опоили чем-то, одурманили и, конечно, забрали деньги. Мысль о деньгах сильно встряхнула. Он с трудом поднялся, обшарил карманы: да, денег не было. Витька прислонился к забору, осмотрелся... Нет, ничего похожего на дом Риты поблизости не было. Все другое, совсем другие дома.

У Витьки в укромном месте, в загашнике, был червонец – еще на базаре сунул туда на всякий случай. Пошарил – там червонец. Витька пошел наугад – до первого встречного. Спросил у какого-то старичка, как пройти к автобусной станции. Оказалось, не так далеко: прямо, потом налево переулком и вправо по улице – опять прямо. «И упретесь в автобусную станцию». Витька пошел... И пока шел до автобусной станции, накопил столько злобы на городских прохиндеев, так их возненавидел, паразитов, что даже боль в голове поунялась, и наступила свирепая ясность, и родилась в груди большая мстительная сила.

– Ладно, ладно, – бормотал он, – я вам устрою... Я вам тоже заделаю бяку.

Что он собирался сделать, он не знал, знал только, что добром все это не кончится.

Около автобусной станции допоздна работал ларек, там всегда толпились люди. Витька взял бутылку красного, прямо из горлышка осаденил ее, всю, до донышка, запустил бутылку в скверик... Ему какие-то подвыпившие мужики, трое, сказали:

– Там же люди могут сидеть.

Витька расстегнул свой флотский ремень, намотал конец на руку – оставил свободной тяжелую бляху, как кистень. Эти трое подвернулись кстати.

– Ну?! – удивился Витька. – Неужели люди? Разве в этом вшивом городишке есть люди?

Трое переглянулись.

– А кто ж тут, по-твоему?

– Суки!

Трое пошли на него, Витька пошел на трех... Один сразу свалился от удара бляхой по голове, двое пытались достать Витьку ногой или руками, берегли головы. Потом они заорали:

– Наших бьют!

Еще налетело человек пять... Бляха заиграла, мягко, тупо шлепалась в тела. Еще двое-трое свалилось... Попадало и Витьке: кто-то сзади тяпнул бутылкой по голове, но вскользь – Витька устоял. Оскорбленная душа его возликовала и обрела устойчивый покой.

Нападавшие матерились, бестолково кучились, мешали друг другу, советовали – этим пользовался Витька и бил.

– Каучук работали?! – орал он. – В цирке работали?!

Прибежала милиция... Всем скопом загнали Витьку в угол – между ларьком и забором. Витька отмахивался. Милиционеров пропустили вперед, и Витька сдуру ударил одного по голове бляхой. Бляха Витькина страшна еще тем, что с внутренней стороны, в изогнутость ее, был налит свинец. Милиционер упал... Все ахнули и оторопели.

Витька понял, что свершилось непоправимое, бросил ремень... Витьку отвезли в КПЗ.

Мать Витькина узнала о несчастье на другой день. Утром ее вызвал участковый и сообщил, что Витька натворил в городе то-то и то-то.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – Чего же ему теперь за это?

– Тюрьма. Тюрьма верная. У милиционера тяжелая травма, лежит в больнице. За такие дела – только тюрьма. Лет пять могут дать. Что он, сдурел, что ли?

– Батюшка, андел ты мой господний, – взмолилась мать, – помоги как-нибудь!

– Да ты что! Как я могу помочь?..

– Да выпил он, должно, он дурной выпимши...

– Да не могу я ничего сделать, пойми ты! Он в КПЗ, на него уже наверняка завели дело.

– А кто же мог бы помочь-то?

– Да никто. Кто?.. Ну, съезди в милицию, узнай хоть подробности. Но там тоже... Что они там могут сделать?

Мать Витькина, сухая, двужильная, легкая на ногу, заметалась по селу. Сбегала к председателю сельсовета – тот тоже развел руками:

– Как я могу помочь? Ну, характеристику могу написать... Все равно, наверно, придется писать. Ну, напишу хорошую.

– Напиши, напиши, как получше, разумная ты наша головушка. Напиши, что – по пьянке он, он тверезый-то мухи не обидит...

– Там ведь не станут спрашивать – по пьянке он или не по пьянке. Милиционера изувечил... Ты вот что:

съезди к тому милиционеру, может, не так уж он его и зашиб-то.

Хотя вряд ли...

– Вот спасибо-то тебе, андел ты наш, вот спасибочко-то.

– Да не за что.

Мать Витькина кинулась в район. Мать Витьки родила пятерых детей, рано осталась вдовой (Витька еще грудной был, когда пришла похоронка об отце в сорок втором году), старший сын ее тоже погиб на войне в сорок пятом году, девочка умерла от истощения в сорок шестом году, следующие два сына выжили, мальчиками еще, спасаясь от великого голода, ушли по вербовке в ФЗУ и теперь жили в разных городах. Витьку мать выходила из последних сил, все распродала, осталась нищей, но сына выходила – крепкий вырос, ладный собой, добрый... Все бы хорошо, но пьяный – дурак дураком становится. В отца пошел – тот, царство ему небесное, ни одной драки в деревне не пропуская.

В милицию мать пришла, когда там как раз обсуждали вчерашнее происшествие на автобусной станции. Милиционера Витька угостил здорово: тот правда лежал в больнице и был очень слаб. Еще двое алкашей тоже лежали в больнице – тоже от Витькиной страшной бляхи.

Бляху с интересом разглядывали.

– Придумал, сволочь!.. Догадайся: ремень и ремень. А у него тут целая гирька. Хорошо еще не ребром угодил.

И тут вошла мать Витьки... И, переступив порог, упала на колени и завывала, и запричитала:

– Да анделы вы мои милые, да разумные ваши головушки!.. Да способитесь вы как-нибудь с вашей обидушкой – простите вы его, окаянного! Пьяный он был... Он тверезый последнюю рубашку отдаст, сроду тверезый никого не обидел...

Заговорил старший, что сидел за столом и держал в руках Витькин ремень. Заговорил обстоятельно, спокойно, попроще – чтобы мать все поняла.

– Ты подожди, мать. Ты встань, встань – здесь не церква. Иди, глянь...

Мать поднялась, чуть успокоенная доброжелательным тоном начальственного голоса.

– Вот гляди: ремень твоего сына... Он во флоте, что ли, служил?

– Во флоте, во флоте – на кораблях-то на этих...

– Теперь смотри: видишь? – Начальник перевернул бляху, взвесил на руке: – Этим же убить человека – дважды два. Попади он вчера кому-нибудь этой штукой ребром – конец. Убийство. Да и плашмя троих уходил так, что теперь врачи борются за их жизни. А ты говоришь – простить. Ведь он же трех человек, можно сказать, инвалидами сделал, действительно. А одного – при исполнении служебных обязанностей. Ты подумай сама: как же можно прощать за такие дела, действительно?

Материнское сердце, оно – мудрое, но там, где замаячила беда родному дитю, мать не способна воспринимать посторонний разум, и логика тут ни при чем.

– Да сыночки вы мои милые! – воскликнула мать и заплакала. – Да нешто не бывает по пьяному делу?! Да всякое бывает – подрались... Сжальтесь вы над ним!..

Тяжело было смотреть на мать. Столько тоски и горя, столько отчаяния было в ее голосе, что сужу становилось не по себе. И хоть милиционеры – народ тертый, до жалости неохотный, даже и они – кто отвернулся, кто стал закуривать.

– Один он у меня – при мне-то: и поилец мой, и кормилец. А ишо вот жениться надумал – как же тогда с девкой-то, если его посадят? Неужто ждать его станет? Не станет. А девка-то добрая, из хорошей семьи, жалко...

– Он зачем в город-то приезжал? – спросил начальник.

– Сала продать. На базар – сальца продать. Деньжонки-то нужны, раз уж свадьбу-то наметили – где их больше возьмешь?

– При нем никаких денег не было.

– Батюшки-святые! – испугалась мать. – А иде ж они?

– Это у него надо спросить.

– Да украли небось! Украли!.. Да милый ты сын, он оттого, видно, и в драку-то полез – украли их у него! Жулики украли...

– Жулики украли, а при чем здесь наш сотрудник – за что он его-то?

– Да попал, видно, под горячую руку...

– Ну, если каждый раз так попадать под горячую руку, у нас скоро и милиции не останется. Слишком уж они горячие, ваши сыновья! – Начальник набрался твердости. – Не будет за это прощения, получит свое – по закону.

– Да ангелы вы мои, люди добрые, – опять взмолилась мать, – пожалейте вы хоть меня, старуху, я только теперь маленько и свет-то увидела... Он работающий парень-то, а женился бы, он бы совсем справный мужик был. Я бы хоть внучаток понянчила...

– Дело даже не в нас, мать, ты пойми. Есть же прокурор! Ну, выпустили мы его, а с нас спросят: на каком основании? Мы не имеем права. Права даже такого не имеем. Я же не буду вместо него садиться.

– А может, как-нибудь задобрить того милиционера? У меня холст есть, я нынче холста наткала – пропасть! Все им готовила...

– Да не будет он у тебя ничего брать, не будет! – уже кричал начальник. – Не ставь ты людей в смешное положение, действительно. Это же – не кум с кумом поцапались, это – покушение на органы!

– Куда же мне теперь идти-то, сыночки? Повыше-то вас есть кто или уж нету?

– Пусть к прокурору сходит, – посоветовал один из присутствующих.

– Мельников, проводи ее до прокурора, – велел начальник. И опять повернулся к матери, и опять стал с ней говорить, как с глухой или совсем бестолковой: – Сходи к прокурору – он повыше нас! И дело уже у него. И пусть он тебе там объяснит: можем мы чего сделать или нет? Никто же тебя не обманывает, пойми ты!

Мать пошла с милиционером к прокурору. Дорогой пыталась заговорить с милиционером Мельниковым:

– Сыночек, што, шибко он его зашиб-то?

Милиционер Мельников задумчиво молчал.

– Сколько же ему дадут, если судить-то станут?

Милиционер шагал широко. Молчал.

Мать семенила рядом и все хотела разговорить длинного, заглядывала ему в лицо.

– Ты уж разъясни мне, сынок, не молчи уж... Мать-то и у тебя небось есть, жалко ведь вас, так жалко, што вот говорю – а кажное слово в сердце отдает. Много ли дадут-то?

Милиционер Мельников ответил туманно:

– Вот когда украшают могилы – оградки ставят, столбики, венки кладут... Это что – мертвым надо? Это живым надо. Мертвым уже все равно.

Мать охватил такой ужас, что она остановилась.

– Ты к чему это?

– Пошли. Я к тому, что – будут, конечно, судить. Могли бы, конечно, простить – пьяный, деньги украли – обидели человека. Но судить все равно будут – чтоб другие знали. Важно на этом примере других научить. Он поднял руку на представителя власти – эт-то...

– Да сам же говоришь – пьяный был!

– Это теперь не в счет. Теперь другая установка. Его насильно никто не поил, сам напился. А другим это будет поучительно. Ему все равно теперь сидеть, а другие – задумаются. Иначе вас никогда не перевоспитаешь.

Мать поняла, что этот длинный враждебно настроен к ее сыну, и замолчала.

Прокурор матери с первого взгляда понравился – внимательный. Внимательно выслушал мать, хоть она

говорила длинно и путано – что сын ее, Витька, хороший, добрый, что он трезвый мухи не обидит, что – как же теперь одной-то оставаться? Что девка, невеста, не дождется Витьку, что такую девку возьмут с руками-ногами – хорошая девка. Прокурор все внимательно выслушал, доиграл пальцами на столе... Заговорил издали, тоже как-то мудрено:

– Вот ты – крестьянка, вас, наверно, много в семье росло?

– Шестнадцать, батюшка. Четырнадцать выжило, двое маленькие ишо померли. Павел помер, а за ним другого мальчика тоже Павлом назвали...

– Ну вот – шестнадцать. В миниатюре – целое общество. Во главе – отец. Так?

– Так, батюшка, так. Отца слушались...

– Вот! – поймал прокурор мать на слове. – Слушались! А почему? Нашкодил один – отец его ремнем. А братья и сестры смотрят, как отец учит школьника, и думают: шkodить им или нет? Так в большом семействе поддерживался порядок. Только так. Прости отец одному, прости другому – что в семье? Развал. Я понимаю тебя, тебе жалко... Если хочешь, и мне жалко – там, разумеется, не курорт, и поедет он туда, судя по всему, не на один сезон. По-человечески все понятно, но есть соображения высшего порядка, там мы бессильны. Судить будут. Сколько дадут, не знаю, это решает суд. Все.

Мать поняла, что и этот невзлюбил ее сына. «За своего обиделись».

– Батюшка, а выше-то тебя есть кто?

– Как это? – не сразу понял прокурор.

– Ты самый главный али повыше тебя есть?

Прокурор, хоть ему потом и неловко стало, невольно рассмеялся:

– Есть, мать, есть. Много!

– Где же они?

– Ну, где?.. – посерьезнел прокурор. – Есть краевые организации... Ты что, ехать туда хочешь? Не советую.

– Мне подсказали добрые люди: лучше теперь вызволять, пока несужденый, потом чижеьше будет...

– Скажи этим добрым людям, что они – не добрые. Это они со стороны добрые... добренькие. Кто это посоветовал?

– Да кто?.. Люди.

– Ну, ехай. Проездишь деньги, и все. Результат будет тот же. Я тебе совершенно официально говорю: будут судить. Нельзя не судить, не имеем права. И никто этот суд не отменит.

У матери больно сжалось сердце. Но она обиделась на прокурора, а поэтому виду не показала, что едва держится, чтоб не грохнуться здесь и не завывать в голос. Ноги ее подкашивались.

– Разрешите мне хоть свиданку с ним...

– Это можно, – сразу согласился прокурор. – У него что, деньги большие были, говорят?

– Были...

Прокурор написал что-то на листке бумаги, подал матери.

– Иди в милицию.

Дорогу в милицию мать нашла одна, без длинного – его уже не было. Спрашивала людей. Ей показывали. В глазах матери все туманилось и плыло. Она молча плакала, вытирала слезы концом платка, но шла привычно скоро, иногда только спотыкалась о торчащие доски тротуара. Но шла и шла, торопилась. Ей теперь, она понимала, надо поспешать, надо успеть, пока его не засудили. А то потом вызволять будет трудно. Она вызволит сына, она верила в это, верила. Она всю жизнь свою только и делала, что справлялась с горем, и все вот так – на ходу, скоро, вытирая слезы концом платка. Она давно могла отчаяться, но неистребимо жила в ней вера в добрых людей, которые помогут. Эти – ладно, эти за своего обиделись, у них зачерствело на душе от злости, а те – подальше которые – те помогут. Неужели же не помогут! Она все им расскажет – помогут. Странно, мать ни разу не подумала о сыне – что он совершил преступление, она знала одно: с сыном случилась большая беда. И кто же будет вызволять его из беды, если не мать? Кто? Господи,

да она пешком пойдет в эти краевые организации, она будет день и ночь идти и идти... Найдет она этих добрых людей, найдет.

– Ну? – спросил ее начальник милиции.

– Велел в краевые организации ехать, – слукавила мать. – А вот – на свиданку. – Она подала бумажку.

Начальник был несколько удивлен, хоть тоже старался не показать этого. Прочитал записку... Мать заметила, что он несколько удивлен. И подумала: «А-а». Ей стало маленько полегче.

– Проводи, Мельников.

Мать думала, что идти надо будет далеко, долго, что будут открываться железные двери – сына она увидит за решеткой и будет с ним разговаривать снизу, поднимаясь на цыпочки... Сын ее сидел тут же, внизу, в подвале. Там, в коридоре, стриженные мужики играли в домино... Уставились на мать и на милиционера. Витьки среди них не было.

– Что, мать, – спросил один мордастый, – тоже пятнадцать суток схлопотала?

Засмеялись.

– Егоров, – строго сказал длинный милиционер остряку, – в обед – драить служебные помещения.

Теперь уже заржали над остряком:

– Вот ты-то схлопотал!

– Ваня, ишо раз советую, отруби ты себе язык! – посоветовал один. – Перетерпи раз, зато потом всю жизнь проживешь без горяшка.

Милиционер подвел мать к камере, которых по коридору было три или четыре, открыл дверь...

Витька был один в камере, хоть камера большая и нары широкие. Он лежал на нарах. Когда вошел милиционер, он не поднялся, но, увидев за ним мать, вскочил.

– Десять минут на разговоры, – предупредил длинный. И вышел.

Мать присела на нары, поспешно вытерла слезы платком.

– Гляди-ка, под землей, а сухо, тепло, – сказала она.

Витька молчал, сцепив на коленях руки. Смотрел на дверь. Он осунулся за ночь, оброс – сразу как-то, как нарочно. На него больно было смотреть. Его мелко трясло, он напрягался, чтоб мать не заметила хоть этой его тряски.

– Деньги-то, видно, украли? – спросила мать.

– Украли.

– Ну и бог бы уж с имя, с деньгами, зачем было драку из-за них затевать? Не они нас наживают – мы их.

Никому бы ни при каких обстоятельствах не рассказал Витька, как его обокрали, – стыдно. Две шлюхи... Стыдно, мучительно стыдно! И еще – жалко мать. Он знал, что она придет к нему, пробьется через все законы, – ждал этого и страшился.

У матери в эту минуту было на душе другое: она вдруг совсем перестала понимать, что есть на свете милиция, прокурор, суд, тюрьма... Рядом сидел ее ребенок, виноватый, беспомощный... И кто же может сейчас отнять его у нее, когда она – только она, никто больше – нужна ему?

– Не знаешь, сильно я его?..

– Да нет, плашмя попало... Но лежит, не поднимается.

– Экспертизу, конечно, сделали. Бюллетень возьмет... – Витька посмотрел на мать. – Лет семь заделают.

– Батюшки-святые!.. – Сердце у матери упало. – Што же уж так много-то?

– Милиция... С этими бы я договорился. Сала бы опять продал – сунули бы им, до суда дело не дошло бы.

– Да што милиция? Не люди, што ли?

– Тут – если он даже сам не захочет, за него подадут. Семь лет!.. – Витька вскочил с нар, заходил по камере.
– Все прахом! Все, вся жизнь кувырком!

Мать мудрым сердцем своим поняла, какая сила гнетет душу ее ребенка: та самая огромная, едкая сила – отчаяние, что делает в душе вывих, заставляет браться за веревку или за бритву. Злая, могучая сила...

– Тебя как вроде уж осудили! – сказала она с укором. – Сразу – жизнь кувырком.

– А чего тут ждать? Все известно.

– Гляди-ка, все уж известно! Ты бы хоть сперва спросил: где я была, чего достигла?..

– Где была? – Витька остановился.

– У прокурора была.

– Ну? И он что?

– Дак вот и спроси сперва: чего он? А то сразу – кувырком! Какие-то слабые вы... Ишо ничем ничего, а уж... мысли бог знает какие.

– А чего прокурор-то?

– А то... Пусть, говорит, пока не переживает, пусть всякие мысли выкинет из головы... Мы, дескать, сами тут сделать ничего не можем, потому што – наш человек-то, не имеем права. А ты, мол, не теряй время, а садись и езжай в краевые организации. Нам, мол, оттуда прикажут, мы волей-неволей его отпустим. Тада, говорит, нам и перед своими совестно не будет: хотели, мол, осудить, да не могли. Они уж все обдумали тут. Мне, говорит, самому его жалко... Но мы, говорит, люди маленькие. Езжай, мол, в краевые организации, там все обскажи подробно... У тебя сколь денег-то было?

– Полторы сотни.

– Батюшки-святые! Нагрели руки.

В дверь заглянул длинный милиционер.

– Кончайте.

– Счас, счас, – заторопилась мать. – Мы уж все обговорили. Счас я, значит, доеду до дому, Мишка Бычков напишет на тебя характеристику... Хорошую, говорит, напишу.

– Там... это... у меня в чемодане грамоты всякие лежат со службы... возьми на всякий случай.

– Какие грамоты?

– Ну, там увидишь. Может, поможет.

– Возьму. Потом схожу в контору – тоже возьму характеристику... С голыми руками не поеду. Может, холст-то продать уж, у меня Сергеевна хотела взять?

– Зачем?

– Да взять бы деньжонок с собой – может, кого задобрить придется?

– Не надо, хуже только наделаешь.

– Ну, погляжу там.

В дверь опять заглянул милиционер.

– Время.

– Пошла, пошла, – опять заторопилась мать. А когда дверь закрылась, вынула из-за пазухи печенюжку и яйцо.

– На-ка, поешь... Да шибко-то не задумывайся – не кувырком ишо. Помогут добрые люди. Большие-то начальники – они лучше, не боятся. Эти боятся, а тем некого бояться – сами себе хозяева. А дойти до них я дойду. А ты скрепись и думай про чего-нибудь – про Верку хошь... Верка-то шибко закручинилась тоже. Даве убежала – а она уж слыхала...

– Ну?

– Горюет.

У Витьки в груди не потеплело оттого, что невеста – горюет. Как-то так, не потеплело.

– А ишо вот чего... – Мать зашептала: – Возьми да в уме помолись. Скажи: господи-батюшка, отец небесный, помоги мне! Подумай так, подумай – попроси. Ничего, ты – крещеный. Со всех сторон будем заходить. А я пораньше из дому-то выеду – до поезда – да забегу свечечку Николе-Угоднику поставлю, попрошу тоже его. Ничего, смилостивятся. Похоронку от отца возьму...

– Ты братьям-то... это... пока уж не сообщай.

– Не буду, не буду – кого они сделают? Только лишний раз душу растревожут. Ты, главное, не задумывайся – что все теперь кувырком. А если уж дадут, так год какой-нибудь – для отвода глаз. Не семь же лет! А кому год дают, смотришь, они через полгода выходят. Хорошо там поработают, их раньше выпускают. А может, и года не дадут.

Милиционер вошел в камеру и больше уже не выходил.

– Время, время...

– Пошла. – Мать встала с нар, повернулась спиной к милиционеру, мелко перекрестила сына и одними губами прошептала:

– Спаси тебя Христос.

И вышла из камеры. И шла по коридору, и опять ничего не видела от слез. Жалко сына Витьку, ох, жалко. Когда они хворают, дети, тоже их жалко, но тут какая-то особая жалость – когда вот так, тут – просишь людей, чтоб помогли, а они отворачиваются, в глаза не смотрят. И временами жутко становится... Но мать – действовала. Мыслями она была уже в деревне, прикидывала, кого ей надо успеть охватить до отъезда, какие бумаги взять. И та неистребимая вера, что добрые люди помогут ей, вела ее и вела, мать нигде не мешкала, не останавливалась, чтоб наплакаться вволю, тоже прийти в отчаяние – это гибель, она знала. Она – действовала.

Часу в третьем пополудни мать выехала опять из деревни – в краевые организации.

«Господи, помоги, батюшка, – твердила она в уме беспрерывно. – Помоги, господи, рабе твоей Анне. Не допусти сына до худых мыслей, образумь его. Он маленько заполошный – как бы не сделал чего над собой. Помоги, господи! Укрепи нас!»

Поздно вечером она села в поезд и поехала. Впереди – краевые организации. Это не страшило ее.

«Ничего, добрые люди помогут».

Она верила, помогут.

HÜRRI

Spirka Rastorguýew otuz alta gitdi, emma daşyndan göräýmäge ýigrimi başden ýokary bermersiň.

Ol şeýlebir görmegeý welin, tarypyna söz tapylanok. Penşenbe günü hammama gider, buga girer, bir hepdelik şofýorlyk kirini döker. Onsoň ak köýnek geýäge-de, bir bulgur aragam gönderip, köçä çykar welin, edil perişdäň bar-da. Gözleri ullakandan akylly. Aýalyňky ýaly näzik hem oraýany dodaklary bugdaýreňk ýüzüne aýratyn bir gelşik berýär. Garlawajyň ganaty ýaly gyýýlyp duran gaşlary...

Aý garaz, görmegeý ýigit-dä. Käte-käte tebigatyňam edäýýän oýunlary bolýar. Erkek adama beýle görmegeýlik nämä gerek? Ony Spirkäň özem diýýär. «Nämä gerek? Oň üçin meň göwnüm bir ýaly.» Umuman hemme zatda-da onuň göwni bir ýaly. Otuz alty ýaşapdyr welin ne maşgalasy bar, ne-de hojalygy diýen ýaly. Bar bilýäni, elinden gelýän hapa-hapa sögünmek bilen gijesini dul heleýleňkä gatnap geçirmek. Kimdiginiň, nähilidiginiň parhyna barmaz, dul heleý bolsa bolýar. Özem edil bilgeşleýinden diýen ýaly heleýleňem iň görmeksizini, ýaşy uluragyny saýlap tutýar.

— Spirka, saňa akmagyňam akmagy diýerler. Öz sypatyňdan uýal, heý-de şol ýüzi gotur Liliýaň dagy golaýyndan bararlarmy? Öz bolşuňdan utanaňokmy?

— Nä sen oň görkünden suw içýäňmi? — diýip, Spirka pert jogap gaýtarýar. — Ýüzi goturam bolsa, ýüregi baryňzyňkydan gowy.

Durmuş Spirkany gowy edip silterledi. Heniz başınjy klasda okap ýörkä, ilkinji bişeykelçilikler başlandy. Ewakuirlenenlerden bolan garryja nemes dili mugallymasy mydama Spirkä geň galyp seredýärdi-de:

— Baýron! Muň beýle Baýrona meňzeşdigini! — diýärdi.

Spirka ol kempiri halamaýardy.

«Anna und Marta baden» golaýladygy Spirkanyň kejebesi daralyp ugraýardy. Ol ýene: «Muň meňzeşdigine haýran galaýmaly. Dirije Baýronjyk-da. Baýron!» — diýer. Bu sözler oglanjygyň halys degnasyna degdi. Bir gezek mugallyma adatdakysy ýaly:

— Akyla sygjak zat däl. Baý muň Baýrona meňzeşdigini... — diýen badyna:

— He, seň bir... — diýip, Spirka şeýle bir paýys sögündi welin, iki gulakly eşider ýaly dälidi.

Garry mugallymanyň gözleri tas hanasyndan çykypdy. Soň-soňlar ol pahyr şeýle diýipdi:

— Men on dördünji ýylyň urşunda sanitarka bolup işledim. Görmedigim, eşitmedigim ýokdur. Ýöne, bu ýaş oglanyň olar ýaly paýys sözleri nireden öwrenip ýörenine aklym haýran galdy. Nähili görmegeý oglan, nähili! Eý, Hudaý, onuň ýüzi edil kiçijik Baýronyň ýüzi-dä!

«Baýronjygy» ejesi daşýüreklik bilen öýden kowdy. Spirka gahar edip, göni fronta tarap eňdi, ýöne Nowosibirskide ele düşensoň, ony öýlerine gaýtardylar. Ejesi ony ýene gaty erbet ýençdi. Gije bolsa, öler öýden gorky bilen oglunyň başujynda oturyp, saçyny ýaýyp, ýüzüni ýyrtdy. Ol Spirkany geçip barýan bir ýaş ýigitden alypdy. Spirka bir almany iki bölen ýaly atasyna meňzeýärdi, ony bir gezek görmedigem bolsa, häsiýetem şoňa çalymdaşdy. Ejesi şonuň üçinem ogluny hem ýigrenýärdi, hem söýýärdi.

Ejesi elinden gelenini etse-de, Spirka gaýdyp mekdebe gitmedi. Ol «Tamyň depesine çykaga-da, çarşagyň üstüne bökerin» — diýip, ejesini gorkuzýardy. Şonuň üçin ejesi ýan berdi. Şeýdip, Spirka kolhoza gatnap başlady.

Spirka ulularam sylamaýardy, hiç kime gulagam asmaýardy, uruşdan-söğüşdenem gaýtmaýardy. Ahyr ejesem halys irip «Ne bolsaň, şo bol» etdi.

— Gaýrat et, belkem türmä düşersiň!

Dogrudanam türmä düşdi. Urşuň yz ýanlary. Özi ýaly bir bezzat ülpeti bilen goňşy obanyň yük alyp gelýän furgonynyň üstüne çozup, bir ýaşşik arak ogurladylar. Sürýänçiňem hötdesinden gelipdirler. Üstesine oňa haýbatam atypdyrlar. Oýnaşlarynyň biriniň öýünde bir sutka çemesi keýp çekdiler. Ahyr milisiýa üstlerini aldyrdylar. Ýöne Spirka tüpeňe ýapyşyp gaçmaga ýetişdi. Ol hammama girip gizlendi. Şeýlelikde ony iki sutkalap ele salyp bilmediler. Golaýlaşsaň atdy ýatdy, haramzada. Onuň ýanyna oýnaşlarynyň biri bolan Werany «Atyşma-da toba et» — diýip töwellaçylyga iberdiler. Ol akmak Wera bolsa, etegine dolap bir çüýşe arak bilen bir topar ok eltip beripdir. Özem Spirkanyň ýanynda gaty kän eglendi. Ahyram daş çykyp, gedemlik bilen:

— Ol siziň töwellaňzy kabul etmeýär! — diýip gygyrdy.

Spirka hem-ä hammamyň kiçijik penjiresinden tüpeň atýardy, hemem aýdym aýdýardy.

Duşmana baş bermez biziň «Waryagymyz»,
Hiç kim aman dilemeklik islänok.

— Spirka, seň her atan okuňa bir ýyl iş keseris! — diýip gygyrdylar.

— Onda ýylyňyzy sanaberiň! — diýip, Spirka yzly-yzyna ok ýagdyrmaga başlady. Soň ol birneme özüne geldi, aýylganç ukusy tutdy. Şeýdibem ol tüpeňini taşlap, hammamdan çykdy...

Şeýlelikde Spirkäň boýnuna bäş ýyl doňdurdylar.

Şol öňki görmegeýligi, şol öňki dogumlylygy, şol öňki sahylygy bilenem ol dolanyp geldi. (Sahylygy bilen-ä ol edil görmegeýligi ýaly ili aňk edýärdi. Bir bendä gerek bolsa, egnindäki köýnegini çykaryp bermäge-de ýaltanmazdy.) Dynç alýan günleriniň birini uzynly gün tokaýda geçirip, agşamara bolsa bir maşyn oduny haýsydyr bir ýekelli garrynyň işigine agdaraýmasam bar. Getirer, oduny düşürer, tünege girer.

— Seň bi ýagşylygyňy, Spirka jan, näme bilen ýanyşdyrarkak? — diýip, garrylar zowzuldaşardylar.

Ol ýagdaýa Spirka hoş bolar. Olara tarap bilesigelijilik bilen sereder.

— Bir bulgur içgi berseňiz bolany!

Spirka türmeden dolanyp gelende dost-ýarlarynyň birem obada galmandy. Hemmesi oňa-muňa dargaşyp gidipdiler. Gyz-gelinleriňem köpüsi äre çykypdy. Spirkänem obada durmaz öýtdüler. Emma ol obany terk etmedi. Bir sellem dem-dynç aldy, barja puluny ejesine berdi. Ahyram şofýorçylygyna gitdi.

Spirka şeýdip ýaşap başlady.

Ýaz aýlary Ýasnoýe obasyna iki sany adam göçüp geldi. Olar är-aýal Zeleneskilerdi. Ärine Sergeý Ýurýewiç, aýalynda-da Irina Iwanowna diýýärdiler. Äri bedenterbiýe mugallymy, aýalam aýdym mugallymasydy.

Sergeý Ýurýewiç orta boýly, daýanykly, eginlekdi. Töwerekden seredýändikleri üçin bolmagam mümkin, ol turnikde dagy oýnanda, edil agaja dyrmaşýan maýmyn ýaly çakgandy. Onuň dodakman agzy gaty uludy, töňňeläp duran burny, gunduz ýaly ak hem uly-uly dişleri bardy.

Irina Iwanowna bolsa kiçijikdi, çepiksidi, reňki öçügsidi, göz eglener ýaly üýtgeşik sypatam ýokdy. Emma mugallymlaryň jaýyna baryp, plaşyny çykaraga-da ullakan akkordeony almak üçin daraklygyna galar welin, birhili, seredeniňi özüňem duýman galarsyň.

Ana, apreliň aýaklarynda Ýasnoýe obasyna şol iki çetik (olar otuz üç ýaşlaryndadylar) göçüp geldi. Olary Prokudin gojanyň uly jaýynda ýerleşdirdiler.

Göçüp gelenlere ilki salama baran Spirka boldy. Oba täze adam gelse, Spirka mydamam ilden öň salama barardy. Barar, oturar, birazajyk içer, gep-gürriünden soňam gider. (Gepiň gerdişine görä aýtsak, Spirka arak-şerapdan habarlam bolsa, özünden gidýänçä içip ýörenlerden däl.)

Agşamarady. Spirka ýuwundy-ardyndy, toý kostýumyny geýibem Prokudinlere tarap ugrady. Ejesine bolsa:

— Hany baryp göreýin. Göçüp gelenler nähili adamkalar — diýdi.

Prokudinler agşam çäýynyň başynda otyrdylar.

— Hany, Spiridion, nahar başyndan!

Spirka kädaým gojalara ony-muny kömek edýärdi. Şonuň üçinem olar ony gowy görýärdiler.

— Siz arkaýyn iýiberiň. Men ýaňyja nahar başyndan turup gaýtdym. Täze goňşyňyz öýdemi?

— Öýde bolmaly — diýip, goja gapa tarap baş atdy. — Goş-golamlaryny tertipleşdirendirler.

— Nähili adam özleri?

— Ýaman däl ýaly. Sarpaly, eli açyk adamlar. Ynha, bize peýnir bilen kolbasa-da berdiler. Otur, dadyp gör.

Spirka baş ýaýkady-da, gapa baryp, işigi tyrkyldatdy.

Gapynyň aňyrsyndan:

— Giriberiň! — diýen ses geldi.

Spirka içerik girdi.

— Salam!

— Salam! — diýip, är-aýalyň ikisem Spirka tarap äňedişdiler.

Spirka tanyşmak üçin elini uzatdy.

— Spiridion Rastorguýew.

— Sergeý Ýurýewiç.

— Irina Iwanowna. Geçiň, oturyň!

Irina Iwanownanyň ýyljajyk hem kiçijik aýasyny gysyp durka, Spirka bilesigelijilik bilen oňa başdan-aýak syn etdi. Irina Iwanowna ýüzüni çytdy, ýylgyrды, özem näme üçindir tizlik bilen elini çekip aldy, çalt-çalt ädimläp, stoluň aňyrsyna geçdi. Ol oturgyç getirdi-de, geň galybam däl-de, birhili, gyzyklanma

bilen Spirkä syn etdi.

Spirka oturdy.

Sergeý Ýurýewiç oňa ser saldy.

— Ýurt gutly bol-a!

— Sag boluň.

— Salamlaşyp geleşin diýip gaýdyberdim — diýip, myhman düşündiriş berdi. — Biziň adamlammyz gaty ýaltadyr bular ýaly zatda.

— Susurakdyr diýjek bolýaňyzmy?

— Hemme ýerde bolşy ýaly bir öýe girensoňlar daş çykmalary hyllalladyr.

— Özüňiz şu obalymy?

— Şu ýerli.

— Serýoža, men odur-budur taýynlaýynmy?

— Taýynla — diýip, Serýoža höwes bilen jogap gaýtardy-da, ýene Spirkäni synlamaga oturdy. — Ynha, Spiridion ikimiz biziň täze ýurda gelenimizi belläris.

— Aý, bir bulgur içäýmeli bor-da — diýip, Spirka razylaşdy. — Özüňiz nireden borsuňyz?

— Şu ýerden gaty daşam däl.

Irina Iwanowna gojalaryň bolýan jaýyna tarap gidende, Spirka ony gözi bilen ugradyp goýberdi.

— Bu ýerlerde ýaşaýyş neneňdir?

— Ýaşayyşmy? — diýip, Spirka sakyndy. Ýöne söz tapman sakynmady. Ol ýaşayyş, durmuş hakda gürrüň berende, şol çepiksije aýalyň eşitmän galjagyna haýpy gelip sakyndy. — Adamlar hil-hil, ýaşayyşam, şoňa görä hil-hil bolýa-da. Kä ýerde gowy, kä ýerde erbediräk... — Ýok, Spirkäniň gepläsi gelmedi. — Näme oň özi alada edip ýör? Gerek zadyny garrylara aýdyp gaýdanda bolmaýamy?

— Her kimiň öz gap-çanagy bar-da... Siziň ýaşayşyňyz haýsyna girýär onsoň?

— Ortalyk bolsa gerek. Umuman, oňuşmazça dal. — Gelin dolanyp gelýänçä, asyl Spirkäň gepläsi gelmedi. — Çilim çekmek bolýamy?

— Çekiň.

— Mugallymçylyk etmäge geldiňizmi?

— Hawa.

— Aýalyňyz haýsy ugurdan okadýar?

— Aýdymdan.

— Aýdymam aýdýamy? — diýip, Spirka gobsundy.

— Aýdymam aýdýar.

— Belmi, bize-de aýdyp berer?

— Haýyş etseňiz, aýdaýmagam mümkin.

— Men baraga-da garrylara tabşyraýyn.... Siziň aýalyňyzyň o ýerde işi ýok.

Spirka jaýdan çykdy.

Ol Irina Iwanowna bilen bile dolanyp geldi, Irina içi peýnirli, kolbasaly tarelka

getirdi.

— Men-ä gyzgyn naharam taýynlamadym.

— Bolar-la.

— Nämä gerek ol... — diýende, endigine görä Spirka tas sögünipdi. — Hyýar bilen bir bölek salatdan gowusy bolmaz. Dogry aýdýan dälmi? — diýip, Spirka Sergeýiň ýüzüne seretdi.

— Özüň gowy bilýän — diýende, Sergeýiň sesi gaharlyrak eşidildi.

Hojaýynyň «sizden» «sene» geçenini Spirka kem görmedi. Ol är-aýalyň bir-birlerine seredişenlerini görmän galdy. «Häzirlikçe bir bulgur arak içeliň, soňuny soň görübiris».

Araga derek stoluň üstünde konýak peýda boldy.

— Men doly stakany jyňkydýan-da, boldum edýän. Häsiýetim şeýle. Garşy dälmissiňiz?

Spirkä şeýtmäge rugsat berdiler.

Ol bir bulgur konýagy göterdi-de, bölejik kolbasa ýapysdy.

Äri bilen aýalynyň her haýsy kiçijik rýumka göterdiler. Spirka Iranyň näzijek bokurdagynyň titreyşini synlady. Konýakdanmy ýa gan urdumy, Spirkanyň ýüregi gyzan ýaly boldy. Onda Iranyň şol titrän boýunjygyny sypamak arzuwy döredi. Onuň bakyşy ýakymlandy, kalbynda ýeňillik duýdy.

— Konýak diýilýän içgi gaty gowy içgi — diýip, Spirka konýagy öwdi. — Ýöne gymmat-da.

Sergeý Ýurýewiç güldi. Emma Spirka ony duýmadam.

— Gowusy samogon diýsene. Hem arzan, hem güýçli.

«Gülkünjiräk näme tapyp borka?» — diýip, Spirka içini gepletди.

— Samogon indi gaty seýrek gaýnadylýa. Ol uruş döwründe kändi... — Geçip giden agyr ýyllar, açlyk, çakdanaşa kyn iş... göz öňüne geldi. Şolar barasynda-da Spirka gyzykly edip gürrüň etmek isledi. Ol owadan kellesini gaýşardyp, Irina tarap seretdi-de ýylgyrdy.

— Nähili ýaşanymy aýdaýynmy?

Irina Iwanowna Spirkadan derrew nazaryny aýyrdy-da, ärine äňetdi.

— Aýtsana, Spiridion — diýip, Sergeý Ýurýewiç haýyş etdi. — Seň neneňsi ýaşanyňy bileli. Aýt.

Spirka çilim otlandy-da:

— Umuman, men hürri — diýip, söze başlady. — Hürrä düşüňäňizmi? Çöpdüýbi.

— Çöpdüýbi diýýäniň näme? — diýip, Irina sorag berdi.

— Şu töwereklerde bir deri ýygnaýan geçegçi bolupdyr. Ejem şoň bilen ýatypdyr-da, meni dogruýadyr. Ol adam hem-ä deri taýýarlapdyr, hemem meni.

— Siz ony tanaýaňyzmy?

— Gören çöpüm däl. Ejem göwreli bolan gününden başlap ol adam bu jelegaýlarda gara bermändir. Soň ony bir iş üçin-ä basypdyrlar. Ys-koky çykmady. Şeýdibem men dünýä inipdirin — Öz durmuşy hakda gürrüň bermek meýliniň birden döreyşi ýaly birdenem tersine boldy. — Oňly durmuş bolmady... Türme hakda aýtsammykam? — Spirka Irinanyň ýüzüne seretdi. Ýene onuň hyýalynda çepiksi gelniň boýnuny sypamak meýli döredi.

Spirka birden ýerinden turdy-da:

— Men reýse gitmeli — diýdi. — Eden hyzmatyňyz üçin köp sag boluň!

— Gijede bir reýs bormy? — diýip, Irina Iwanowna geňirgendi.

— Bizde bolýar. Sag oturyň. Men ýene gelerin.

Ol töweregine garaman, jaýdan çykyp gitdi.

— Geň ýigit ekeni — diýip, esli dymylandan soň, Irina dil ýardy.

— Görmegeý diýjek bolýañmy?

— Hawa, görmegeý ekeni.

— Görmegeý... Ol saňa aşyk boldy. Sen duýduňmy?

— Goýsana.

— Seňem-ä ýüregiňe bir dowul salyp gitdi ol.

— Ony sen nämeden bilýäň?

— Dowul saldy-da.

— Sen şoň ýüregime dowul salmagyny isleýäňmi?

— Ýogsam näme. Ýöne sen başarmarsyň.

Aýaly ärine siňe-siňe seretdi.

— Başarmarsyň. Oň üçin barypýatan erk gerek.

— Hany goýaly-la — diýip, aýaly çyny bilen dillendi. — Aýdyp oturan sözleň näme seň?

— Erk hem güýç gerek — diýip, äri dowam etdi. — Özüňi ele almagy başarmaly. Ol başaryar. Onsoňam ol türmede-de oturypdyr.

— Ony sen nireden bilýäň?

— Ynanaňokmy? Bar-da, garrylardan sorap göräý.

— Gerek bolsa, özüň soraý.

— Soralaryn...

Sergeý Ýurýewiç garrynyň ýanyna gitdi.

Baş minut çemesi geçensoň, ol yzyna dolanyp geldi-de uly joşgun bilen:

— Baş ýyl. Iň berk saklanýan lagerde. Ogurlyk üçin — diýdi.

Agşama çenli birneme cyglanan salkyn howa Spirkanyň gyp-gyzgyn ýüzüne gelip urýardy. Ol gidip barýarka, çilim çekýärdi. Näme üçindir ol şu mahal ýyldyrym çakyp, çagba ýagmagyny, şol çagbanyň astynda-da uly ili bilen zörledip gygyrmagy arzuw etdi.

Spirka nobat boýunça barmaly ýeri bolan Nýura Zawýalowanyň öýüne tarap yöneldi.

Gapydan barman, aýnany kakdy.

Aýnanyň aňyrsyndan ümürde ýaly bolup görünýän ýarym ukuly Nýura:

— Näme gerek? — diýip sorady.

Spirka dymdy-da, Nýura hakda oýlandy. Uruş döwürlerinde, Nýura iki çagaly dulka, özem ýigrimi üç ýaşyndaka bir gezek, on dört ýaşly Spirka şähre tarap alnyp barylýan galladan bir haltasyny onuň melleginiň içine taşlady. Şu mahalky

aýnany kakybam:

— Mellegiň gyrasyndadyr. Gözläp tap-da, berkräk gizle — diýip, habar berdi.

Ýöne iki gün geçensoň, öýüne gelende, Nýura onuň üstüne topuldy.

— Sen, aždarha, nä meni türmä düşürjek bolýaňmy? Öz gara bokurdagyň aladasyny edip, iliň mellegine halta taşlaýaňmy?

Spirka aňk boldy.

— Näme waňkyryaň? Men ony özüm üçin däl...

— Eýsem kim üçin?

— Saňa. Çagajyklaň aç otyrlar ahyryn. Şolara diýip taşladym.

Ol habardan soň Nýura hünübirýan aglap, Spirkanyň boýnundan gujaklady, ýañaklaryndan ogşaşdyrdy. Aljyran Spirka bolsa agzyna gelen paýys sözlerini diýdi.

— Çagajyklaňňa çörejik bişirip berersiň welin, hezil edinip iýerler..

Ine, şu mahal Spirka şol bolan wakany ýatlady.

— Gapy açyk, näme dursuň? Ýöne, garrylary oýaraýma.

Spirka girmedi. Onuň häsiýetinde şeýle bir wagşylyk bardy. «Girmän dursam, häzir şol näderkä?».

— Spirka, nämä garaşýaň?

Jogap ýok.

— Girýäňmi?

Jogap ýok.

— Samsyk diýsänim. Edeni bir ukudan oýardy-da... Güme gitse-ne! — diýip, Nýura krowata tarap ýöredi.

Spirka pişik basyşyny edip, garrylaryň hor çekip ýatan ýerinden geçdi-de, Nýuranyň otagynda peýda boldy.

— Näme janymy ýakýaň?

Spirkäň Nýura nebsi agyrdy. Dogrudanam, näme üçin ol beýdýärkä? Beýtjek bolsaň, gowusy gara berme-dä.

— Boldy, Nýuram, boldy. Ýatdyk.

Üç günden soň Spirka agşamara Prokudinlere gitdi. Mugallymlar öýde ýok ekeni. Spirka garrylar bilen gürleşip oturmaly boldy.

Esli mahal geçensoň, Irina Iwanowna geldi. Onuň ýeke özüdi. Terje, näzijek, akylyja... Ol özi bilen ýaz howasynyň salkyn şemalynam içerik alyp girdi. Spirkanyň göwnüne bolmasa bu duşuşyga Irina hem geň galdy, hem begendi.

Spirka onuň yzy bilen otaga girdi-de:

— Ine, muňa gül diýýäler! — diýip, Irina bir desse ter gül uzatdy.

— Hiýh! — eden Irina güli görüp, öňküsindenem beter şatlandy. — Nähili owadan çemen! Bu gülüň ady näme? Bular ýaly güli henize çenli göremok.

— Jarki diýýäler. — Spirkäniň ýüreginde özboluşly bir gyzgynlyk peýda boldy. Ol ozallar ýumruklaşmaga başlajak bolup durka ýa-da göwün söýen gyzyny ogşanda, şeýle gyzgynlyk duýýardy. Ol öz söýgüsini gizlejegem bolmady. — Men indi size ýygy-ýygydan şular ýaly çemen getirerin.

— Geregem ýok-la. Näme alada galyp?

— Alada bormy! Her gün çemenligiň üstünden ýolum düşýär. O ýerde gül orak bilen orsaňam tapylyar. — «Owadan bolsaň, umuman, erbet däl ýaly — diýip, Spirka içini gepletди. — Meň ýerime başga biri gelen bolsa, bireýýäm gapyny aňyrsyndan ýapdyrardy». Ol ýylgyrды. Onuň keýpi çagды.

Irina-da güldi. Ýöne, onuň birneme utanjaňlyk edýändigem bildirýärdi. Spirka jöwzaly günde ýüzünem çümdürip, çeşmeden suw içýän ýaly keýp çekýärdi. Hyýaldaky çeşmeden içди, içди, hatda onuň endamynda lezzetiň gyzgynlygy çümşüldäp gitди. Ol edil düýşde ýaly bolup, Iranyň elinden tutды. Edil düýşde ýaly. Ukudan açylmasa ýagşyдыr!

Gelin elini çekmekçi boldy. Emma Spirka beýtmäge maý bermedi.

— Beýtmeseňizläň? Beýtmek nämä gerek?

— Nämä gerek diýen sorag nämä gerek? — Spirka şu mahala çenli başga aýallaryň ýanynda edýän garşylyksyz hereketlerini şu ýerde hem etmek isledi. Şol gödekligi, şol gara güýji şu çepiksi gelniňem depesinden indermäge höwesek boldy. Eger Irina garşylyk görkezse, şeýle bolaýmagam ähtimalды. «Eý, Hudaý, muň kalbyna giňlik salaweri. Ýogsam ol garşylyk görkezerem...». Ol Irany özüne tarap çekди. Onuň haýran galmak duýgusyndan dolup giňelen gözleriniň özüne golaýlanyny duýan Spirka tolgundy. Tüýs maý boldy. «Ýeri gelen mahaly el-aýagym ejizlemese bolar. Ýekeje gezek ogşasam bolýa... Başga zat gerek däl.» Ogşadam. Näzikden akja bokurdagynam sypalady. Ondanam başga ýumşajyk hem ykjamja dodaklardanam sordy. Şol mahalam Iranyň äri gapydan girdi. Sergeý Ýurýewiç geldi, Spirka onuň içerik girenini duýman galdy. Onuň gören zady ýaş gelniň silkinen kellesi bilen gorkudan dolan gözleri boldy.

Spirka Irany goýbermeli boldy. Ol utanmadam, gorkmadam. Ýöne pursatyň elden gidenine nebsi agyрды, öküнди... Öý eýesi geldi! Bular ýaly adamlar hemme tarapdan dokuzy düzüw bolýa. Ol Sergeý Ýurýewiçe seretди.

— Dogumly ekeniň, ýaş ýigit! Başaran goşuň boldumy? — Sergeý ýylgyrjak boldy,

emma başarmady, oňa derek gözleri aýylganç sypatda süzüldi, galyň dodaklary aglajak bolýanyňky ýaly kemşilded. Ol aýalyna seretdi. — Nämä dymýaňyz? Nämä reňkiň ak tam boldy-la?! — Galmagal. Aýala edil gamçy urlan ýaly boldy. — Jelep! Eýýäm ýetişdiňmi? — Sergeý aýalyna tarap ýöredi. Spirkä onuň ýoluny kesdi. Ol mugallymyň gahar-gazaba dolan gözlerini görmäge ýetişdi. Onuň ýene bir duýan zady Sergeýiň ýaňy syrylan eňeginden gelýän atyr ysy boldy.

— Rahatlanyň.

Şonuň yz ýanyndan gysgadan güýçli el Spirkany jaýdan alyp çykdy.

— Hany, görmegeý ýigit, gideli!..

Boýnundan edil atagzy ýaly mäkäm tutup südürläp barýan ele Spirkäni edip bilen çäresi bolmady. Ol elde adamzadyňka meňzemeýän aýylganç bir güýç bardy.

Sergeý şeýdip, ony garrylaryň bolýan otagynyň üstaşyry daşaryk alyp çykdy. Garrylar mugallym bilen Spirkäni bolup baryşlaryna haýran galyp seredişdiler.

— Ogry pişik tutaýdym öýdýän!

Spirkäniň kalbynda bolup geçýän harasaty söz bilen beýan eder ýaly bolmady. Utanç, gazap, yza... bary bir ýere ýygnanyp, ony gysyp-gowrup, alyp barýardy.

— Haramzada, haýwan — diýip, Spirka boguk ses bilen sögündi. — Edýäniň näme?

Eýwana çykdy. Mugallymyň gurşundan ýasalan ýaly elleri hereket etdi. Beýik eýwandan atylyp gaýdan Spirka aýak süpürilýän çygly odunyň üstüne ýazylyp gitdi.

Spirkäniň kellesinde «Men seni öldirin» diýen pikir döredi.

Sergeý Ýurýewiç onuň ýanyna bardy.

— Hany, gal ýeriňden!

Spirka ol söz aýdylmanka ýerinden turdy. Turan badyna-da ýene ýere ýazyldy. «Ol meni urýar ahyryn!». Bolýan ýagdaýy aňan Spirka gaty kemsindi, jowrundy. Ol ýerinden turup, mugallymyň bokurdagyna el ýetirmek isledi. Emma mugallymyň kelte eli bu gezek Spirkäniň eňeginiň töwereginde oýnady. Onuň kellesi arkanlygyna serpildi, agzynda bolsa üýtgeşik tagam duýuldy. Ol ýene-de mugallymyň üstüne topuldy... Spirka uruşmagy başarýardy. Ýöne gyzmalyk, gahar, agyry, özüniň ejizländigine düşünmek duýgusy onuň erkini elinden alypdy. Ýeňmeçlik Spirkäni öňe omzadýardy, mugallymyň gurşunly ýaly ellerem ýadaman işleýärdi. Ol mugallymyň bokurdagyndan almak-ha däl, asyl oňa elinem degrip bilmedi. Iň soňky ýumruk bolsa ony galmaza dönderdi. Mugallym serlip ýatan Spirkäň üstüne egildi.

— Entek men saňa görkezerin — diýip, Spirka gowşaksy, düşnüksiz, ýöne çyny bilen duýduryş berdi.

— Şu wakany saňa medeniýet sapagy bor diýip hasap edäýeli. — Mugallymam pessaý geplese-de, çyny bilen sözledi. — Türme oýunjyklaryny taşlamak gerek.

— Men seni öldirin — diýip, Spirka bir aýdanyny gaýtalady. Onuň agzynyň içinde şepbeşik talhylyk döräp, edil içi atyrlý çüýşäni çeynän ýaly hem awaýardy, hem ýakyp barýardy. — Öldirin. Sen şony bilip goýaý...

— Sen meni näme üçin öldürjek? — diýip, mugallym parahat äheň bilen sorag berdi.

— Öldürjegimi bilip goýaý.

Mugallym jaýa girdi-de, gapyny içinden gulplady.

Spirka turmaga synanyşdy, ýöne başarmady. Kellesi güwläp dursa-da, bolan işi gowy aňsyryýardy. Ol Prokudinleriň jaýyna üçekdenem girip bolýandygyny bilýärdi. Garrylaryň ýaşaýan otagynyňam gapysy hiç mahal gulplanmaýardy. Mugallymlaryň bolýan otagy-ha asla-da ýapylmaýardy. Spirka ol zatlary Prokudinleriň Mişa atly ogly bilen çagalykdan tirkeşeni sebäpli bilýärdi. Indi

Mişa bu öýde ýaşamasa-da, garrylaryň düzgüninde üýtgän zat ýokdy.

Ol diwara ýapyşyp, zordan galdy-da, derýa tarap gitdi. Şeýdip ol birneme özüne geldi.

Spirka ýenjilen ýüzüni ýuwdy, otluçöp çakyp üst-başyna seretdi. Penjeginiň gan-koklaryny süpürişdirdi. Şeýtmese tüpeň almak üçin öýe girende, ejesiniň bolan işleriň üstüni açmagy ähtimaldy. Tüpeňi almak üçin bolsa bahana gyt dälidi. Gijeki smena bilen gidýänligi sebäpli, gaýdyşyn, ertir kölüň başynda oturyp aw etjek diýip ýalan sözleseňem bolman durjak dälidi.

Ejesi eýýäm uklan ekeni.

— Bu senmiň, Spirka? — diýip, ol pejiň üstünde ýatan ýerinden ukuly ses bilen sorag berdi.

— Men, men. Ýatyber. Gitmeli boldum.

— Gowrulan kartoşka bardyr, süýt bardyr. Ýola düşjek bolsaň, naharlanyp git.

— Iýip oturmaýyn. Ýanyma alaýaryn.

Spirka çyrany ýakman, diwaryň ýüzüni sermeläp tüpeňi, hatary tapdy. Tüpeňi daşky jaýda gizläp, ýene içerik girdi. Pejiň ýanynda durdy-da, ejesiniň kellesini sermäp tapdy-da, onuň gyzgyn saçyny sypady. Ene oýanjagam, turjagam bolmady. Sebäbi, Spirka içip gelen mahallary hemişe-de ejesiniň saçyny sypaýardy.

— Içgilimiň? Beýle ýagdaýda nädip ýola çykjak?

Ejesi Spirkäni ýyl-ýyldan gowy görüp başlady. Oňly adamlar ýaly öýlenip, öýli-işikli bolmaýany üçin onuň ogluna haýpy gelýärdi, nebsi agyrýardy. Özbaşdak ýaşap ýören dul aýalyň ýa-da ärinden aýrylyşan gelniň öýüne gelmegine arzuw edip garaşýardy.

— Hiç zadam bolmaz-la.

— Ýeri, bolýa-da. Gitseň, Alla ýaranyň bolsun. Ýöne ýuwaşrak sürüň. Ýogsam siz edil gözüňize urlan ýaly...

— Sen gaýgy etme, eje. — Spirka tizräk öýden çykмага howlukdy. Ol ejesini ýadyndan çykarmagyň aladasyny etdi. Ejesini ýalňyz taşlap gitmek oňa agyr düşýärdi.

Ol tüpeňi elinde berk tutup, garaňky köçe bilen gidip barýardy. Ähli aladasam ejesini ýatdan çykarmakdy. Eli arkasyna daňylgy barýan ogluny görse ol... Spirka ädimini ýygjamlatdy. «Hudaý saňa güýç-kuwwat bersin, eje». Ol indi ylgap diýen ýaly barýardy. Özem adam öldürmäge däl-de, Irina Iwanownanyň ýorganyna girmäge barýan ýaly tolgunýardy. Birden Irina Iwanowna onuň göz önünde janlandy, şol pursatam ýene gaýyp boldy. Onuň ýarym açyk, ýumşajyk dodaklary... ýada düşdi, ýöne ýatdaky gözellikden lezzet almaga welin agzyndaky ganyň tagamy, mugallymyň ýylmanak ýañagyndan gelýän atyr ysy zeper berdi. Näme üçindir şol buz ýaly atyr ysy şu mahal ýada düşýär.

Spirka hem ylgaýardy, hemem keýpini göterjek bolup, çalajadan hiňlenýärdi.

Gara at, eýsem agzyndaky,
Agyzdyrygny çeýnärmikä?
Neneň meniň söýgüli ýarym...

Prokudinleriň jaýy tutuşlygyna garaňky bir zat bolup göze kaklyşdy. «Şeýtmeli, şeýtmeli, — diýip, Spirka hyýalynda özi bilen gepleşdi. — Merdiwany alýas. Tama ýaplaýas... Tolgunma». Ol sag-aman kladowka ýetip, diňşirgendi. Ümsümlük. Diňe ýürek gapyrgany döwäýjek bolýar. «Spirka, tolgunma!». Ol gapyny çekende, erş aňsatlyk bilen üzüldi. Ýöne, erşiň daňlan çüýi gopup çalarak ses etdi. Ol bir elini öňe uzadyp, uzyn jaýyň içi bilen gidiberdi. Ahyr ol gapyny tapyp, ony emaç bilen ýokary göterdi welin, işik onuň üstüne gysardy. Garrylaryň ýaşaýan otagyndan çyg çeken possunyň, hamyryň, ýyly pejiň ysy geldi. Ine şol ýer onuň ezeneginden tutulan ýerdi. «Hudaý jan, garrylar bir oýanmawersinler!». Şu mahal biri zeper ýetiräýse, gaty karam boljakdy. «Ol meni nähili edip ýençdi! Urmaga-ha ökde ekeni, zalym».

Spirka ugur tapyjylygyna, çakganlygyna özi geň galdy. Onuň çybşyldysy özüne-de eşiðilmeýärdi... Ol içki jaýa girdi-de, gapyny derrew ýapdy. Burçdaky krowat jygyldady. Spirka diwary sermeşdirip, çyrany ýakdy. Krowatyň üstünde dik oturan Sergeý Ýurýewiç oňa tarap seredýärdi. Irina Iwanowna-da dikeldi. Ol ilki ärine, soňam eli tüpeňli duran Spirkä äňetdi. Sergeý Ýurýewiç ýagdaýa düşünýän nazar bilen seredýän gara gözlerini synlap, Spirka onuň şu ýagdaýyň bolaýmagyna garaşyp, ýatmandygyny aňdy.

— Men saňa görkezerin diýip, öňünden duýdurypdym — diýen Spirka tüpeňiň gulagyny gaýtarjak boldy. Emma gulak eýýäm (haçan gaýtardyka?) gaýtarylgy ekeni. — Men saňa duýdurypdym.

Irina Iwanownanyň diňe içki eşikli, onda-da köýnekçesiniň bir eginligi sypyp, heniz çaga emmedik, akja göwsüniň ujuna çenli görkezip oturmasy Spirkany birden tolgundyrdy. Ol Irinadan derrew nazaryny aýyrady.

Är-aýal seslerini çykarman, Spirkä seredişýärdiler.

— Hany, krowatdan düş — diýip, Spirka buýruk berdi. — Ikimiz daş çykaly.

— Spiridion... saňa atuw jezasyny bererler... Neneň...

— Men oňa düşünýän. Düş krowatdan.

— Spiridion, neneň sen... Bagyşla, Spiridion!

— Çyk diýýän men saňa.

Içki eşikli oturan Sergeý Ýurýewiç krowatdan bökdi.

Şol mahal birden Irina Iwanowna aýylgançdan çirkin gygyrdy welin, ol ses şeýle enaýyja, akyllyja, ýumşakdan mylaýym dodakly aýalyň sesine däl-de, adam sesine meňzemeýän sarsgyn bolup ýaňlandy. Ol krowatdan agyp gaýtdy-da, elini öňe uzadyp emedekledi...

— Beýtme-e! A-a-a! Beýtme-e! — Ol dyzyna çöküp oturan ýerinden tüpeňe ýapyşjak boldy...

Şol pursat ellerini giňden açan Sergeý Ýurýewiç Spirkäniň üstüne bökdi, emma tüpeňiň gundagynyň zarbyna yza serpilmeli boldy.

— Ezizim, beýtme ahyryn! — diýip, çepiksije gelin naýynjar möňňürdi. Ol aljyramakdan ýaňa Spirkäniň adyny ýadyndan çykarana meňzeýärdi.

Gapynyň aňyrsynda peýda bolan garrylaram gygyryşdylar.

— Beýtme-e!— diýip, Irina ýalbardy.

Spirka aljyrady, hemem şu mahal tüpeňiň gulagyny gysaýsa, soň ol gümpüldiniň sarsgynyny hiç hili yhlas bilen, alada bilen ýatyryp bolmajagyna düşündi. Iň bolmanda, Irina beýle naýynjar beri gygyrmasady. Beýle güýç ol kiçijik göwräniň niresinde ýerleşýäkä?

Spirka sögündi. Ol otagdan çykdy-da, gara jaýdan daşlaşmak üçin çalt-çaltan ädim urdy. Ol öz bedeninde şeýle bir agyr ýadawlyk duýdy. Özem ol birden ýadaýdy. Ejesi ýadyna düşdi. Ony ýadyndan çykarjak bolubam Spirka aýagaldygyna ylgady. Ejesinden soň ýalaňaçja Irina Iwanowna ýadyna düşdi. Oňa bolan söýgi Spirkäniň ýüregine ot bolup ýelmeşdi. Ýalňyşlyk etmän, gaýdany hakda oýlananda begendi. Irina nähili edip bagryny paralady! Soň näderdi? Äriniň jesediniň üstüne baş egip ýanyp-köýerdi! Ýene ejesi ýada düşdi. Ana, hemmeden beter bagyr paralajak şoldur! Spirka has gaty ylgamaga başlady. Ol öwlüýä baryp ýetdi-de aşak oturdy. Gije garaňkydy. Ol nili öz döşüne tutdy-da, tüpeňiň gulagyna elini ýetirdi. Biraz oýlandy. «Bolany şü!». Ol barmaklarynyň iki sany jaýtarlyp duran sowuk demre baryp degenini duýdy... Olaryň ikisem birden basyldy. Iň soňky minutda nämedir bir zat ýatlamak isledi, oňa-da ýetişmedi. Döşünde agyrsyz, ýöne güýçli sarsgyn duýuldy. Spirka ýüzinligine ýykyldy... Garaňky asman onuň depesinden inen ýaly boldy. Barybir ol iň soňky pursatda oýlanyp galdy. Oýlanmadam-da, pikir etdi. «Agyrmadam!». Bary şol boldy.

Şu ýerde hem Spiridion Rastorguýewiň gysga hem bulaşyk ömür tanapy üzüldi.

1970 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Сураз

Спирьке Расторгуеву – тридцать шестой, а на вид двадцать, не больше.

Он поразительно красив, в субботу ходит в баню, пропарится, стащит с себя недельную шоферскую грязь, наденет свежую рубаху – молодой бог! Глаза ясные, умные... Женственные губы ало цветут на смуглом лице. Сросшиеся брови, как два вороньих крыла, размахнулись в капризном изгибе. Черт его знает!.. Природа, кажется, иногда шутит. Ну зачем ему! Он и сам говорит: «Это мне – до фени». Ему все «до фени». Тридцать шесть лет – ни семьи, ни хозяйства настоящего. Знает свое – матерщинничать да к одиноким бабам по ночам шастать. Шастает ко всем подряд, без разбора. Ему это – тоже «до фени». Как назло кому: любит постарше и пострашней.

– Спирька, дурак ты, хоть рожу свою пожалей! К кому поперся – к Лизке корявой, к терке! Неужели не совестно?

– С лица воду не пить, – резонно отвечает Спирька. – Она – терка, а душевней всех вас.

Жизнь Спирьки скособочилась рано. Еще только был в пятом классе, а уж начались с ним всякие истории. Учительница немецкого языка, тихая обидчивая старушка из эвакуированных, пристально рассматривая Спирьку, говорила с удивлением:

– Байрон!.. Это поразительно, как похож!

Спирька возненавидел старушку.

Только подходило «Анна унд Марта баден», у него болела душа – опять пойдет: «Нет, это поразительно!.. Вылитый маленький Байрон». Спирьке это надоело. Однажды старушка завела по обыкновению:

– Невероятно, никто не поверит: маленький Бай...

– Да пошла ты к... – И Спирька загнул такой мат, какого постеснялся бы пьяный мужик.

У старушки глаза полезли на лоб. Она потом говорила:

– Я не испугалась, нет, я была санитаркой в четырнадцатом году, я много видела и слышала. Но меня поразило: откуда он-то знает такие слова?! А какое прекрасное лицо!.. Боже, какое у него лицо – маленький Байрон!

«Байрона» немилосердно выпорола мать. Он отлежался и двинул на фронт. В Новосибирске его поймали, вернули домой. Мать опять жестоко избила его... А ночью рвала на себе волосы и выла над сыном; она прижила Спирьку от «проезжего молодца» и болезненно любила и ненавидела в нем того молодца: Спирька был вылитый отец, даже характером сшибал, хоть в глаза не видел его.

В школу он больше не пошел, как мать ни билась и чем только ни лупила. Он пригрозил, что прыгнет с крыши на вилы. Мать отступилась. Спирька пошел работать в колхоз.

Рос дерзким, не слушался старших, хулиганил, дрался... Мать вконец измучилась с ним и махнула рукой.

– Давай, может, посадят.

И правда, посадили. После войны. С дружкой, таким же отпетым «чухонцем», перехватили на тракте сельповскую телегу из соседнего села, отняли у возчика ящик водки... Справились с мужиком! Да еще всыпали ему. Сутки гуляли напропалую у Спирькиной «марухи»... И тут их накрыла милиция. Спирька успел схватить ружье, убежал в баню, и его почти двое суток не могли взять – отстреливался. К нему подсылали «маруху» его, Веру-тараторку, – уговорить сдаться добром. Шалаболка Вера тайком, под подолом, отнесла ему бутылку водки и патронов. Долго была там с ним... Вышла и объявила гордо:

– Не выйдет к вам!

Спирька стрелял в окошечко и пел:

Врагу не сдается наш гордый «Варяг»;
Пощады никто не желает!

– Спирька, каждый твой выстрел – лишний год! – кричали ему.

– Считайте – сколько?! – отвечал Спирька. И из окошечка брызгал стремительный длинный огонь, гремело. Потом он протрезвился, смертельно захотел спать... Выкинул ружье и вышел.

Пять лет «пыхтел».

Пришел – такой же размашисто-красивый, дерзкий и такой же неожиданно добрый. Добротой своей он поражал, как и красотой. Мог снять с себя последнюю рубаху и отдать – если кому нужна. Мог в свой выходной поехать в лес, до вечера пластаться там, а к ночи привезти машину дров каким-нибудь одиноким старикам. Привезет, сгрузит, зайдет в избу.

– Да чего бы тебе, Спиренька, андел ты наш?... Чего бы тебе за это? – суется старики.

– стакан водяры. – И смотрит с любопытством. – Что, ничего я мужик?

Пришел Спирька из тюрьмы... Дружков – никого, разъехались, «марухи» замуж повыводили. Думали, уедет и он. Он не уехал. Малость погулял, отдал деньги матери, пошел шоферить.

Так жил Спирька.

В село Ясное приехали по весне два новых человека, учителя: Сергей Юрьевич и Ирина Ивановна Зеленецкие – муж и жена. Сергей Юрьевич – учитель физкультуры, Ирина Ивановна – пения.

Сергей Юрьевич – невысокий, мускулистый, широченный в плечах... Ходил упругисто, легко прыгал, кувыркался; любо глядеть, как он серьезно, с увлечением проделывал упражнения на турнике, на брусьях, на кольцах... У него был необычайно широкий добрый рот, толстый с нашлепкой нос и редкие, очень белые, крупные зубы.

Ирина Ивановна – маленькая, бледненькая, по-девичьи стройная. Ничего вроде бы особенного, а скинет в учительской плащик, пройдет, привстанет на цыпочки, чтобы снять со шкафа тяжелый аккордеон, – откуда

ладность явится, изящность. Невольно засматривались на нее.

Такая-то пара (было им по тридцать – тридцать два года) приехала в Ясное в хорошие теплые дни в конце апреля. Их поселили в большом доме, к старикам Прокудиным.

Первым, кто пришел навестить приезжих, был Спирька. Он и раньше всегда ходил к новым людям. Придет, посидит, выпьет с хозяевами (кстати сказать, Спирька, хоть пил, допьяна напивался редко), поговорит и уйдет.

Было под вечер. Спирька умылся, побрился, надел выходной костюм и пошел к Прокудиным.

– Пойду гляну, что за люди, – сказал матери.

Старики Прокудины вечеряли.

– Садись, Спиридон, похлебай. – Спирька иногда помогал старикам, они любили его и жалели.

– Спасибо, я из-за стола. Дома ваши квартиранты?

– Там. – Старик кивнул на дверь горницы. – Укладываются.

– Как они?

– Ничего, уважительные. Сыру с колбасой вот дали. Садись, попробуй?

Спирька качнул головой, пошел в горницу. Стукнул в дверь:

– Можно?

– Войдите! – пригласили за дверью.

Спирька вошел.

– Здравствуйте!

– Здравствуйте! – сказали супруги. И невольно засмотрелись на Спирьку. Так было всегда.

Спирька пошел знакомиться.

– Спиридон Расторгуев.

– Сергей Юрьевич.

– Ирина Ивановна. Садитесь, пожалуйста.

Пожимая теплую маленькую ладошку Ирины Ивановны, Спирька открыто, с любопытством оглядел всю ее. Ирина Ивановна чуть поморщилась от рукопожатия, улыбнулась, почему-то поспешно отняла руку, поспешно повернулась, пошла за стулом... Несла стул, смотрела на Спирьку не то что удивленная – очень заинтересованная.

Спирька сел.

Сергей Юрьевич смотрел на него.

– С приездом, – сказал Спирька.

– Спасибо.

– Пришел попроведовать, – пояснил гость. – А то пока наш народ раскачается, засохнуть можно.

– Необщительный народ?

– Как везде: больше по своим углам.

– Вы здешний?

– Здешний. Чалдон.

– Сережа, я сготовлю чего-нибудь?

– Давай! – охотно откликнулся Сережа и опять весело посмотрел на Спирьку. – Вот со Спиридоном и отпразднуем наше новоселье.

– Стаканчик можно пропустить, – согласился Спирька. – Откуда будете?

– Не очень далеко.

Ирина Ивановна пошла в комнату стариков; Спирька проводил ее взглядом.

– Как жизнь здесь? – спросил Сергей Юрьевич.

– Жизнь... – Спирька помолчал, но не искал слова, а жалко вдруг стало, что не будет слышать, как он скажет про жизнь, эта маленькая женщина, хозяйка. – Человек, он ведь как: полосами живет. Полоса хорошая, полоса плохая... – Нет, не хотелось говорить. – А зачем она пошла-то? Сказать старикам, они сделают что надо.

– Зачем же? Она сама хозяйка. Так какая же у вас теперь полоса?

– Так – середка на половине. Ничего, вообще-то... – Ну решительно не хотелось говорить, пока она там готовит эту дурацкую закуску. – Закурить можно?

– Курите.

– Учительствовать?

– Да...

– Она по кому учитель?

– По пению.

– Что, поет хорошо? – оживился Спирька.

– Поет...

– Может, споет нам?

– Ну... попросите, может, споет.

– Пойду скажу старикам... Зря она там!

И Спирька вышел из горницы.

Вернулись вместе – Ирина Ивановна и Спирька. Ирина Ивановна несла на тарелочке сыр, колбасу, сало...

– Я согласилась не делать горячего, – сказала она.

– Хорошо, что согласилась.

– Да на кой оно!.. – чуть не сорвался Спирька на привычное определение. – Милое дело – огурец да кусок сала! Верно? – Спирька глянул на хозяина.

– Тебе лучше знать, – резковато сказал Сергей Юрьевич.

Спирьку обрадовало, что хозяин перешел на «ты» – так лучше. Он не заметил, как переглянулись супруги: ему стало хорошо. Сейчас – стаканчик водки, – а там видно будет.

Вместо водки на столе появился коньяк.

– Я сразу себе стакан, потом – ша: привык так. Можно?

Спирьке любезно разрешили.

Спирька выпил коньяк, взял маленький кусочек колбасы...

– Вот... – поежился. – Достали слой вечной мерзлоты, как говорят.

Супруги выпили по рюмочке. Спирька смотрел: как вздрагивало нежное горлышко женщины. И – то ли коньяк так сразу, то ли кровь – кинулось что-то тяжелое, горячее к сердцу. До зуда в руках захотелось потрогать это горлышко, погладить. Взгляд Спирьки посветлел, поумнел... На душе захорошело.

– Мечтjak коньячишко, – похвалил он. – Дорогой только.

Сергей Юрьевич засмеялся; Спирька не замечал его.

– Милое дело – самогон, да? – спросил Сергей Юрьевич. – Дешево и сердито.

«Что бы такое сказать веселое?» – думал Спирька.

– Самогон теперь редко, – сказал он. – Это в войну... – И вспомнились далекие трудные годы, голод, непосильная недетская работа на пашне... И захотелось обо всем этом рассказать весело. Он вскинул красивую голову, в упор посмотрел на женщину, улыбнулся:

– Рассказать, как я жил?

Ирина Ивановна поспешно отвела от него взгляд, посмотрела на мужа.

– Расскажи, Расскажи, Спиридон, – попросил Сергей Юрьевич. – Это интересно – как ты жил.

Спирька закурил.

– Я – сураз, – начал он.

– Как это? – не поняла Ирина Ивановна.

– Мать меня в подоле принесла. Был в этих местах один ухарь. Кожи по краю собирал, заготовитель. Ну, заодно и меня заготовил.

– Вы знаете его?

– Ни разу не видал. Как мать забрюхатела, он к ней больше глаз не казал. А потом его за что-то арестовали – и ни слуху ни духу. Наверно, вышку навели. Ну, и стал я, значит, жить-поживать... – И так резко, как захотелось весело рассказать про свою жизнь, так – сразу – расхотелось... Мало веселого... Про лагерь, что ли? Спирька посмотрел на Ирину Ивановну, и в сердце опять толкнулось неодолимое желание: потрогать горлышко женщины, погладить. Он поднялся.

– Мне в рейс. Спасибо за угощение.

– Ночью в рейс? – удивилась Ирина Ивановна.

– У нас бывает. До свиданья. Я к вам еще приду.

Спирька, не оглянувшись, вышел из горницы.

– Странный парень, – сказала жена после некоторого молчания.

– Красивый, ты хотела сказать?

– Красивый, да.

– Красивый... Знаешь, он влюбился в тебя.

– Да?

– И тебя, кажется, поскребло по сердцу. Поскребло?

– С чего ты взял?

– Поскребло-о.

– Тебе хочется, чтобы поскребло?

– А что?.. Только... не получится у тебя.

Женщина посмотрела на мужа.

– Испугаешься, – сказал тот. – Для этого нужно мужество.

– Перестань, – сказала жена серьезно. – Чего ты?

– Мужество и, конечно, сила, – продолжал муж. – Надо, так сказать, быть в форме. Вот он – сумеет. Между прочим, он сидел в тюрьме.

– Почему ты решил?

– Не веришь? Иди спроси у стариков.

– Если тебе нужно, иди спрашивай.

– А что?..

Муж вышел к старикам.

Через пять минут вернулся... И с наигранной торжественностью объявил:

– Пять лет! В лагерях строгого режима. За грабеж.

Отсыревший к вечеру, прохладный воздух хорошо свежил горячее лицо. Спирька шел, курил. Захотелось вдруг, чтоб ливанул дождь – обильный, чтоб резалось небо огненными зазубринами, гремело сверху... И тогда бы – заорать, что ли.

Спирька направился в очередное «логово» – к Нюре Завьяловой.

Стукнул в окно.

– Ну? – недовольно спросила заспанная Нюра, смутно, белым пятном маяча за окном.

Спирька молчал, думал про Нюру: один раз, в войну, когда Нюре тогда было двадцать три и она была вдовой с двумя маленькими ребятишками, Спирька (ему тогда шел четырнадцатый) ночью сбросил с воза в огород к ней мешок зерна (ехали обозом в город молоть). Нюре стукнул вот в это, кажется, окно и сказал торопливо:

– Найди в огороде, у бани... Спрячь подальше!

А когда через два дня, тоже ночью, пришел к Нюре, она накинулась на него:

– Ты што, Спирька, змей полосатый, в тюрьму меня захотел посадить?! Сам хочешь сытый ходить, а к другим подбрасываешь?

Спирька опупел.

– Да не себе я, чего ты разоралась-то!

– Кому же?

– Тебе. Им же исть надо! – Про детей Нюриных. – Голодные же сидят...

Нюра заревела коровой, бросилась обнимать Спирьку. Спирька, расстроенный, матерился.

– Ну, и вот!.. Будешь им в ступке толочь да лепешки в золе печь – вкуснятина, сил нет...

Вот что вспомнилось вдруг.

– Чего стоишь-то? – спросила Нюра. – Дверь открыта... Стариков не разбуди.

Спирька стоял. Было в его характере какое-то жестокое любопытство: что она сейчас будет делать?

– Спирька!.. Ну, чего ты?

Молчание.

– Иди, что ли?

Молчание.

– Дурак заполошный... Разбудит, а потом начинает... Ну и иди к черту! – Нюра пошла к кровати.

Спирька неслышно прокрался по прихожей избе, где храпели старики Нюрины, и очутился в горнице.

– Чего выкобениваешься-то?

Спирьке нестерпимо стало жаль Нюру... Какого черта, действительно? Лучше не приходить тогда.

– Все, Нюрок, спим.

Через три дня, вечером, Спирька пошел к Прокудиным. Квартирантов не было дома. Спирька побеседовал пока со стариками. Рассказал, что одному солдату явилась земная Божья Мать...

Пришла Ирина Ивановна. Одна. Свеженькая, внесла в избу прохладу вечерней весенней улицы. Удивилась и, как показалось Спирьке, обрадовалась.

Спокойный, решительный, Спирька прошел в горницу.

– Букетик, – предложил он. И подал женщине кроваво-красный пылающий букетик жарков.

– Ах!.. – обрадовалась женщина. – Ах, какие они! Как они называются? Я таких никогда не видела...

– Жарки. – В груди у Спирьки весело зазвенело. Так бывало, когда предстояло драться или обнимать желанную женщину. Он не скрывал любви. – Я вам теперь часто буду такие привозить.

– Да нет, зачем же?.. Это ведь – труд лишний...

– Ох, – скокетничал Спирька, – труд! Мимо ежжу. – Хорошо все-таки, что он красивый. Другого давно бы уж поперли, и все. Он улыбался, ему было легко.

Женщина тоже засмеялась и смутилась. Спирька наслаждался: как в знойный-знойный день пил из ключа студеной воду, погрузив в нее все лицо. Пил и пил – и по телу огоньком разливался томительный жар. Он взял женщину за руку... Как во сне! – только бы не просыпаться.

Женщина хотела отнять руку... Спирька не выпустил.

– Зачем вы?.. Не нужно.

– Почему не нужно? – Все, что умел Спирька, все, что безотказно всегда действовало на других женщин, все хотел бы он обрушить сейчас на это дорогое, слабое существо. Он молил в душе: «Господи, помоги! Пусть она не брыкается!» Он повлек к себе женщину... Он видел, как расширились ее близкие, удивленные глаза. Теперь – чтоб не дрогнула, не ослабла рука... «Господи, мне больше пока ничего не надо – поцелую, и все». И поцеловал. И погладил белое нежное горлышко... И еще поцеловал мягкие податливые губы. И тут вошел муж... Спирька не слышал, как он вошел. Увидел, как вскинулась голова женщины, и испуг плеснулся в ее

глазах... Спирька услышал за спиной насмешливый голос:

– Те же. И муж.

Спирька отпустил женщину. Не было ни стыдно, ни страшно. Жалко было. Такая досада взяла на этого опрятного, подтянутого, уверенного человека... Хозяин пришел! И все у них есть, у дьяволов, везде они – желанные люди. Он смотрел на мужа.

– Лихой парень! Ну, как, удалось что-нибудь? – Сергей Юрьевич хотел улыбнуться, но улыбки не вышло, только нехорошо сузились глаза, и толстые губы обиженно подождали. Он посмотрел на жену. – Что молчите? Что побледнела?! – Крик – злой, резкий – как бичом стегнул женщину. – Шлюха!.. Успела? – Муж шагнул к ней...

Спирька загородил ему дорогу. Вблизи увидел, как полыхают темные глаза его обидой и гневом... И еще уловил Спирька тонкий одеколониный холодок, исходивший от гладко выбритых щек Сергея Юрьевича.

– Спокойно, – сказал Спирька.

В следующее мгновение сильная короткая рука влекла Спирьку из горницы.

– Ну-ка, красавец, пойдем!..

Спирька ничего не мог сделать с рукой: ее как приварили к зашивку, и крепость руки была какая-то нечеловеческая, точно шатуном толкали сзади.

Так проволокли Спирьку через комнату стариков; старики во все глаза смотрели на квартиранта и на Спирьку.

– Кота пакостливого поймал, – пояснил квартирант.

Ужас, что творилось в душе Спирьки!.. Стыд, боль, злоба – все там перемешалось, душило.

– Пидор, гад, – хрипел Спирька, – что ты делаешь?..

Вышли на крыльцо... Шатун сработал, Спирька полетел вниз с высокого крыльца и растянулся на сырой соломенной подстилке, о которую вытирают ноги.

«Убью», – мелькнуло в Спирькиной голове.

Сергей Юрьевич спускался к нему...

– Вставай.

Спирька вскочил до того, как ему велели... И тотчас опять полетел на землю. И с ужасом, и с брезгливостью понял: «Он же бьет меня!» И опять вскочил и хотел скользнуть под чудовищный шатун – к горлу физкультурника. Но второй шатун коротко двинул его в челюсть снизу. Спирьку бросило назад; он почувствовал медь во рту. Опять бросился на учителя... Он умел драться, но ярость, боль, позор, сознание своей беспомощности перед шатунами – это лишило его былой ловкости, спокойствия. Слепая ярость бросала и бросала его вперед, и шатуны работали. Кажется, он ни разу так и не достал учителя. От последнего удара он не встал. Учитель склонился над ним.

– Я тебя уработаю, – неразборчиво, слабо, серьезно сказал Спирька.

– Будем считать, что это урок вежливости. Лагерные штучки надо бросать. – Учитель говорил не зло, тоже

серьезно.

– Я убью тебя, – повторил Спирька. Во рту была какая-то болезненная мешанина, точно он изгрыз флакон с одеколоном – все там изрезал и обжег. – Убью, знай.

– За что? – спокойно спросил учитель. – За что ты меня убьешь?.. Подлец.

Учитель ушел в дом, захлопнув за собой дверь, и задвинул железную щеколду.

Спирька попробовал встать, не мог. Голова гудела, но думалось ясно. Он знал, как с крыши прокудинского дома – через лаз – можно спуститься в кладовку. Кладовка не запиралась: шпагатная веревочка накидывалась петелькой на гвоздик, и все, чтоб дверь сама не открывалась. Дверь в избу стариков тоже никогда не запирается на ночь. В горнице запора и вовсе нет. Он потому так хорошо все знал в доме Прокудиных, что сын их, Мишка, был смолodu товарищ Спирьки, и Спирька часто бывал и даже ночевал у них. Теперь Мишки не было, но все, конечно, осталось у стариков, как раньше.

С трудом наконец Спирька поднялся, подержался за стену дома... Пошел к реке. Силы возвращались.

Он умыл разбитое лицо, оглядел со спичками костюм, рубашку... Не надо, чтобы мать увидела кровь и заподозрила неладное, когда он станет брать ружье. Ружье можно взять под любым предлогом: ехать с семенным зерном в глубинку, а утром посидеть там у озера.

Мать спала уже.

– Ты, Спирька? – спросила она сонным голосом с печки.

– Я. Спи. Мне ехать надо.

– Достань в печке – картошка жареная, в сенцах молоко... Поешь на дорогу-то.

– Ладно, я с собой возьму. – Спирька, не зажигая огня, тихо снял со стены ружье, повозился для блезира в сенях.

Зашел в избу (ружье в сенях оставил). Стал на припечек, нашел впотьмах голову матери, погладил по жидким теплым волосам. Он, бывало, выпивши, ласкал мать; она не встревожилась.

– Выпивши... Как поедешь-то? – Мать с годами больше и больше любила Спирьку, жалела, стыдилась, что он никак не заведет семью – все не как у добрых людей! – ждала, может, какая-нибудь самостоятельная вдова или разведенка прильется к ихнему дому.

– Ничего, поеду.

– Ну, Христос с тобой. – Мать во тьме перекрестила его. – Потихе хоть ехай-то, а то гоните, как чумные.

– Все будет хорошо. – Спирька бодрился, а хотелось скорей уйти и как-нибудь забыть про мать: вот кого больно оставлять в этой жизни – мать.

Он шел темной улицей, крепко сжимал в руке тулку. Все хотелось отвязаться от мысли о матери. Не выживет она. Как поведут его, связанного, как увидит... Спирька прибавил шаг. «Господи, дай ей силы перенести», – молил. Он чуть не бежал. А под конец и побежал. И волновался, как вроде не убивать бежал, а в постель к Ирине Ивановне, в тепло и согласие. Она вставала в глазах, Ирина Ивановна, но как-то сразу и уходила. Губы ее, мягкие, полураскрытые, помнились, но насладиться воспоминанием мешал вкус крови во рту и... одеколониный холодок с гладких щек Сергея Юрьевича. Холодок этот запашистый почему-то вспоминался

сейчас. Спирька бежал и подпевал негромко для бодрости:

Неужели конь вороной
Перекусит удила?
Неужели моя милая...

Дом весь темный. «Так, так, так, – мысленно, скоро говорил сам с собой Спирька. – Берем лестницу... Ставим ее, в душеньку ее... Спокойно». Он благополучно проник в кладовку, прислушался – тихо. Только сердце наколачивает в ребра. «Спокойно, Спиря!» Шпагатинка тоже почти бесшумно лопнула, только гвоздик, спружинив, тоненько тенькнул. Спирька, выставив вперед свободную руку, неслышно прошел по сеням, легкими касаниями по стене нашарил дверь. «Так, так...» Склонился, подцепил пальцами низ двери, сколько мог, приподнял ее и дернул на себя.

Дверь открылась с тихим приятным вздохом: «п-ах». И дальше отошла беззвучно. Пахнуло старушечьим жильем, отсыревшим полушубком, теплой печкой, тестом... Вот тут его давеча волокли за шкуру. «Пронеси, господи, – чтоб старики не проснулись». Страшно стало: что-нибудь сейчас помешает! «Ах, как он меня бил! Как бил!.. Умеет».

Спирька сам удивлялся своей легкости, ловкости. Сам себя не слышал. Нашупал дверь горницы, тоже приподнял ее снизу... Дверь скрипнула. Спирька быстро, бережно прикрыл ее за собой... Он был в горнице! Во тьме горницы, слабо разбавленной светом уличной лампочки, скрипнула кровать. Спирька нашел на стене выключатель, щелкнул. На него, сидя в кровати, смотрел Сергей Юрьевич. Приподнялась Ирина Ивановна... Сперва уставилась на мужа, потом, от его взгляда, – на Спирьку с ружьем. Безмолвно открыла рот... Спирька понял, что Сергей Юрьевич не спал, – очень уж понимающе, неподвижно смотрел он своими темными глазами.

– Я предупреждал: я тебя уработаю, – сказал Спирька. Хотел оттянуть курок двустволки, но они были уже взведены. (Когда же взвел?)

– Помнишь? Я тебе говорил.

Спирьку не взволновало, что Ирина Ивановна сидит в нижней рубашке, что одна ленточка съехала с плеча, и грудка, матово-белая, крепенькая, не кормившая детей, вся видна до соска.

Супруги молчали. Смотрели на Спирьку.

– Вылазь из кровати, – велел Спирька.

– Спиридон... тебе же будет расстрел, неужели...

– Я знаю. Вылазь.

– Спиридон! Неужели...

– Вылазь!

Сергей Юрьевич спрыгнул с кровати – в трусах, майке.

Спирька вскинул ружье.

Сергей Юрьевич мертвенно побледнел...

И тут вдруг закричала Ирина Ивановна, да так ужасно, так громко, неистово, требовательно, так не похоже на

себя – такую маленькую, умненькую, с теплыми мягкими губами – так-то уж совсем нечеловечески горько, отчаянно. И свалилась с кровати, и поползла, протягивая руки...

– Не надо! О-о-о-й!! Не надо! О-о-о-й! – И хотела схватить за ружье – на коленях – хотела...

Тут Сергей Юрьевич прыгнул на Спирьку, широко расставив руки. И, получив удар прикладом в грудь, свалился.

– Родно-ой!.. Не надо! – выла маленькая женщина. Похоже, что она забыла имя Спирьки. – О-о-й!..

В избе, за дверью, всполошились старики, тоже заорали.

– Не надо!! – кричала женщина, и мотала головой, и все хотела обнять его ноги, и ползла, без трусов – рубашка сбилась ей на спину, она не замечала того – все хотела поймать ноги Спирьки.

Спирька растерялся, отпινывал женщину... И как-то ясно вдруг понял: если он сейчас выстрелит, то выстрел этот потом ни замолить, ни залить вином нельзя будет. Если бы она хоть не так выла!.. Сколько, однако, силы в ней!

– Мать вашу!.. – заругался Спирька.

Вышел из горницы и пошагал прочь от темного дома. Он как-то сразу вдруг очень устал. Вспомнилась мать, и он побежал, чтоб убежать от этой мысли – о матери. От всяких мыслей. Вспомнилась еще Ирина Ивановна, голенькая, и жалость и любовь к ней обожгли сердце. И легко на минуту стало – что не натворил беды. Господи, как ревела!.. А как бы потом убивалась над покойным мужем! И опять – мать... Вот кто вззоет-то! Спирька побежал скорее. Прибежал на кладбище, сел на землю. Темно было. Он приладил стволы к сердцу... Дотянулся до курков. Подумал: «Ну!.. Все?!» Пальцы нащупали две холодные тоненькие скобочки...

«Счас толканет», – опять подумал. И вдруг ясно увидел, как лежит он, с развороченной грудью, раскинув руки, глядя пустыми глазами в ясное утреннее небо... Взойдет солнце, и над ним, холодным, зажужжат синие мухи, толстые, жадные. Потом сбегутся всей деревней – смотреть. Кто-нибудь скажет: «Надо прикрыть, что ли». Как! Тьфу! Спирька содрогнулся. Сел. «Погоди-ка, милок, погоди. Пойди, погоди. Стой, фраер, не суетись! Я тебя спрашиваю: в чем дело? Господи! – отметилили. Тебя что, никогда не били? В чем же дело?»

– В чем дело? – спросил вслух Спирька. – А? – брезгливо, с опаской отстранил от себя стволы, перехватил ружье, осторожно спустил курки. Глубоко и радостно вздохнул. И заговорил громко, дурашливо, испытывая большое облегчение и радость:

– В чем дело, Спиря? А? А-я-я-я-й! Как же так? Побили мальчика? Побили... Больно, да? Хотел себе в лобик – пук!.. Ну и фраер! – Спирька даже засмеялся и схватился за губу: губы треснули от учителя рычага, стало больно, когда засмеялся. – Что ты? Что ты? Что ты? (Разбитый рот выговаривал: «Фто ты? Фто ты?»)

😬 Разве так можно? А-я-я-я-й! Нехорофо. Ну, побили... а ты сразу... стреляться. О-о!

Спирька лег спиной на прохладную землю, раскинул руки... Вот так он завтра лежал бы. Там, где сейчас стучит сердце, – Спирька приложил ладонь к груди, – здесь была бы рваная дыра от двух зарядов – больше шапки. Может, загорелся бы, и истлели бы пиджак и рубаха. Голый лежал бы... О курва, смотреть же противно!

Спирька сел, закурил, с наслаждением затянулся. Так торопился засадить в себя эти два заряда, что и покурить напоследок не догадался. Даже те, кого расстреливают, Спирька слышал, просят покурить последний раз. Вспомнилась маленькая девочка, племянница Спирьки: когда она чувствует, что отцу надоело уже возить ее на горбу, она смешно-просительно морщит мордочку и говорит: «Посений язык! Ну посений язычек!» Спирька засмеялся, вспомнив девочку. Опять лег, курил, смотрел на звезды; и показалось, что они

чуть звенят в дрожи – тонким-тонким звоном; и ему тоже захотелось тихо-тихо, по-щенячьи, поскулить...

Он зажмурился и почувствовал, как его плавно, мощно несет земля. Спирька вскочил. Надо что-то делать, надо что-нибудь сделать. «Что-нибудь я сейчас сделаю!» – решил он. Он подобрал ружье и скоро пошagal... сам не зная куда. Только прочь с кладбища, от этих крестов и молчания. Он стал вслух, незло материть покойников.

– Лежите?.. Ну и лежите! Лежите – такая ваша судьба. При чем тут я-то? Вы лежите, а я малость еще побегая по земле. Покружусь.

Теперь он хотел убежать от мысли о кладбище, о том, как он лежал там... Он хотел куда-нибудь прибежать, к кому-нибудь. Может, рассказать все... Может, посмеяться. Выпить бы! А где теперь? Как где? А Верка-буфетчица из чайной? Э-э, там же всегда есть! Там, кстати, можно и переночевать.

Спирька свернул в переулочек.

Вера сперва заворчала:

– Ни днем, ни ночью...

Спирька зажег спичку и осветил свое лицо.

– Ты глянь, меня же чуть было не убили, а ты канитель развела.

Вера испугалась. Спирька тихонько засмеялся, довольный.

– Да где эт тебя так?! – спросила Вера.

– В одном месте... Славно уделали?

– Господи, Спирька!.. Добьют тебя когда-нибудь. Где был-то?

– Не скажу. Секрет.

Прошли в Верину комнату. Вера задернула поплотней занавески, зажгла свет. Еще раз оглядела Спирьку... Потрогала теплой ладошкой, пахнущей кремом, зрячие ссадины на его лице.

– Ой! – притворно воскликнул Спирька. Опять засмеялся и стал ходить по комнате.

Славный это народ, одинокие женщины! Почему-то у них всегда уютно, хорошо. Можно размашисто походить, если не скрипит пол. Можно подумать... Можно, между делом, приласкать хозяйку, погладить по руке... Все кстати, все умно. Они вздрагивают с непривычки и смотрят ласково, пытливо. Милые. Добрые. Жалко их.

Вера нашла бутылку водки. Сходила даже в погребушку, принесла огурцов. Только вернулась испуганная...

– Там у тебя что, ружье, что ли? Я запнулась...

– Ружье. Пусть стоит.

– Зачем ружье-то?

– Да так.

– Спирька... ты чего это?

У Веры был хороший муж, хороший мужик, помер в сорок лет. Что приключилось, бог его знает. Рак, наверно.

– Спирька!..

– Аиньки?

– Ты что... воюешь, что ли, бегаешь?

– Воюю. Вот – ранили. – Спирька опять засмеялся. Что-то смешно ему было. Хорошо было.

– Вот чудной-то. Может, убил кого?

– Нет. После убью. Потом.

– Спирька, я боюсь. Может, ты натворил чего... Тогда и меня... как свидетельницу... Ну ты к дьяволу!

– Все в порядке, дурочка. Чего ты испугалась? Никого я не убил. Меня чуть не убили... А мне надо еще придумать, как убить.

– Пей и уходи, – рассердилась Вера. – Уходи, Спирька. Мне только этого еще не хватало.

Спирька посерьезнел.

– Успокойся. Неужели я похожий на такого – невиновных подводить. Что ты? Ты меня знаешь... Я бы никогда не пришел, если б... Брось.

– С ружьем по ночам носится...

Спирька выпил стакан, закусил огурцом. Вера не стала пить.

– Не хочу.

– Почему?

– Не хочу. Напугал ты меня с этим ружьем. Кто избил-то?

– Чужие какие-то. Перестань про это. Не надо. – Вспомнился учитель... Бледный, в трусах. Спирька передернул плечами, прогоняя неприятную, злую мысль. Радости поубавилось. – Ладно, ладно, ладно, – торопливо сказал он. – Не надо про это. – И еще налил полстакана, чтоб не успеть подумать еще про учительницу, чтоб не вспомнить ее. Но она вспомнилась – маленькая, полуголенькая, насмерть перепуганная... Все-таки вспомнилась.

Утром Спирька вскочил рано. Оставил ружье у Веры.

– Вечером зайду, возьму.

– А куда сам?

– На работу, куда. Это... не болтай про ружье-то.

– Ну, пошла всем рассказывать: был ночью Спирька с ружьем...

– Умница. Избили меня какие-то нездешние... На тракте. Я хотел догнать их с ружьем, не догнал.

Вера недоверчиво смотрела на Спирьку, впрочем, Спирька и не старался особенно-то казаться правдивым.

– Выпьешь?

– Нет. Будь здорова.

Спирька пошел к учителям. Шел кривыми переулками, по задворкам – чтоб меньше встретить людей. Все же двух-трех встретил. Встретил бригадира колхозного, Илью Китайцева. Илья ехидно, понимающе заулыбался и Спирька пошел к учителям. Шел кривыми переулками, по задворкам – чтоб меньше встретить людей. Все же двух-трех встретил. Встретил бригадира колхозного, Илью Китайцева. Илья ехидно, понимающе заулыбался издали.

– Ого! Ноченька была!

Спирька тоже широко улыбнулся, преодолевая боль, которая прокалывала иглами все лицо. Сказал:

– Была, Илюха! Была ноченька. Дай закурить.

– Чего эт?

– Так... Упал. – Стыд, позор... От стыда даже язык онемел, кончик. Тонкая Илюхина ухмылочка резала лезвием по сердцу. – Закурим, что ли?

– Закурим, закурим. Здорово упал-то... Высоко, наверно. Как же эт ты?

– Ну, Илюха... Бывает – падают. Я вот те счас залепеню, ты тоже упадешь. Что, нет, думаешь?

– Чего ты?

Илюха перестал улыбаться.

– А чего ты губы-то свои распустил? Сразу, курва, ехидничать! Не можешь без ехидства слова сказать. Дай дороги!

Нет, в деревне пока не жить. От одного позора на край света сбежишь. Будут вот так улыбаться губошлепы разные... Ах, учитель, учитель... Вот ведь как научился руками работать! Славно, славно. Хорошо бы тебя ногами к потолку подвесить... Нет, на твоих же глазах жену твою драгоценную... исцеловать, всю, до болячки, чтобы орала. Жестокие чувства гнали Спирьку вперед, точно кто в спину подталкивал. Он не замечал, что опять он торопится. Но он знал, что сейчас не бросится на учителя, нет. Это будет потом... спокойно. Страшно. Это потом.

Вспоминая позже этот утренний разговор с учителями, Спирька не испытывал удовлетворения.

Он явился, как если бы рваный черный человек из-за дерева с топором вышагнул... Стал на пороге. Учитель уже был одет, побрит... как раз с электрической бритвой он и стоял перед зеркалом. Она жужжала около его лица. Учительница, припухшая со сна и от вчерашнего крика, миленькая, беленькая, готовила завтрак. Она тоже замерла с тарелкой в руках.

– Одно предупреждение, – деловито заговорил Спирька. – Что у вас случилось – никому ни звука. Старикам сами накажите. Я на время исчезаю с горизонта, но, Сергей Юрьевич, я тебя, извини, все же уработаю.

– Как это... уработаю? – глупо переспросила Ирина Ивановна.

– Я получил аванс... я его должен отработать. – Не знал Спирька, когда это произойдет, но придет он сюда однажды – спокойный, красивый, нарядный – скажет: «Я пришел платить». И что уж это будет за ситуация такая и кто такой будет сам Спирька, только учитель растеряется, станет жалким. И станет просить: «Спиридон, я был глуп, я прошу прощения...» – «Ну, ну, – скажет Спирька вежливо, – не надо сразу в штаны класть. Тут же женщина... жена ваша, она должна уважать вас».

– Какой аванс? – все никак не могла понять Ирина Ивановна. – У кого взяли?

– Он мне будет мстить. Отомстит, – пояснил учитель. – Хорошо, Спиридон, я принял к сведению. – Учитель взял себя в руки. – Мы никому ничего не расскажем.

– Вот так... Будьте здоровы пока. – Спирька вышел.

«А куда это я исчезаю-то?» – подумал он. Даже остановился. Только теперь отчетливо дошло вдруг до сознания, что он, оказывается, решил уехать.

«А куда, куда?» Но оказалось, что он и это знает: в город Б-ск, что в полсотне километров отсюда. Когда он все это решил, он не знал, но в нем это уже жило. И только прирожденная осторожность требовала, чтобы решение еще раз проверилось.

Минуя дом, Спирька пошел в гараж. Там еще пережил веселые глаза шоферов. Злился в душе, нервничал. Взял путевку в рейс подальше и скоро уехал.

Дорогой немного успокоился. Стал думать. Хотел опять породить в своем воображении сладостную картину, какая озарила его, когда он разговаривал утром с учителем: придет он к нему – вежливый, нарядный... Но желанная картина что-то не возникала. Спирька в досаде хотел распалить себя, помочь; ну, ну – придет... «Здравствуйте!» Нет... Не выходит. Противно думать обо всем этом. Его вдруг поразило, и он даже отказался так понимать себя: не было настоящей, всепожирающей злобы на учителя. Все эти видения: учитель висит вниз головой или: учитель, бледный жалкий, ползает у него в ногах, – это так хотелось Спирьке, чтоб они, эти картины, стали желанными, сладостными. Тогда бы можно, наверно, и успокоиться, и когда-нибудь так и сделать: повесить учителя головой вниз. Ведь надо же желать чего-нибудь лютому врагу! Надо же хоть мысленно видеть его униженным, раздавленным. Надо! Но... Спирька даже заерзал на сиденье; он понял, что не находит в себе зла к учителю. Если бы он догадался подумать и про всю свою жизнь, он тоже понял бы, вспомнил бы, что вообще никогда никому не желал зла. Но он так не подумал, а отчаянно сопротивлялся, вызывал в душе злобу.

«Ну, фраер!.. тряпка, что ж ты? Тебя метелят, как тварь подзаборную, а ты... Ну! Ведь как били-то! Смеясь и играя... Возили. Топтали. Что же ты? Ведь над тобой же смеяться будут. И первый будет смеяться учитель. Что же ты? Ведь ни одна же баба к себе не допустит такую слякоть». Злости не было.

А как же теперь? На этот вопрос Спирька не знал, как ответить. И потом, в течение дня, он еще пытался понять: «Как теперь?» И не мог.

Вообще, собственная жизнь вдруг опостылела, показалась чудовищно лишенной смысла. И в этом Спирька все больше утверждался. Временами он даже испытывал к себе мерзость. Такого никогда не было с ним. В душе наступил покой, но какой-то мертвый покой, такой покой, когда заблудившийся человек до конца понимает, что он заблудился, и садится на пенек. Не кричит больше, не ищет тропинку, садится и сидит, и все.

Спирька так и сделал: свернул с дороги в лес, въехал на полянку, заглушил мотор, вылез, огляделся и сел на пенек.

«Вот где стреляться-то, – вдруг подумал он спокойно. – А то – на кладбище припорол. Здесь хоть красиво».

Красиво было, правда. Только Спирька специально не разглядывал эту красоту, а как-то сразу всю понял ее... И сидел. Склонился, сорвал травинку, закусил ее в зубах и стал слушать птиц. Маленькие хозяева лесные посвистывали, попискивали, чирикали где-то в кустах. Пара красавцев дятлов, жуково-черных, с белыми фартучками на груди, вылетела из чащи, облюбовала молодую сосенку, побегала по ней вверх-вниз, помелькала красными хохолками, постучала, ничего не нашла, снялась и низким летом опять скрылась в кустах.

«Тоже – парой летают», – подумал Спирька. Еще он подумал, что люди завидуют птицам... Говорят: «Как птаха небесная». Позавидуешь. Еще Спирька подумал, что, наверно, учитель выбросил те цветы, которые Спирька привез учительнице, наверно, они лежат под окном, завяли... Красивые такие цветочки, красные. Спирька усмехнулся. Пижон Спиря... Здесь тоже есть цветочки. Вон они: синенькие, беленькие, желтенькие... Вон саранка цветет, вон медуница... А вон пучка белые шапки подняла вверх. Спирька любил запах пучки. Встал, сорвал тугую горсть мелких белых цветочков, собранных в плотный, большой, как блюдце, круг. Сел опять на пенек, растер в ладонях цветки, погрузил лицо в ладони и стал жадно вдыхать прохладный, сыровато-терпкий, болотный запах небогатого, неяркого местного цветка. Закрыв ладонями лицо и так остался сидеть. Долго сидел неподвижно. Может, думал. Может, плакал...

...Спирьку нашли через три дня в лесу, на веселой полянке. Он лежал, уткнувшись лицом в землю, вцепившись руками в траву. Ружье лежало рядом. Никак не могли понять, как же он стрелял!? Попал в сердце, а лежал лицом вниз. Из-под себя как-то изловчился.

Привезли, схоронили.

Народу было много. Многие плакали.

NESIHAТ

Otuz ýaşly Grigoriý Dumnowy kolhoza başlyk saýladylar. Ýygnaк galmagally geçdi. Ilki-hä Grigorini ýaş diýip iкirjiñlediler, yzyndanam, hut şol ýaşlygy üçin ony öwüp arşa çykardylar welin, Grigoriniñ özüne-de, ony başlyk saýlamaga gelenlere-de ol öwgüli sözleri diñläp oturmak añsat düşmedi. Gepiñ keltesi, ony başlyk saýladylar.

Giç agşam Grigoriniñ öýüne onuñ doganoglany, şully, gartaşan, daýanykly Maksim Dumnow geldi. Ol birneme içgili bolany sebäpli, gapydan girenden goh baryny turzup girdi. Ol stoluñ başynda gyşarylyp oturdy-da:

— Wezipäni ýuwmak gerek, ýuwmak! — diýip talapedijilikli gepledi. — Nätdik? Öwmek kemiñi goýdukmy? Arşa çykarandyrys. Orun berdikmi, indi şol orunda-da mäkäm otur. — Dumnow inisiniñ ýüzüne seredende, ondanam, özündenem hoşdugy bildirdi. Ol ýumrugyny düwüp, ýokaryk göterdi. — Özüñ berk otur, ilem şeýdip tut, şeýdip. Düşündiñmi?

Grigoriý myhmanyñ gelmegine begenmedi. Ýöne ol ýuwmak diýen bolgusyz däbi berjaý etmek üçin kimdir biriniñ gapydan geljekdigini welin bilýärdi. Başlyklyk

diýilýän zadyň aňsat däldigini, aladasynyň uludygyny Grigoriý bilýärdi. Şonuň üçinem ol esli mahallap başlyklyga razy bolman geldi. Ýöne ol esasy zat däl. Esasy zat seni başlyk saýlamaklarynda, sen hakda öwgülden-öwgüli sözler aýtmaklarynda. Indem, başlyk jan, bar sabyr-takatyňy ýygnap, nähili ýaşamalysynyň, köpçülige nädip ýolbaşçylyk etmelisiniň sapagyny diňle.

Maksim köpçülige ýolbaşçylyk etmek meselesindenem başlady.

— Indi, Grigoriý, eliňden gelenini gaýgyрма. Diýjegiňi diý. Diýmän, sen kim? Sesiňi çykarma-da, meň aýtjaklamma gulak as.

Umuman Grigoriý gapydan geleniň aýdanlaryny baş atyp diňlemelidigine, bir bulgur-iki bulgur arak içip, ony hoş edip ugratmalydygyna düşüňýärdem welin, näme üçindir saklanyp bilmedi.

— Men näme üçin sögmelimişim? Näme üçin, onda-da ähli kişä sögmelimişim? Sögmek diýen pis düzgün galman geçjek-aýt. Näme üçin sögmelimişin?

Maksim inisiniň bolşuna düşünmedi.

— Nätdiň-aýt?! Şeýtmeseň nädip ýolbaşçylyk etjek?

— Söğünç bilen däl-de, kelläm bilen ýolbaşçylyk etjek — diýip Grigoriý öňküsindenem beter gyzdy. Sebäbi, Maksimiňki ýöne bir serhoş adamynyň samramasy däldi-de, ol öz aýdýanlaryna halys ýürekden ynanmakdanam başga, inisine gögele adama seredýän ýaly nazar bilen garaýardy.

— Kellesi bilen ýolbaşçylyk etmäge synanyşan başlyk kän bolupdy-da, ýolbaşçylyk edip bileni bolmandy.

— Diýmek, olaň kellesi bolan däldir.

— Bolupdy! Akyly adam diňe sen däldiň.

— Onda näme?

— Onda näme! Kelleden netije bolmady.

— Sebäbi näme?

— Sebäbi kelle diýilýän zadyň gapdalyndan agyzlylyk bilen erk gerek, erk.

— Agyzly başlyk nä az bolupmydy? Barymyz şol agyzlylykdan zeyrenip ýörmänmidik?

— Ýeri bolýa-da — diýip, Maksim ylalaşdy. Ol dawa baş goşup, inisiniň stolunyň üstüniň henizem gugaryp duranynda üns bermändi. — Bolýa. Ynha, aýdaly, sen öz kolhozçyňa «Pylan zady et» — diýýän welin, «Edesim gelenok» diýen jogap alýaň. Şonda sen oňa näme diýmeli?

— Işi şeýle guramaly... Ýagny ýaňky ýaly ýagdaýda şony diýen adamyny özi-özünden utanar ýaly etmeli.

Maksim Dumnow sadalyk bilen gülüp, agzynam açyp durdy.

— Hawa, hawa. Yzy näme onsoň?

— Utandyrmak sözi onçakly ýerine düşmedi — diýip, Grigoriý öz ýalňyşyny tapdy.
— Şoň «Işläsim gelenok» diýen sözi kisesi bilen baglanyşykly bolar ýaly etmeli.

— Hawa, hawa — diýip, Maksim baş atyp tassyklady-da, getirjek bolýan mysalyny ozaldan taýynlap goýan ýaly sakynman gepläp başlady. — Ine, biziň çopanymyz Klim Stebunowy alyp göreli. Iki aý sygyrlammyzy bakdy. Iki aýyň hakyny aldy-da «Işläsim gelenok» diýdi. Bolany şol. Ýogsam «kise» hakda gürrüň etjek bolsaň, sygyr çopanlyk nähili düşewüntli kär. Iki aý üçin bizden näçe kakyp alanyny bilýäňmi sen? Baş ýüz ýetmiş baş manat! Klim şonça puly başga nireden gazanyp biler? Hiç ýerden. Oňa garamazdan ol «Işläsim gelenok» — diýýär. Hany, kelläni işlet; indi biz nätmeli?

— Indi siz nädýäňiz?

— Häzirlikçe sygyrlara gezekleşip çopan bolýas. Özümüz. Kimiň gaty zerur işi bar bolsa, özüne derek adam tutýar. Ýöne beýdişibem-ä uzak gidip bolmaz.

— Klimka indi nirede?

— Keýp çekýä. Iň soňky gara köpüginе çenli aragyň syrtyndan geçirensoň, yzyna köwlenер... Biz ony ýene gujak açyp garşylamaly borus. Üstesine her kim ony oňatdan-oňat naharlajak bolubam azara galar. Wah, ýogsam ony, yzyna it salyp kowmaly ahyryn. Ana, saňa kise, gadyrdan Grişa. Sen ýene üç institutam gutarý, barybir Klimiň niresinden barmalydygyny öwrenmersiň. Üstesine, oň zähmet inwalididiginem ýadyňdan çykarmagyn.

Bu gürrüňlerden birneme sapak almalydygyna düşünen Grigoriý badyny gowşatdy.

— Hany, dur-la. Eger hojaýyn bolaýsaň, seň özüň näderdiň? Hojaýyn däl, neme...

— Düşünýän, düşünýän. Näderdim diýsene... Şol haramzadaň öýüne barardym. Öýündäkileňňem bary şondan gan aglaýar. «Elli gepden, belli gep, hormatly Klim, ýa-ha ertirden başlap çopançylygyňy edersiň, ýa-da ýigrimi dört sagadyň dowamynda gülberiňi arkaňa daňmaly bolarsyň» — diýerin. Wessalam.

— Nädip beýtjek? Özüňem-ä ony zähmet inwalidi diýýäň?

— Biz oň nädip inwalid bolanyna gaty belet. Öz sölüteligi sebäpli boldy.

— Nädip?

— Kùdeden çarşagyň üstüne bökdi. Bökeňde düşjek ýeriňe seresap bolmaly ahyryn. Ýöne, menem ony göçürmäge hakym bar diýmedim ahyryn. Seň ýeriňde bolsam nätjegimi soradyň, menem edäýjek hereketlerimi göz öňüne getirdim. Abaý-syýasat üçin ilki bada şeýtmeli-dä. Umuman çykalga tapjagym çyn-da. Uwnup-çydamasam, milisioner bilen dilleşäge-de, gozakly motora münüp işigine geljek. «Hany, mün, seni göçürmäge protokol ýazmaga gideli». Men Klime beletdirin. Şeýtseň, derrew balagyny doldurar. Ertir il turmanka «Sygryňzy goýberiň!» — diýip, gygyryp duran Klimiň bardyr-da. Şondan başga ýol bilen Klimi boýun edip bilmersiň. Ol adama gury söz bilen aýdyp, möhüm bitirtmersiň. Ykdysadyýetiň nämedigine olam düşünýär. Onsoňam oň öz ykdysadyýeti bar. Üç ýüz manat töweregini öýüne, maşgalasyna taşlar, iki ýüzünem öz kisesine urup, şol puluň näçe güne ýetjegini hasaplaýar. Iki hepde çemesi keýp çekip gezer, ýöne kisesinden köpük çykaryp, adam ogluna mürähet etjek gümany ýokdur.

Grigoriý oýa batdy. Hut ertiriň özünde çopanly meseläni çözmegiň wezipesi öňünde keserip durjagy hakdy. Dogrudanam, şol meseläni nähili çözmeli?

— Eýsem çopançylyga boýun eder ýaly adam tapylmazmy?

— Tap-da. Erkek adamlaryň ýaşraklary, daýanyklyragy mehanizasiýada işleýär, ýaş ýigidem çopançylyk etmegi özüne kiçilik biler. Bir oral aýaly tapyp goýaýmasaň. Her kimiň hojalygy, maşgalasy, aladasy bar. Men barsam barardym, ýöne indi, bu ýaşdan soň sygyrly zyzna düşüp, alaňdan-alaňa dyrmysyp ýörmegi eýgerjek däl. Ine, gördüňmi bolýan zady. Men saňa kiçijik bir mysal getirdimem welin, sen oýlanmaga mejbur bolduň. — Maksim şatlykly nazar bilen inisine seretdi-de, onuň egnine kakdy. — Gam çekme. Meň aýdanyma «hä» diý. Adamlar bilen berkräk dur. Adam diýilýän zat... Aý, hany bir gezek götereli-le, ýogsam meň bokurdagym gurady. Edil söz sözlän ýaly gepledin.

Grigoriý ony-muny getirmek üçin içki jaýdan aýalyny çagyryjak boldy. Emma Maksim ony saklady.

— Çagyрма. Goý ol çagajyklary ýatyrсын. Biz öz günümüzü göreris...

Grigoriý gerek zatlary tapyşdyrды, bulgurlara içgi guýdy, ýöne birbada içmän, çilim otlandylar.

— Aлым adama akyл öwretmäge geldi diýip, ilki birneme kesereniňi men seň gözünden görýän, Grişa. Men akyл öwretmäge däl-de, seni çyn ýürekden gutlaýyn diýip geldim. Elbetde, ony-muny maslahat bermänem durjak däldim... Her hal-da bolsa, men köpi-gören adam. — Maksim ullakan çal başyny egip dymdy. Grigoriý hem şol mahal agasynyň dogrudanam köpi gören adamdygy barada oýlandy. Ol iki urşa gatnaşan adam. Soňky uruşda bolsa, ýaralanyp ýesirem düşdi. Uruşdan soňam onuň neneňsi ýagdaýda ýesir düşendigini anyklamak üçin kân iş edindiler. Ol zatlar anyklanýança bolsa, Maksimiň stahanowçy bolup traktor sürýän keýwanysy özüniň halk duşmanynyň aýaly bolup ýaşamajagyny, şol adama sataşdyran güne-sagada nälet okaýandygyny jar edip, başga bir adama äre çykdy. Ol zatlaram çekip-çydaýmaga gaýrat gerekdi. Maksim çekdem, çydadam.

— Hawa, biziň işlemiz şeyleräk. Gowusy...

Olar içdiler, ony-muny iýdiler, ýene çilim otlandylar. Göterilen bulgurdan soň Maksim birneme dogumlandy. Ol ýene öňki gürrüňe dolanyp geldi.

— Biziň ähli ýalňyşymyz, Grişa, adamlammyzyň ortalık diýen zady bilmeýänliginden. Ine, men Germaniýada boldum... Bizi işe kowandyklary öz-özündenem belli zatdyr. Olaň özleriniňki, ýagny nemesler bilen bile işläň döwürlerimizem boldy. Men olary synlaýadym. Nähili netijä geldim diýsene? Nemese çagalygyndan durmuşyň ortasynda bolmagy öwredipdirler. Olaram içýärem, aýdynam aýdýa, ýöne serhoş bolup, ýykylyp ýatanyny görjek gümanyň ýokdur. İşlände-de biziň işleýşimiz ýaly uç-gyraksyz däldir. Pylançadan-pylança çenli işläň. Wagty bolar welin, sen ýarylyp ölýänem bolsaň, ol işlemez. Ýöne, işlände welin, işlemeli wagtyňy halal geçirýändir. Olaram öz bähbidinem bilýär. Ýöne, biziň Klim Stebunowymyz ýalylar welin, olarda ýok. Klim ýalylar olarda bolubam bilmez. Olar ýalyny nemesler masgara ederler. Asyl Klim ýalyň özem o ýerden ulukjyn alyp gaçar. Bizde nähili? Biriniň ezeneginden basylyp, başga birine ähli mümkinçiligem döredilenok. Hemme ýagdaý deňeçer. Oňa garamazdan, birimiz bar, dokuzy doly bolup ýaşaýas. Başga birimiz bolsak, şol dokuzy dolynyň zadyny hasaplap gün geçirýäs. Anha, Gena Baýkalowy alyp gör... Ýaş ýigit, eli-gözi sag, daýanykly. Edýän işi näme? Günaşadan çörekhana gatnap, slesarlık edýär. Men oňa «Gena, senem şu işiňi pişedir öýdüp ýörmüň?» — diýsem, «Iş däl-de başga näme ol?» — diýip jogap gaýtarýar... Günaşadan iki sany bolt towlap gaýdýar. Şolam iş-dä.

— Näçe aýlyk alýar?

— Arryk heleýiň gazanjyça-da ýok. Segsen baş manat. Sagymçylaram ondan üç esse kän alýalar. Genaň welin o zatlar piňine-de däl. Başga biri oň ýerinde bolanlygynda öýünde bir oňa-muňa güýmenip, telekejik ederdi. Gena öýünde-de ýatan çöpi galdyranok. Hudaý gün berse, çeňňegini derýa taşlap oturandyr. Hiç zada janynam ýakmaz... Indi taýagyň ikinji uýy — sen Mitşa Stebunowy-ha tanaýansyň? Klim bilen süýtdeş dogan özlerem. Ah, ine meň sözlemmi tassyklaýan mysal saňa. Iki dogan özlerem. Biri-hä emgenmän gün görjek bolýa, beýlekisi welin, gara zähmet üçin döräýen adam. Diňe gara zähmet üçin. Depesinden gum sowurýar. Ysgyndan gaçýança işleýär. Agşam öýüne dolanar welin, tot-tozandan ýaňa ýüzi nire, ýeňsesi nire, biler ýalam däldir. Harsydünýä bolup şeýdýändir öýdýänmi? Harsydünýä nire! İşjanly adam. Häsiýeti şeýle. Men oňa «Sen nä how, beýdip ýykylyançaň işläp ýörsüň?» — diýsem: «Men başga hili ýaşap bilemok» diýýär. İçmäge bolsa gorkýa. İçip başlasa, goýup bilmen öýdüp gorkýa...

— Başlasam goýup bilmen diýip göni aýdýamy?

— Göni aýdýa. «Içeniňe görä içmeli-dä — diýýä. — Bulgura agzyňy degrip, aýranyňdan, içmäniň gowy» — diýýä. Ol päk adam. Kalbynda ýok zady diline getirmez. Ine, gardaş, biz nähili adam. — Maksim dymdy, bulgura pitikledi, kellesini ýaýkady. — Umuman aýtsak, adamlar soňky wagtlarda azdylar. Tehnika!

Tehnika diýilýän zat ahyrsoňy bizi ýa-ha otura edip taşlar ýa-da kyrk ýaşa ýetmänkäk içimizi ýag tutduryp öldürer. Töwerege bir seredip gör, adamlar gündünden garyn salýalar. Adamlarda utanjam galmadyr, haýa-da. Erkek adamdyr welin, edil bogaz heleý barýan ýalydyr, «Üç ýyl bäri göremok, salam bir aýdaweri!» — diýer. Elbetde, üç ýyllap görmez. Sebäbi ol seni görmek üçin, seň bilen salamlaşmak üçin ýeke kilometrem pyýada geçmez. Ýa maşynyň üstündedir ýa-da motosikliň... Öňler nähilidi? Biz, seň kakaň pahyr bilen nädýädik? Uzynly gün-ä ot orarys. Agşamam obadaky gyzlar bilen görüşmek üçin gaýdyberýädik. Oba nirede? Oba on baş wýorstdenem uzakda. Münüp git diýip saňa at berýän ýokdur. Pyýada gellersiň. Daň saz beriberende, ýene orak ýeriňe gaýdarsyň...

— Siz nä wagt ukuňyzy alýadyňyz?

— Ukyny gündiz alýas. Jokrama yssyda orak orulanok ahyryn. Çatma gir-de, ur ukuny. Soň seni zordan oýararlar. Ýadyma düşýä, kakaň pahyr bir gezek şeýle bir gaty uklapdyr welin, oýarmak uly ile iş boldy. Etmedik zatlary galmady. Balagyny çykaryp, aýagyndanam süýrediler. Şonda-da ýatyr... Men oň dabanyňy gyjyklap zordan gözünü açdyrdym. — Maksim baş ýaýkady, güldi, ýüreginde yz galdyran şol ýyllary ýatlap oýlandy. Grigoriý hem oýlandy. Ol kakasyny oňat göz öňüne-de getirip bilmeýärdi. O bende urşuň yz ýanlary, ýarasy gozgap aradan çykypdy.

Aga-ini uzak wagtlap geplemän oturdylar.

— Hawa — diýip, ilki Grigoriý dillendi. — Tehnika hakda-ha sen ýalňyşýan bolaýmasaň. Bütün dünýä maşynyň üstündekä, biz otuz kilometr ýoly gije-de bolsa, pyýada geçmelimi? Bu gezek senem şol taýagyň beýleki ujundan ýapyşdyň. Öňki ortalyk diýýäniň manysy ýok hem däl. Ýöne...

— Ýönesi bolmaz oň. Hany bulgury doldur. Men saňa ýene bir sapak bolarlyk taryh ýatlap bereýin. Ukyň-a tutýan däl-dir seň?

— Gelenok, gelenok. Hany taryhyň bolsa aýt.

Maksim özüne tarap çeken bulguryna siňe-siňe seretdi-de, ony ýene yza süýşürdi.

— Soň içeyin. Ýogsam aýtjak zadymy deňli-derejeli edip aýdyp bilmen. Sen ýanyňa gelýäkämem şol taryhy aýdyp bererin diýip gelýädim. Belki, saňa peýdasy deger. Aý ol taryh bolup, taryham däl-de, biziň oglanlygymyzdan bir ýatlama-da. O ýatlama ýolbaşçy hakda bolany sebäpli, belki, saňa bir ýerde nepi deger. Ýolbaşçynyň nähili bolmalydygy hakda. — Maksim gülkülimi, şatlyklymy — birhili nazar bilen inisine garady. Ol garaýyş Grigorä welin gülýän ýaly bolup duýuldy. Maksim onuň başlyk saýlanmagyna göwni ýetmeýän şekillidi. Onuň kalbynda garşylyk görkezmek duýgusy oýandy, ýöne geňlemedi. Şu gün agşam ol öz agasyny ýañadandan tanan ýaly boldy. «Bu çal baş näçe wagtlap oýlandyka? — diýip, Grigoriý içini geplet-di. — Kän zat hakda oýlanypdyr. Esassyz işe ýapyşmandyr. Bilýän zatlarynam içinde saklapdyr. Barypýatan dawaçam-a däl-di bi. Köp zat bilýän bolara çemeli».

— O mahallar biz on baş, belkem, on dört ýaşlammyzdadyk — diýip, Maksim

gürrüňe başlady. — Köne döwürde obamyzam diýseň uludy. Mordwo, Nizowka, Dikari, Baklan aralygy biziň obamyzdy.

— O zatlar meňem ýadymda — diýip, Grigoriý hem söze goşuldy.

— Ýadyňdadyr, ýadyňdadyr. Ýadyňda bolmalam-da. Seň eýýäm otuz ýaşy arka atanyňy men hakydamdan çykaraýýan. Ana, onsoň. Ana, onsoň, biz oba-oba bolup urşardy. Aýylganç zatdy. Nämäň üstünde uruşýanymyzy, nämäni paýlaşyp bilmeýänimizi Alla bilsin. Şeýdip, entek biz döremänkägem urşar ekenler. Gaty aýylganç urşulardy. Ol zatlary welin, sen ýatlap bilmeli däl. Sebäbi, sowet döwründe oba arasyndaky uruş birneme kiplalady. Ozal welin, nähili edip uruşanlaryny dil bilen dagy aýdar ýalam däl. Bir-biregiň kellesini çeküw daşy bilen dagam ýaraýardy. Toý-şagalaň, baýramçylyk gabat geldigi, kimdir biri hökman ýaralanaýmalydyr. Biz Nizowkada ýaşaýardy. Nizowka bolsa, Mordwo bilen jetdi. Olar bizi ýençýärdiler, olar köplükdi. Üstesine-de olar, Alla kessin, şeýle bir daýawdylar welin... Bizem-ä ynjalık beremzokdyk. Biziň Mitka Kuksinimiz olara ýeň bermeýärdi, daýawdy, uruşgandy. Bolsa-da, köplenç olar bizi ýençýärdiler. Şol obaň gyzy bilenem tanşar ýaly däl. Tanyssaň, seňem hakyňy berýärdiler, gyzyňam, Ynha, birden, biziň obamyza bir oglanjyk göçüp geldi. Öz deň-duşumyz, ýöne girdeneje, pes boýluja. Sen yzyny üns bilen diňle, Grigoriý. — Maksim inisiniň gürrüňini çyny bilen diňläp ýaly barmagynam çommaltdy. — Esasy gep indi başlanýar. Ana, şol oglanjyk peýda boldy. Özlerem Çerniden, dagdanmy-nirdenmi geldiler. Ýöne rusdylar. Ol oglana Wanka diýýärdiler. Ejizje-de bolsa, eli örän gatydy. Bir ýelmände ýere ýazylyp ýatanyňy duýman galarsyň. Ýöne, gep oň elinde däl. Başga zatda. Soň-soňlaram men ol Wankany köp ýatlapdym. Adamyň jany ýalydy. Ol biziň hatarymyzda ýerleşdi. Bolsa-da, mordwolylar ony bir gezek ýenjen ekenler. Emma Wanka urlany hakda adam oglunyň ýanynda dil ýaraýsa nädersiň! Biz bilenem eýýäm dostlaşypdy ol. Bir gezek ol bize: «Siz näme mordwolylardan gaçýaňyz?» — diýdi. «Aý, gaçmaga endik edipdiris-de, gaçyp ýörüs-dä». — Maksim loh-lohlap gülüp goýberdi. — Indi gülkünç o zatlar... Ine, şol Wanka bizi gižželäp başlady. Özem oňarýadam. On baş ýaşly oglanlary oýnamak kynam dälär welin, bolsa-da.. Oňam ugruny tapmaly-da. Ýogsam, birinjiden-ä, biz öz mümkinçiligimizi Wankadan gowy bilýädik. Çünki biziň jetleşigimiz bir ýylyň — iki ýylyň gürrüňi däl. Biz mordwolylardan hakymyzy aljak bolup kän gezek synanyşyk edipdik, barybir netije bolmandy. Emma şol oglan bizi ynandyrmagy başardy. Ozalky ýenjilenlerimizi, ýenlenlerimizi derrew ýadymyzdan çykaryp, düşdük Wankaň yzyna. Fermanň önünde Oblepişnyý diýen adajyk bardy. Häzir o ýerde adada ýok, zadam. Ana, şol ada baryp düşdük. Suw çuňam däl, bolsa-da balagy çykarmalydy. Suwdan geçdik. Elimize-de daş, taýak, demir — hiç zat almasyz etdik. Şakyrdaşyp ugradyk. Häzir ýatlasaňam hezil bolýa. — Maksim başyny silkdi-de, bulgura elini ýetirdi. İçdi, ardynjyrazy, içki jaýda oglan-uşaklaryň ýatanyny ýatlabam ol çalajadan dowam etdi. — Herniçik dogumlysyrasagam olar bizi ýene yza serpikdirdiler. Nirä kowaladylar diýsene? Suwa. Başga gaçara ýer ýokdy-da. Gaçyp barýardy welin birden biziň Wankamyz «Jenaplar, nirä eňip barýaňyz?» — diýdi-de, mordwolylaryň üstüne atyldy... Baý-ba, oň bolşuny görmäge göz gerekdi. Köp-köp hezillikler gördüm, ýöne soň-soňlar olar ýaly gyzyklysyna gabat gelmedim. Menem ýumruklaşýadym welin, Wankadan gözümi aýyrmaýardym. Garşydaşlamyzyz biziň ýolbaşçymyzyň kimdigini bilip, diňe soň

üstüne hüjüme geçdiler. Wanka eňip barýarka, gabat geleni agdaryp, ýykyp... Özem «Ýara salmaň!» — diýip buýruk berýär. Edil şol ugurdan okuw gutaran ýaly-da. Bolýan waka-da obaň gapdalynda, adam baram ýygnandy. Adamlar üýşüp bize seredip durany piňimize-de däl. Ullakan bir söweş gidýän ýaly. Üst-başymyzdan hem suw sarkýar, hem gan akýar. Mordwolyaram ýan berer ýaly däl. Käte şolar ýaly ýagdaýda adamlar bizi taýaklap aralardylar. Şeýdip, biziň dogumlanmagymyza esasy sebäp bolan şol Wanka girdeneje. Umuman, biz şondan ozal ýumruğa giremizde, sesimizi çykarman uruşadyk. O gezek bolsa Wanka birini urmaga başlanda «Hä, garpyz ýalyjak kelle, düşdünmi ýumrugyň astyna?». «Hä, senjagazam gaty ýumruk iýesiň geldimi?» — diýip, goh baryny turuzýar. Ana, şol galmagalam, şol sözlerem bize güýç-kuwwat berdi, hem keýpimizi göterdi. Şeýdip, biz olary ýene ada çenli kowup eltdik. Şondan soň olar biziň üstümize baýar bolmaklaryny goýdular. Ana, bolýan zat şeýle, Grigoriý! Bir dogumly adam tapyldy-da, ähli zady täzedan gurady. Ana, şol Wanka-da tüýs baryp ýatan ýolbaşçydy. Hudaý beren ýolbaşçy.

— My-ha — diýip, ardynjyran Grigorä ol waka sapak alarlykly waka bolup duýulmady. Emma ol agasynyň keýpini bozmak islemedi. — Gyzykly zat! Täsin waka!

Maksimem öz gezeginde inisiniň ýüregine gaplajak bolan pendini doly berjaý edip bilmändigine düşündi. Ol dymdy.

— Seňem ýagdaýyňa düşüňän, Grigoriý. Ýaňky aýdan zatlarymyň saňa sapak bolmanyny bilýän. Ýöne, ýaňky Wanka ýaly ilden saýlanýan adamlaryň uruşda-da uly işler edenini gördüm. Urşuň agyr keşigini olar öz gerdelerinde çekdiler. Adamlara söz bilen däl-de, iş bilen sapak bermeli. Şeýtseň adamlar seň sözüňi ýykmažlar... Elbetde, ýaňky aýdan zatlam baryp ýatan sapak alarlykly waka-da däl. Ýöne, ras ýolbaşçy edip belledilermi, ýatladaýaýyn diýdim. — Maksim inisiniň gözüne dikanlap seretdi-de, düşnüksiz ýylgyrdy. — Zeleli ýo-ok, düşünersiň. Barýaka düşünersiň. Nämäň-nämedigini bilee-ersiň.

— Ýaňky Wankaň soňky ykbaly nähili boldy? — diýip, Grigoriý sorag berdi.

— Bilmedim. Şondan kän mahal geçmäňkä, olar ýene başga ýere göçdüler. Gep ol Wanka-da däl-le. Wanka ýalylar kän ahyryn. Dogrusy, şonda men oňa haýran galdym. Göwnümden turdy. Üstesine ol gaty ýygradam. Garybyrak ýaşaýardylar. Kä mahallar dagy iýmäge gara çöregem tapmaýardylar. Emma öýden getirip bir zat dagy hödürläýseň, alaýmazam. Gyzaryp hum ýaly bolar. Utanjaň-da. «Aý, nämä gerek?» diýer. Ana, men şolar ýalylygy gowy görýän... Göçüp gitdiler. Men welin ony henizem ýadymdan çykaramok.

— Seň aýdan wakaňa manysyz zat däl, Maksim.

— Ýok, ýok, manysyz däl — diýip, Maksim tassyklap baş atdy. Inisine gaty täsir eder diýip kalbynda saklap ýören wakasynyň çaklandyk netije bermänindenmi-nämemi Maksim keýpden gaçdy, hatda serhoşlugyndanam birneme açylaýdy. — Manysyz däl, Grişa, manysyz däl. Saňa tabşyrjak bir zadym bar: iň esasy — sen gorkaklyk etme. Seň batyrğaýdygyňy görse, il seni goldar, bolmasa...

— Diňe bir batyrlyk bilenem aljak galaň ýok bolaýmasa.

— Dogry — diýip, Maksim ýene baş atyp tassyklady. — Batyr adam ýalan-ha sözlänok-da. — Ol ýene inisiniň gözüne seretdi. — Batyr adam ýalan sözlemäge meýlem etmez. Düşünýäňmi? Kelläňem Hudaýyň bereninden üýtgetjek gümanyň ýok. Ýöne, seň kelläň boş däl. Dogry, senem käte... — Maksim birden elini silkdi-de, ökünç bilen ýüzüni çytdy. — Gatyрак gidäýýän öýdýän. Ýeri, bolýa-da. Köprük göräýenim ýaly. Bagyşla. Sizem ýatyň indi. — Maksim stoluň başyndan turup, içki jaýa tarap seretdi-de, pyşyrdap sorag berdi. — Aýalyň nädýä?

— Nämäni nädýä? — diýip, soraga düşünmedik Grigoriý gözlerini petrettdi.

— Şäherden oba geleniň üçin iňirdänokmy?

Grigoriý ýylgyrdy-da, esli garaşdyryp, çalajadan jogap berdi.

— Her hili ýagdaý bolýar.

Jogap gaty jüpüne düşmese-de, dogry jogapdy. Ol Maksime ýarady. Ol baş atdy-da, ýatanlary oýarmajak bolup, seresapja ädimläp gapa tarap ugrady. Bolsa-da, onuň ädimi sessiz ädilmedi. Ol diňe daşky jaýa çykandan soň arkaýyn aýak basdy... Eýwana baransoň bolsa, gaty-gaty üsgürindi-de:

— Göze dürtme garaňky eken-ow! — diýip, öz-özüne söz gatdy.

1969 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Наказ

Молодого Григория Думнова, тридцатилетнего, выбрали председателем колхоза. Собрание было шумным; сперва было заколебались — не молод ли? Но потом за эту же самую молодость так принялись хвалить Григория, что и самому ему, и тем, кто приехал рекомендовать его в председатели, стало даже неловко. Словом, выбрали.

Поздно вечером домой к Григорию пришел дядя его Максим Думнов, пожилой крупный человек с влажными веселыми глазами. Максим был слегка «на взводе», заявился шумно.

— Обмыва-ать! — потребовал Максим, тяжело привалившись боком к столу. — А-а?.. Как мы тебя — на руках подсадили! Сиди! Сиди крепко!.. — Он весело смотрел на племянника, гордый за него. И за себя почему-то. — Сам сиди крепко и других — вот так вот держи! — Максим сжал кулак, показал, как надо держать других. — Понял?

Григорий не обрадовался гостю, но понимал, что это неизбежно: кто-нибудь да явится, и надо соблюсти этот дурацкий обычай – обмыть новую должность. Должность как раз сулила жизнь нелегкую, хлопотную, Григорий не сразу и согласился на нее... Но это не суть важно, важно, что тебя – выбирали, выбрали, говорили про тебя всякие хорошие слова... Теперь изволь набраться терпения, благодарности – послушай, как надо жить и как руководить коллективом. Максим сразу с этого и начал – с коллектива.

– Ну Григорий, теперь крой всех. Понял? Я, мол, кто вам? Вот так: сядь, мол, и сиди. И слушай, что я тебе говорить буду.

Григорий понимал, что надо бы все это вытерпеть – покивать головой, выпить рюмку-другую и выпроводить довольного гостя. Но он почему-то вдруг возмутился.

– Почему кроить-то? – спросил он, не скрывая раздражения. – Что за чертова какая-то формула: «Крой всех!..» И ведь какая живучая! Крой – и все. Хоть плачь, но крой. Почему кроить-то?!

– А как же? – искренне не понял Максим. – Ты что? Как же ты руководить-то собрался?

– Головой! – Григорий больше и больше раздражался, тем более раздражался, что Максим не просто бубнил по пьяному делу, а проявил убежденность и при этом смотрел на Григория, как на молодого несмышлениша.

– Головой я руководить собрался, головой.

– Ну-у!.. Головой-то многие собирались, только не вышло.

– Значит, головы не хватало.

– Хватало! Не ты один такой умница, были и другие.

– Ну? И что?

– Ничего. Ничего не вышло, и все.

– Почему же?

– Потому что к голове... твердость нужна, характер.

– Да мало у нас их было, твердых-то?! От кого мы стонали-то, не от твердых?

– Ладно, – согласился Максим. Спор увлек его, он даже не обратил внимания, что на столе у племянника до сих пор пусто. – Ладно. Вот, допустим, ты ему сказал: «Сделай то-то и то-то». А он тебе на это: «Не хочу». Все. Что ты ему на это?

– Надо вести дело так, чтоб ему... не знаю – стыдно, что ли, стало.

Максим Думнов растянул в добродушной улыбке рот.

– Так... Дальше?

– Не стыдно, нет, – сказал Григорий, поняв, что это, верно что, не аргумент. – Надо, чтоб ему это невыгодно было экономически.

– Так, так, – покивал Максим. И, не задумываясь, словно он держал этот пример наготове, рассказал: – Вот у нас пастух, Климка Стебунов, пропас наших коров два месяца, собрал деньги и послал нас всех... «Не хочу!» И все. А ведь ему экономически вон как выгодно! Знаешь, сколько он за два месяца слупил с нас? Пятьсот

семьдесят пять рублей! Где он такие деньги заработает? Нигде. А он все равно не хочет. Ну-ка, раскнь головой: как нам теперь быть?

– Ну, и как вы?

– Пасем пока по очереди... Кому позарез некогда, тот нанимает за себя. Но так ведь дальше-то тоже нельзя.

– А где этот Климка?

– Гуляет, где! Пропьет все до копейки, опять придет... И мы опять его, как доброго, примем. Да еще каждый будет стараться, как накормить его получше. А его, по-хорошему-то, гнать бы надо в три шеи. Вот тебе и экономика, милый Гриша. Окончи ты еще три института, а как быть с Климкой, все равно не будешь знать. Тем более что он – трудовой инвалид.

Григорий поубавил наступательный разгон, решил, что, пожалуй, стоит поговорить повнимательней.

– Погоди. Ну, а как бы ты поступил, будь ты хозяин... то есть не хозяин, а...

– Понимаю, понимаю. Как? Пришел бы к нему домой, к подлецу... От него дома-то все плачут! «Вот что, милый друг, двадцать четыре часа тебе: или выходи коров пасти, или выселяем тебя из деревни». Все.

– Как же ты так? Сам же говоришь, он инвалид...

– Нам известно, как он инвалидом сделался: по своей халатности...

– А как?

– На вилы со стога прыгнул. Надо смотреть, куда прыгаешь. Но я ведь тебе не говорю, что я имею право его выселить. Ты спросил, как бы я действовал на твоём месте, я и прикидываю. Перво-наперво я бы его напугал насмерть. Нашел бы способ! Подговорил бы милиционера, подъехали бы к нему на коляске: «Садись, поедем протокол составлять об твоём выселении». Я же знаю Климку: сразу в штаны наложит. Завтра же до света помчится со своей дудкой коров собирать. Ничем больше Климку не взять. Проси ты его, не проси – бесполезно. Экономике эту он тоже... у него своя экономика: он рублей триста домой отдал, семье, а двести с лишним себе оставил и прикинул, на сколько ему хватит. Недели на две хватит: он хоть и гуляет, а угостить из своего кармана шиш кого угостит.

Григорий задумался. Ведь и правда, завтра же перед ним станет вопрос: как быть со стадом колхозников? А как быть?

– Так что, неужели никого больше нельзя заинтересовать?

– А кого?! – воскликнул Максим. – Мужики помоложе да покрепче, они все у дела – все почти механизаторы, совсем молодой – тот посовестится пастухом, бабу какую-нибудь?.. У каждой семья, тоже не может. Вот и беда-то – некому больше. Я бы пошел, но староват уже гоняться-то там за имья по косогорам. Вот видишь, я тебе один маленький пример привел, и ты уже задумался. – Максим весело посмотрел на племянша, дотянулся к нему, хлопнул по плечу. – Не журись! Однако прислушайся к моему совету: будь покруче с людьми. Люди, они ведь... Эх-х! Давай-ка по рюмочке пропустим, а то у меня аж в горле высохло: целую речь тут тебе закатил.

Григорий хотел позвать жену из горницы, чтоб она собрала чего-нибудь на стол, но Максим остановил:

– Не надо, пусть она там ребятишек укладывает. Мы сами тут чего-нибудь...

Григорий достал что надо, они налили по рюмочке, но пить не стали пока, закурили.

– Я ведь по глазам вижу, Гриша: сперва окрысился на меня – пришел, дескать, ученого учить! А я просто радый за тебя, пришел от души поздравить. Ну, и посоветовать... Я как-никак жизнь доживаю, всякого повидал. – Максим склонил массивную седую голову, помолчал... И Григорий подумал в эту минуту, что дядя его правда повидал всякого: две войны отломал, на последней был ранен, попал в плен. Потом, после войны, долго выясняли, при каких обстоятельствах он попал в плен... А пока это выясняли, жена его, трактористка-стахановка, заявила тут, что отныне она не считает себя женой предателя, и всенародно прокляла тот день и час, в какой судьба свела их. И вышла за другого фронтовика. Все это надо было вынести, и Максим вынес. – Да, – сказал Максим, – вот такие наши дела. Давай-ка...

Они выпили, закусили, снова закурили. Максиму стало легче, он вернулся к разговору.

– Вся беда наша, Григорий, что мужик наш середки в жизни не знает. Вот я был в Германии... Само собой, гоняли нас на работу, а работать приходилось с ихними же рядом, с немцами. Я к ним и пригляделся. Тут... хошь не хошь, а приглядишься. И вот я какой вывод для себя сделал: немца, его как с малолетства на середку нацелили, так он живет всю жизнь – посередке. Ни он тебе не напьется, хотя и выпьет, и песню даже затянут... Но до края он никогда не дойдет. Нет. И работать по-нашенски – чертомелить – он тоже не будет: с такого-то часа и до такого-то, все. Дальше, хоть ты лопни, не заставишь его работать. Но свои часы отведет аккуратно – честь по чести, – они работать умеют, и свою выгоду... экономику, как ты говоришь, он в голове держит. Но и вот таких, как Климка Стебунов, там тоже нету. Их там и быть не может. Его там засмеют, такого, он сам не выдержит. Да он там и не уродится такой, вот штука. А у нас ведь как: живут рядом, никаких условий особых нету ни для одного, ни для другого, все одинаково. Но один, смотришь, живет, все у него есть, все припасено... Другой только косится на этого, на справно-го-то, да подсчитывает, сколько у него чего. Наспроты меня Геночка вон живет Байкалов... Молодой мужик, здоровый – ходит через день в пекарню, слесарит там чего-то. И вся работа. Я ему: «Генк, да неужель ты это работой считаешь?» – «А что же это такое?» – «Это, мол, у нас раньше называлось: смолить да к стенке становить». Вот так работа, елкина мать! Сходит, семь болтов подвернет, а на другой день и вовсе не идет: и эта-то, такая-то работа, – через день! Во как!

– Сколько же он получает? – поинтересовался Григорий.

– Восемьдесят пять рублей. Хуже бабы худой. Доярки вон в три раза больше получают. А Генке – как с гуся вода: не совестно, ничего. Ну, ладно, другой бы, раз такое дело, по дому бы чего-то делал. Дак он и дома ни хрена не делает! День-деньской на реке пропадает – рыбачит. И ничего ему не надо, ни об чем душа не болит... Даже завидки берут, ей-богу. Теперь – другой край: ты Митьшу-то Стебунова знаешь ведь? – Максим сам вдруг подивился совпадению: – Они как раз родня с Климкой-то Стебуновым, они же братья сродные! Хэх... Вот тебе и пример к моим словам: один всю жизнь груши околачивает, другой... на другого я без уважения глядеть не могу, аж слеза прошибет иной раз: до того работает, сердешный, до того вкалывает, что приедет с пашни – ни глаз, ни рожи не видать, весь черный. И думаешь, из-за жадности? Нет – такой характер. Я его спрашивал: «Чего уж так хлещется-то, Митьша?» – «А, – говорит, – больше не знаю, что делать. Не знаю, куда девать себя». Пить опасается: начнешь пить, не остановишься...

– Что, так и говорит: начну, значит, не остановлюсь?

– Так и говорит. «Если уж, – говорит, – пить, так пить, а так даже и затеваться неохота. Лучше уж вовсе не пить, чем по губам-то мазать». Он справедливый мужик, зря говорить не станет. Вот ведь мы какие... заковыристые. – Максим помолчал, поиграл ногтями об рюмочку... Качнул головой: – Но все же это только последнее время так народ избаловался. Техника!.. Она доведет нас, что мы – или рахитами все сделаемся, или от ожирения сердца будем помирать лет в сорок. Ты гляди только, какие мужики-то пошли жирные! Стыд и срам глядеть. Иде-ет, как баба брюхатая. «Передай привет, три года не вижу». Ведь он тебе сейчас километра пешком не пройдет – на машине, на мотоцикле. А как бывало... Мы вот с отцом твоим, покойником, как? День косишь, а вечером в деревню охота – с девками поиграть. А покосы-то вон где были! – за вторым перешейком,

добрых пятнадцать верст. А коня-то кто тебе даст? Кони пасутся. Вот как откосимся, повечеряем – и в деревню. В деревне чуть не до свету прохороводишься – и опять на покос. Придешь, бывало, а там уж поднялись – косить налаживаются. И опять на полдня...

– Когда же вы спали-то?

– А днем. В пекло-то в самое не косили же. Залезешь в шалаш – и умер. Насилу добудются потом. Помню, Ванька... Иван, отец твой, один раз таким убойным сном заснул, что не могут никак разбудить. Чего только с им ни делали!.. Штаны сняли, по поляне катали – спит, и все. Тятя разозлился. «Счас, – говорит, – бич возьму да бичом скорей добужусь!» Я уж щекотать его начал, ну кое-как продрал глаза. А то никак! – Максим посмеялся, покачал головой, задумался: вспомнил то далекое-далекое, милое сердцу время. И Григорий тоже задумался: он плохо помнил отца, тот вскоре после войны умер от ран, Григорий хранил о нем светлую память. Долго молчали.

– Да, – сказал Григорий. – Но с техникой – это ты зря. Что же, весь свет будет на машинах, а мы... в ночь по тридцать верст пешака давать? Тут ты тоже... в крайность ударился. Но про середку – это, пожалуй, не лишено смысла. А?

– Не лишено, нет. Налей-ка, да я тебе еще одну поучительную историю расскажу. Ты ничего, спать не хошь?

– Нет, нет! Давай историю.

Максим пододвинул к себе рюмку, задумчиво посмотрел на нее и отодвинул.

– Потом выпью, а то худо расскажу. Я ведь шел к тебе, эту историю держал в голове, расскажу, думаю, Гришке – сгодится. Это даже не история, а так – из детства тоже из нашего. Но она тебе может сгодиться – она тоже... как сказать, про руководителя: каким надо быть руководителем-то. Максим посмотрел на племянника не то весело, не то насмешливо... Григорию показалось – насмешливо. Дядя вроде подсмеивался над его избранием в руководители. У Григория даже шевельнулось в душе протестующее чувство, но он смолчал. В этот вечер он как-то по-новому узнал дядю. «Сколько же, оказывается, передумала эта голова! – изумлялся он, взглядывая на Максима. – Ничего не принял мужик на голую веру, обо всем думал, с чем не согласен был, про то молчал. Да и не спорщик он, не хвастал умом, но правду, похоже, всегда знал».

– Было нам... лет по пятнадцать, может, поменьше, – стал рассказывать Максим. – Деревня наша, не деревня – село, в старину было большое, края были: Мордва, Низовка, Дикари, Баклань...

– Это я еще помню, – подсказал Григорий.

– А, ну да, – согласился Максим. – Я все забываю, что тебе уж тоже за тридцать, должен помнить. Ну, вот. И вот дрались мы – край на край – страшное дело. Чего делили, черт его в душу знает. До нас так было, ну и мы... Дрались несусветно. Это уж ты не помнишь, при советской власти это утихать стало. А тогда просто... это... страшное дело что творилось. Головы друг другу гирьками проламывали. Как какой праздник, так, глядишь, кого-нибудь изувечили. Ну а жили-то мы в Низовке, а Низовка враждовала с Мордвой, и мордовские нас били: больше их было, что ли, потом они все какие-то... черт их знает – какие-то были здоровые. Спуска мы тоже не давали... У нас один Митька Куксин, тот черту рога выломит – до того верткий был парень. Но все же ордой они нас одолевали. Бывало, деву в Мордве лучше не заводи: и девке попадет, и тебе ребра пересчитают. И вот приехал к нам один парнишечка, наш годок, а ростиком куда меньше, замухрышка, можно сказать. Теперь вот слушай внимательно! – Максим даже и пальцем покачал в знак того, чтоб племяш слушал внимательно. – Тут самое главное. Приехал этот мальчишечка... Приехали они откуда-то из Черни, с гор, но – русские. Парнишечку того звали Ванькой. Такой – шшербатенький, невысокого росточка, как я сказал, но – подсадый, рука такая... вроде не страшная, а махнет – с ног полетишь. Но дело не в руке, Гриша. Я потом много раз споминал этого Ваньку, перед глазами он у меня стоял: душа была стойкая. Ах, стойкая была душа!

Поселились они в нашем краю, в Низовке, ну, мордовские его один раз где-то прищучили: побили. Ладно, побили и побили. Он даже и не сказал никому про это. А с нами уже подружился. И один раз и говорит: «Что эт вы от мордовских-то бегаετε?» – «Да оно ведь как, мол? – привыкли и бегаем». – Максим без горечи негромко посмеялся. – Счас смешно... Да. Ну, давай он нам беса подпускать: разжигать начал. Да ведь говорить умел, окаанный! Разжег! Оно, конечно, пятнадцатилетних раззудить на драку – это, может, и нехитрое дело, но... все же. Тут мно-ого разных тонкостей! Во-первых, мы же лучше его знали, какие наши ресурсы, так сказать, потом – это не первый год у нас тянулось, мы не раз и не два пробовали дать мордовским, но никогда не получалось. И вот все же сумел он нас обработать, позабыли мы про все свои поражения и пошли. Да так, знаешь, весело пошли! Сошлись мы с имя на острове... спроть фермы островок был, Облепишный звали. Счас там никакого острова нет, а тогда островок был. Мелко, правда, но штаны надо снимать – перебродить-то. Перебрели мы туда... Договорились, что ничего в руках не будет: ни камней, ни гирек, ничего. И пошли хлестаться. Ох, и полосовались же! Аж спомнить – и то весело. Аж счас руками задвигал, ей-богу! – Максим потрянул головой, выпил из рюмки, негромко кхэкнул – помнил, что в горнице улеглись ко сну дети Григория и жена. И продолжал тоже негромко, с тихим азартом: – Как мы ни пластались, а опять они нас погнали. А погнали куда? К воде. Больше некуда. Мы и сыпанули через протоку... Те за нами. И тут, слышим, наш шшербатенький Ванька ка-ак заорет: «Стой, в господа, в душу!.. Куда?!» Глядим, кинулся один на мордовских... Ну, это, я тебе скажу, видеть надо было. Много я потом всякого повидал, но такого больше не приходилось. Я и драться дрался, а глаз с Ваньки не спускал. Ведь не то что напролом человек пер, как пьяные, бывает, он стерегся. Мордовские смекнули, кто у нас гвоздь-то заглавный, и давай на него. Ванька на ходу прямо подставил одного, другого вокруг себя – с боков, со спины – не допускайте, говорит, чтоб сшибли, а то развалимся. Как, скажи, он училище какое кончал по этому делу! Ну, полоскаемся!.. А в протоке уж дело-то происходит, на виду у всей деревни. Народ на берег сбежался – глядят. А нам уж ни до чего нет дела – целое сражение идет. С нас и вода и кровь текет. Мордовские тоже уперлись, тоже не гнутся. И у нас – откуда сила взялась! Прямо насмерть схватились! Не знаю, чем бы это дело закончилось, может, мужики разогнали бы нас кольями, так бывало. Переломил это наше равновесие все тот же Ванька шшербатый. То мы дрались молчком, а тут он начал приговаривать. Достанет какого и приговаривает: «Ах, ты, головушка моя бедная! Арбуз какой-то, не голова». Опять достанет: «Ах, ты, милашечка ты мой, а хлебни-ка водицы!» Нам и смех, и силы вроде прибавляет. Загнали мы их опять на остров... И все, с этих пор они над нами больше не тешились. Вот какая штука, Григорий! Один завелся – и готово дело, все перестроил. Вот это был – руководитель. Врожденный.

– М-да, – молвил Григорий; история эта не показалась ему поучительной. Ни поучительной, ни значительной. Но он не стал огорчать дядю. – Интересно.

Максим уловил, однако, что не донес до племянника, что хотел донести. Помолчал.

– Видишь, Григорий... Я понимаю, тебе эта история не является наукой... Но, знаешь, я и на войне заметил: вот такие вот, как тот Ванька, мно-ого нам дела сделали. Они всю войну на себе держали, правда. Перед теми, кто только на словах-то, перед имя же не совестно, а перед таким вот стыдно. Этот-то, он ведь все видит. Ты ему не словами, делом доказывай... Делом доказывай, тогда он тебе душу свою отдаст. Конечно, история... не ах какая, но, думаю, выбрали тебя в руководители, дай, думаю, расскажу, как я, к примеру, это дело понимаю. А? – Максим посмотрел прямо в глаза племяннику, непонятно и значительно как-то усмехнулся. – Ничего, поймешь, что к чему. Пойме-ошь.

– Что потом с этим Ванькой стало? – спросил Григорий.

– А не знаю. Уехали они опять куда-то. Вскорости и уехали. Да разве дело в том Ваньке! Их таких много. Хотя я тогда прямо полюбил того Ваньку, честное слово. Прямо обожал его. А он еще и... это... не нахальный был. Жили они бедновато, иной раз и пожрать нечего было. Я не знаю... чего-то мотались по свету... Так вот, принесешь ему пирог какой-нибудь, он аж покраснеет. «Брось, – говорит, – зачем?» Застесняется. Я люблю таких... Уехали потом куда-то. А я вот его всю жизнь помню, вот же как.

– История твоя не лишена, конечно, смысла, – сказал Григорий.

– Не лишена, нет. – Максим кивнул головой согласно. Но оттого, что история его не вышла такой разительной и глубокой, какой жила в его душе, он скис, как-то даже отрезвел и погрузнел. – Не лишена, Гриша, не лишена. На словах я тебе могу только одно сказать: не трусь. Как увидят, что не трусишь, так станут люди поддерживать...

– Ну, одной смелости тут тоже, наверно, мало.

– Мало. – Максим опять кивнул. Подумал. – Но смелый хоть не врет. – Максим снова посмотрел в глаза Григорию. – Не додумается врать, смелый-то. Чуешь? А голова... что же, какая есть. Какую бог дал. Голова у тебя неплохая. Но... бывает... – Максим вдруг махнул рукой, досадливо поморщился. – Заговорился я чего-то. Ладно. Лишка, видно, хватил, правда. Не обессудь, Гриша. Спите. – Максим встал из-за стола, посмотрел на дверь горницы... И спросил шепотом: – Как жена-то?

– Что? – не понял Григорий.

– Не ворчит, что в деревню увез из города?

Григорий улыбнулся... Не сразу сказал, и сказал тоже тихо:

– Всякое бывает.

Это Максиму понравилось: ответ правдивый, не бравый и не жалостливый. Он кивнул на прощание и пошел к двери, стараясь ступать нетяжело, но все равно вышло грузно и шумно. Максим поскорей уж дошел последние шаги, толкнул дверь и вышел в сени. И там только ступил всей ногой... И на крыльце громко прокашлялся и сказал сам себе:

– Эка темень-то! В глаз коли...

RESTORANDA BOLAN WAKA

N. şäheriniň ullakan restoranynda tibitje geýnen, takyr kelleli, ümsüm hem kiçijik goja otyrды. Ol penjireden daşaryk seredip, nahara garaşýardy.

Onuň ýeňsesinden peýda bolan güňleç ses:

— Ýanyňyz boşmy, atam? — diýip sorady.

Goja tisingindi, başyny galdyrdy.

— Boş. Oturyň, oturyň!

Giň kowerkot kostýumynyň gara ilikleri ýalpyldap duran çakdanaşa daýaw ýaş ýigit aşak oturdy. Garryja adam ýaş ýigidiň ynanjaň hem ýakymly gözlerine

dikanlap seretdi.

— Ýeri, atam, ýelmärismi? — diýip, daýaw ýigit sorag berdi.

Ýaşuly ýakymly ýylgyrdy.

— Men içemok-da.

— O nä beýle?

— Gojalyk... Meň günüm agşama golaýlady, oglum.

Gelip ýeten hyzmatçy aýalam daýaw ýaş ýigide seretdi.

— Bir çüýşe arak, iýer ýalam odur-budur beriň! — diýip, daýaw ýigit islegini beýan etdi. — Çişlik barmy?

— Aragy ýüz gramdan artyk beremzok.

Ýaş ýigit düşünmedi.

— O diýdigiňiz näme bolýar?

— Ýüz gramdan artyk bermäge hakymyz ýok.

— O nä düzgün?

— Düzgün şeýle-dä.

— Ýüz gramyň maňa ýokam bolmasa nätjek?

Ýaş ýigide garan goja gülmän saklanyp bilmedi.

— Bilýäňizmi näme? — diýip, ol hyzmatçy aýala ýüzlendi. — Meňem ýüz gram içmäge hakym barmy? Meň paýymam goşup, ýigide iki ýüz gram getirin.

— Hakymyz ýok. Çişlik... Ýene näme?

Daýaw ýaş ýigit naýynjar nazar bilen gojanyň ýüzüne seretdi.

— Bu näme boldugy? Ýa bi biz bilen oýun edýämikä?

Goja asylly görnüşe geçip, hyzmatçy aýala ýüzlendi.

— Üýtgedilmeýän kanunyň bolmaýandygyny siz bilýänsiňiz ahryn... Muň göwresini göreňzokmy? Ýüz gramyň muň üçin...

— Hakymyz ýok – diýýän-ä, — diýen hyzmatçy aýal uly höwes bilen ýene ýaş ýigide syn etdi. — Ýene näme gerek?

Ýaş ýigit hyzmatçy aýalyň garaýşyndan özüçe many çykardy.

— Bolmanda üç ýüz gramm... — diýip, ol näz edýän ýaly görnüşde mähnet eginlerini hereketlendirdi.

— Bolanok. Ýene näme?

Ýaş ýigit gaharlandy.

— Ýüz çüýşe limonad getir! —

Hyzmatçy aýal bloknotyny ýapdy-da:

— Gerek bolsam, soň çagyarsyňyz — diýip, stoldan daşlaşdy.

— Ýüz gramdanam içgi bormy! — diýip, daýaw ýigit hyzmatçy aýalyň yzyndan seredip galdy.

— Býurokratlyk diňe bir edaralary gemrenok — diýip, goja nebsagyryjylyk bilen söz atdy. Ol kiçijik, akja barmagy bilen stola pitikledi. — Ine, şu ýerde

býurokratlyk hasam gödek ýagdaýda ýüze çykýar. Ketde ýolbaşçyňa biri sizi kabul etmese, oň öz sebäbi bolup biler. Belkem, wagty ýokdur...

— Näme etmeli? — diýip, ýaş ýigit gözünü süzdi.

— Konýak alaýyň. Ony näçe getirdesiň gelse getirdibermeli.

— Dogrudanam şeýlemi?

— Hawa, hawa.

Ýaş ýigit hyzmatçy aýala tarap ümledi. Ol golaýa geldi.

— Men öňki aýdanymy gaýdyp alýan. Bir çüýşe konýak bilen iki sany...Atam, çişlik iýjekmi?

Goja başyny ýaýkady.

— Men iýjek zadymy eýýäm sargadym.

— Onda bir konýak bilen iki çişlik, iki sany salat, onsoňam tabakadaky towuk..

— Ýöne tabaka — diýip, hyzmatçy aýal düzediş berdi.

— Bilýän. Ýöne degşen bolýan.

— Başga näme?

— Başga zat gerek däl.

Hyzmatçy aýal gitdi.

Daýaw ýigit baş ýaýkady.

— Dogrudanam býurokratlyk bolýar. Ýogsam konýak arakdan güýçli ahyryn. Ýa

olar konýagyň güýçlüdigini bilmeýärlermikä?

— Konýak arakdan gymmat-da. Ähli gep şonda — diýip, goja düşündiriş berdi. — Görýän welin, siz başga ýerden gelen öýdýän?

— Hawa, men başga ýerli. Zapçast almaga geldim. Işimi şu gün bitirdim. Onsoň, nä, içmeli-dä.

— Sibirlimi?

— Uraldan.

— Uralla menzeýäňem. — Goja ýylgyrды. — Bir mahallar Sibirde-de bolupdyk. Kän o zat...

— Niresinde bolupdyň?

— Wladiwostokda.

— Hä-ä. Heniz ol ýerlere ýolum düşenok.

Şol mahal saz ýaňlanyp başlady. Ýaş ýigit orkestrde saz çalyanlary synlady. Bedeni ýalpyldawuk parça bilen örtülen ýaş gyz mikrofonyň ýanyna geldi-de, zala tarap ýylgyryp seretdi. Ony gören ýaş ýigit beýlesine aýlandy-da oturyberdi. Beýle gyzlary ol halamaýardy. Gyz şeýlebir mylaýym hem pessaý ses bilen aýdyma başlady welin, ýaş ýigit ýene öňki durkuna aýlanyp oturmaga mejbur boldy. Aýdymçy gyz «heniz gabat gelmedik oňat ýigit» hakda aýdýardy. Özem aýtman, ýöne gürrüň berýän ýaly süýkdürýärdem welin, aýdym bolup barýardy. Ol sazyň ýatymyna görä sagrýsyny hem hereketlendirýärdi. Daýaw ýaş ýigit ol gyza höwes bilen seredip oturdy...

Aýdymçy gyz ýaş ýigide gitdigiçe gowy ýarap başlady. Ol gojanyň ýüzüne seretdi. Goja arkasyny orkestre tarap öwürüp, kellesini iki eliniň aýasy bilen tutup, öçügsi nazaryny stola dikip otyrды. Onuň agzy çalarak açykды, aşaky dodagy sallanyp durды.

— Geldi — diýip, ýaş ýigidiň nazaryndan soň goja dillendi. Aýdymyň özüne gaty güýçli täsir edýändigini ýuwmarmajak bolýan ýaly gülümjiredi.

Aýdymçy gyz bolsa, ýylgyryp, hezil bermesini dowam edýärdi. Umuman, ol gyz hem owadandy, hem batyrgaýdy.

Ýaş ýigit hem mähnet kellesini ullakan aýalary bilen tutup, gyza tarap seredýärdi.

— Janyňy alyp barýar-a! — diýip, gyz aýdymyny gutaransoň ol kellesini ýaýkady.
— Dogry dälmi?

— Meň pensiýamam uly däl — diýip, goja açyk gepledi. — Emma ähli alýanjamy şu restoranda oturyp geçirýän. Şo gyzyň aýdymyny diňleýän. Ol size-de ýaradymy?

— Ýarady.

— Üns beriň, özem o gyz entek çaga-laýt. Ýüz-gözüne reňk çalsa-da, ýylgyrmagy öwrenenem bolsa, çagadygy bildirip dur. Käte meň agym tutuberýär.

— O ýene aýdarmyka?

— Ýigrimi baş minudy kem on bire çenli aýdar.

Ýaş ýigide konýak, salat, çişlik, goja bolsa şüle getirdiler.

— Atam, ýelmärmiň? — diýip, ýaş ýigit sorady.

Çüýşä nazaryny diken goja oýlandy-da, elini silkip goýberdi.

— Aý, guýsaňyz-la. Ýigrimi baş gram.

Daýaw ýaş ýigit kiçijik gök rýumka ýartyrak konýak guýdy-da, çüýşede galanynyň ýaryny öz bulguryna eňterip goýberdi. Özem derrew gäterdi.

— Eý, Alla! — diýip, goja gözlerini tegeledi.

— Näme boldy?

— Siz ony...

— Umuman aýtsam, men konýak diýilýän zady halamok. Aňkap dur.

— Içişniňize haýran galdym. Kim bolup işleýäňiz?

— Brigadir. Tokaý ýatyryýanlaň brigadiri.

— Alla kessin, men siziň bolşuňyza gözüm gidýär. Sähraýy ýerlerden edil bürgüt ýaly bolup uçup gelýäňiz-de... Elbetde, size bu ýerler darlyk edýändir. Duýýan, darlyk edýändir.

Ýaş ýigit hem çişlik iýdi, hem gürrüň diňledi.

— Içsene, atam!

Goja içdi, ardynjyrady, derrew nahara ýapyşdy.

— Köp mahal bäri içemokdym. Üç ýyl bäri.

— Siz ýeke özüňiz ýaşayan-a däl-siňiz?

— Ýalňyz özüm — diýip, ýaşuly baş atdy.

— Ýalňyzlyk erbetdir-le.

— Aý, men ýalňyzlygym barada pikirem edemok. Maňa şo gyz bolsa bolýa — diýip, goja ýap-ýaňy gyzyň aýdym aýdyp giden ýerine tarap ümläp goýberdi. — Gyzym däl-dir öýdemok. Hut öz gyzym ýaly gowy görýän. Şoň geljekki ykbalam meni gaty biynjalyk edýär.

— Ol seni tanaýamy?

— Tana nire!

— Gowy aýdýar. Çyrlap gygyrsalar halamok.

— Dogry, dogry.

Ýaş ýigit stoldan birneme daşlaşdy-da, patladyp döşüne urdy, uludan dem aldy.

— Çişlik-hä erbet däl ekeni.

— Siz birhili, öz-özüňize hojaýyn. Men beýtmegi başarman geçdim — diýip, goja tukat ses bilen dillendi.

Sazandalar ýene ýerlerine geçdiler. Ýene şol aýdymçy gyz çykyp, mikrofony düzedişdirdi.

Ýaş ýigit çilim otlandy.

— Geldi-ow! — diýip, ol aýdymça tarap göz ümledi.

Goja öwrüldi-de, göz gyýtagy bilen gyza tarap seretdi.

— Gözüim alanok. Äýnek dakynyp seretmegem halamok. Äýnegi gaty seýrek dakynýan.

Aýdymçy başlady. Aýdym ýaş gyzyň bir dymma ýigide aşyk bolup, görgi görşi, görgi görse-de, ony söýşi hakyndady.

Ýaş ýigit aýdymy diňläp, köpmanyly ýylgyrdy. Garry bolsa, ýene oýa batyp, dünýäni unutdy, ýene onuň aşaky dodagy sallandy, ýene onuň gözleriniň nury öçdi.

Gyz dowam edýärdi, gülüşdirýärdi, degişýärdi, «hawa» bilen «ýokdan» başga söz

diýmeýän akmakdan ýadandygyny aýdýardy. Aýdym gowudy, sadady, üstesine aýdymçam ony oňaryp ýerine ýetirýärdi. Aýdymçynyň gygyрман, çekremän, gürrüň berýän ýaly edip aýtmasy bolsa, ony hemme kişiniň gözüne gowy edip, öz ýakyn hossary ýaly edip görkezýärdi...

Ýaş ýigit öz kalbynda geň hem mähirli şatlyk alamatynyň dörändigini duýdy. Durmuş diýilýän zat kynçylygy, aladasyny öz ýany bilen alyp nirädir bir ýere ýitim boldy. Durmuşdan diňe bir owaz, — aýdymyň owazy galdy. Boşap galan durmuşda giň-giň ädim urup arkaýyn ýöräbermeli boldy.

Ýaş ýigit garra-da, özüne-de konýak guýdy.

— Hany, atam, ýene bir gezek götereli!

Goja garşylyk görkezmän içdi, başyny ýaýkady, dillendi.

— Men indi näderkäm?

— Hiç zadam etmersiň. Meňem şol aýdymçy gyza nebsim agyrýar — diýip, ýaş ýigit kalbyndakyny daşyna çykardy. — Agzynyň gyllygyny akdyryp oturan arakhorlara aýdym aýdyp berýär.

— Ýüregim bolduň! — diýip, garry akja barmagyny goňşusyna tarap çommaltdy. — Sen şoňa öýlen. Öýlen-de, nirä bolsa-da bir ýere alyp git. Sibire äkit. Sen şony şeýtmegi başarmaly. Sen zor ahyryn.

— Birinjiden-ä, men eýýäm öýli-işikli — diýip, ýaş ýigit garşylyk görkezdi. — Ikinjidenem, nä ol Sibire gider öýdýänmi? Oýlan.

— Seň bilen gitmeli bolsa, gider.

— Häý, näbileýin.

Gojanyňky birneme ýetdi. Ol agzyny süpürdi-de, öljümek ýaglygyny stoluň üstüne taşlap öwüt beriji gepledi.

— Gidermi, gitmezmi? Hiç mahal olar ýaly näbelli söz diýmegin. Gördüň-ä, adam seň kömegiňe mätäçmi, sorap durma-da, kömek et. Üstesine, Alladan nägile bolar ýalama-a däl sen. Hudaý saňa güýjem beripdir, kuwwatam.

— Men öýlenen diýdim-ä. Bolşuň nähili seň?

— Men diňe ol hakda aýdamok. Men umuman aýdýan... Hany, maňa ýene, ýene bir gezek guý-la. Şu gün-ä birhili meň keýpim gaty gowy.

Ýigit garra-da, özüne-de guýdy.

— Sen bir gowy adamyny ýadyma saldyň... Sen gygyryp bilýäňmi?

— O nähili gygyrmak?

— Hany gygyr?

— Näme üçin gygyrmaly?

— Men diňläp görjek. Gygyr.

— Gygyrsam, ikimizem bu ýerden çykaryp kowarlar-da.

— Kowsunlar! Hany aýy bolup gygyr. Haýyş edýän.

Ýaş ýigit bulguryny goýdy-da, öýkenini howadan dolduryp, aýy bolup gygyrды.

Tans edip ýörenler saklandylar, töwerekdäki stollaryň başynda oturanlara çenli aňkarylyşyp seredişdiler.

Goja ýaş ýigide guwanç bilen seretdi.

— Gaty oňat. Meň bir ýoldaşym bardy, olam surat mugallymydy... Boýy seňkä görä belendiräkdі... Baý, şol gygyrmaga ökde-dä. Soň ol gaplaň tutýan awçy boldy.

Sen gaplaňyň nähili tutulýanyňy bilýäňmi? Osal duran gaplaňyň üstüne gygyrýalar welin, ol garaşylmadyk galmagaldan haýygyp, art aýaklarynyň üstüne çökäýýär...

Ýene sahnajykda peýda bolan aýdymçy gyz nätanyş bir aýdyma başlady. Ýaş ýigit ol aýdymyň sözlerinem aňsyryp bilmedi, asyl ol aňsyryjagam bolmady, ýene mähnet kellesini tutup, diňlemäge başlady.

— Şu gyzy äkideli, gardaş — diýip, ol ýaşula ýüzlendi. — Ol biziň klubumyzda aýdym aýdar.

— Äkideli — diýip, goja derrew ylalaşdy. — Şony äkitseň, meňem ýüregim aram tapjak, ynjaljak. Äkideli, Wanýa.

— Men Wanýa däl, Semýon.

— Tapawudy näme? Äkideli, oglum, äkideli. Bir adamyny beladan gutararys, äkideli.

Gojanyň sözlerini diňläp oturan ýaş ýigidiň gözleri çygjardy. Onuň mähnet ýumruklary özünden erksiz düwölüp, stoluň üstünde ullakan daş ýaly bolup görüldi.

— Senem meň bilen gidersiň.

— Men? Giderin. — Goja kiçijik ýumrugyny stola gütledeip urdy. — Biz o gyzy aýdymçy ederis, hakyky aýdymçy. Men o zatlaň manysyna düşünýän. O zatlardan meň başym çykýar.

Hyzmatçy aýal geldi.

— Ýoldaşlar, size näme boldy? Gygyrýaňyz, galmagal edýäňiz. Siz tokaýda däl ahyryn. Dogry dälmi?

— Hany gyzyberme — diýip, ýaş ýigit ýüzüni galdyrdy. — Bizem dikdüşdi däl.

— Siz bilen hasaplaşmak bolýarmy? — diýip, hyzmatçy aýal ýaşula ýüzlendi.

— Rahatlanyň — diýip, goja jogap berdi — Öz işiňiz bilen boluberseniz-le!

Ýaşula geň galyp sereden hyzmatçy aýal ol stoldan daşlaşmaly boldy.

— Men ömür boýy güýçli bolmak, adamlara medet bermek arzuwynda geçdim. Bolmady. Men ejiz.

— Gam çekme. Muny görýäňmi? — diýip, ýaş ýigit ýumrugyny görkezdi. — Meň bilen tirkeşseň, hor bolmarsyň. Bir uramda gabat geleniň külüni çykararyn.

— Wah, men tutuş ömrümi manysyz, netijesiz ýaşadym-da, Wanýa! Haýpym gelýär-ä.

— Näme üçin?

Goja ýaş ýigide gezek bermän, diňlemän, özi gürlledi.

— Olam şolar ýaly aýdym aýdýardy. Olam şo gyz ýalydy... Barypýatan aýdymçydy! Menem şu oturyşym ýaly oturyp, aýdymyny diňlärdim. Şonam halas etmelidi. Ofiserlerem bardy... O waka gaty ir bolupdy. Görmegeýdiler! Tfu-u... Men ýalňyşan bolsam gowy bolardy, menem il ýaly içen bolsam beýle bolmazdy. Batyrrak bolardym. Men ömrüm boýy ýekeje gezegem ýalňyşan adam däl, Wanýa. — Goja körjümek gözlerini gyrpyldadyp, öz döşüne urdy. — Ömürboýy bir hokga-da çykaramok. Sen şoňa ynanarmyň?

— Şeýle bolsaň, näme armanyň bar?

— Birem etmiş edip göremok. Şolam meň işimi gördi. Iliň maňa nebsi agyrsa, men ony sylagdyr öýdüp düşündim. Özüm başgany söýemde bolsa, kän oýlandym, gorkdum, çekindim.

— Artygrak ýelmäýdiň öýdýän, atam. Hany garban!

— Seň düşünmeýäniňem gowy zat. Olar ýaly zada düşünmezlikden gowusy ýokdur.

— Sibire gidýäsmi?

— Gidýäs. Men muny içäýeýin?

— Iç.

Goja konýagy içdi-de, rýumkany pola urup kül etdi, yzyndanam döşüni stola berip, möňňürdi.

Olaryň oturan stoluna tarap bir topar hyzmatçy, gapy saklaýan adam ýöneldi. Ýaş ýigit gözlerini süzüp, olara seretdi. Ol gojany goramaga taýyndy. Asyl ol gojany goramaly boljak ýagdaýyň ýüze çykmagyny isledem.

— Bu nä boluş?

— Biz Sibire gidýäs — diýip, ýaş ýigit haýbat bilen jogap berdi.

— Gidipsiňiz, taň edipsiňiz, betçilik etmek nämä gerekdi?

— Biz betçilik edemzok. Aýdym diňleýäs.

— Ol gaty ýaramaz aýdýar ahyryn, Wanýa. Oň aýdýan aýdymalaryny diňläň ýaly däl — diýip, goja hem gözýaş etdi hem gepledi. — Seň hälki aýa öýkünip gygyryşyňam muň aýdymyndan müň paý ýakymly. O gyz aýdym aýdyp bilenok. Ýöne gep onda däl. Gep düýpden başga...

— Döwlen rýumkanyň bahasyny kim töleýär?

— Men töleýän, men — diýip, ýaş ýigit goja geň galyp seredip otyrka seslendi. — Ähli zada men töleýän.

Hyzmatçy aýal hasap-hesip edip bolýança şugundyr ýaly gyzylymtyl kellesini tutup oturan goja ýuwaşjadan aglady hem samyrdady.

— Wah, Wanýa, Wanýa! Sen wagşy, sen wagşy, ezizim... Aýa öýkünip gygyryşyň nähili gowy boldy! Laçyn! Jeňňele gideli, jeňňele. Gideli. Sibire gideli!

— Şu adamyny tanaýaňmy? — diýip, hyzmatçy aýal pyşyrdap sorady.

— Şunumy? — diýip, ýaş ýigit pikirlendi. — Bu baryp ýatan intelligent. Häzir ol pensiýada.

Hyzmatçy aýal goja tarap nebsagyryjylyk bilen seretdi.

— Bu goja restorana ýygy-ýygydan gelýär. Ýöne içenokdy. Şu gün-ä muňa bir zat boldy. Öýüne özüňiz äkideweriň, ýogsam eltilýän ýere düşäýmesin.

Daýaw ýigit hyzmatçy aýala jogap bermedi-de, ýaşulynyň golundan tutup ýerinden turdy. Goja oňa garşylygam görkezjek bolmady. Ol diňe:

— Wanýa, nirä? — diýip sorady.

— Häzirlikçe meň nomerime gidýäs. Ertirem Sibire ugraýas.

Myhmanhanadaky nobatçy aýal gojany Semýonyň nomerine goýbermejek bolup, nadaralyk baryny etdi. Semýon gojany saklap durşuna, nobatça tarap gapdalyny öwürdi-de:

— Jübümde pul bardyr. Näçe gerek bolsa alyň. Ýöne inirdiňizi eşitmäýin — diýdi.

Nobatçy açary berse-dä berdi welin, duýduryş barynam ýagdyrды.

— Ertiriň özünde myhmanhanadan garaňzy saýlamaly borsuňyz.

— Ertir biz Sibire gidýäs.

— Sibire, Wanýa, Sibire. İn bolmanda, men adam ýaly bolup bir öleýin-dä — diýip, goja samraýardy.

— Gapyny açar bilen açma, aýagyň bilen aç, aýagyň bilen. Bir gezejik aýagyň bilen dep — diýip, ol haýyş etdi. — Ýalbarýan, bir depip goýber, gapy kül-uşak bolsun. Soň oň bahasyny töläýeris.

— Köşeş, atam, köşeş ahyryn — diýip, Semýon ýalbardy. — Sen-ä halys gyzaýdyň. On baş sutka barada ukaz çykdy ahyryn.

— Zatdan gorkma, zatdan.

Ýaş ýigit gapyny açdy, gojany emay bilen krowatda ýatyryp, köwşüni çykardy. Haçanda ol penjeginem çykarjak bolanda, goja näme üçindir garşylyk görkezdi.

— Çykarma. Men şeýdip ýatjak. Islämok, kömege çagyramok, zarynlamok...

— Ýat onda — diýip, Semýon çyrany söndürdi-de, diwana geçip gysardy.

— Sibire barýasmy, Wanýa? — diýip, goja sorag berdi.

— Sibire ertir gidýäs. Häzirlikçe ýatyp, ukyny almaly.

— Ýatýas onda. Ah, Wanýa, Wanýa...

— Ukla, atam, ukla.

...Ertesi ýaş ýigit stoluň üstünde ýatan hatjagazy alyp okamaly boldy.

«Wanýa, men seň bilen Sibire gidip biljek däl. Eden hyzmatlaň üçin köp sag bol. Hoş!».

Goja hiç ýerde ýokdy. Myhmanhananyň nobatçylary «Ol irden çykyp gitdi» diýip jogap berdiler.

1970 ý.

Rus dilinden türkmen diline terjime eden Atajan Tagan.

Случай в ресторане

В большом ресторане города Н. сидел маленький старичок с голой опрятной головкой, чистенький, тихий, выглаженный. Сидел и задумчиво смотрел в окно - ждал, когда принесут ужин.

- Свободно, батя? - спросил его сзади могучий голос.

Старичок вздрогнул, поднял голову.

- Пожалуйста, садитесь.

Сел огромный молодой человек в огромном коверкотовом костюме, на пиджаке которого отчаянно блестели новенькие черные пуговицы. Старичок уставился в глаза парню - почему-то в них приятно смотреть: они какие-то ужасно доверчивые.

- Что, батя? - спросил детина. - Врежем?

Старичок вежливо улыбнулся.

- Я, знаете, не пью.

- Чего так?

- Годы... Мое дело к вечеру, сынок.

Подошла официантка, тоже засмотрелась на парня.

- Бутылочку "Столичной" и чего-нибудь закусить, - распорядился молодой человек. - Шашлыки есть?

- Водки только сто грамм.

Детина не понял.

- Как это?

- Положено только сто грамм.

- Вы что?

- Что?

- Мне больше надо.

Старичок, глядя на парня, не вытерпел, засмеялся тихонько.

- Знаете, - сказал он официантке, - мне ведь тоже положено сто граммов? Так принесите ему двести.

- Не положено. Шашлык... Что еще?

Детина беспомощно посмотрел на старичка.

- Что это?.. Она шутит, что ли?

Старичок посерьезнел, обратился к официантке:

- Вы ведь знаете: правил без исключения не бывает. Видите, какой он... Что ему сто граммов?

- Нельзя, - спокойно сказала официантка и опять с удовольствием, весело посмотрела на парня. - Что еще?

Тот понял ее веселый взгляд по-своему.

- Ну, хоть триста, красавица, - попросил он. - М-м? - И кокетливо шевельнул могучим плечом.

- Нельзя. Что еще?

Детина обиделся.

- Сто бутылок лимонада.

Официантка захлопнула блокнотик.

- Подумайте, потом позовете. - И отошла от стола.

- Выпил, называется, - горько сказал детина, глядя вслед ей. - Тц...

- Бюрократизм, он, знаете, разъедает не только учреждения, - сочувственно заговорил старичок. - Вот здесь, - он постучал маленьким белым пальчиком по белой скатерти, - здесь он проявляется в наиболее уродливой форме. Если вас не принял какой-то начальник, вы еще можете подумать, что он занят...

- Что же все-таки делать-то? - спросил детина.

- Возьмите коньяк. Коньяк без нормы.

- Да?

- Да.

Парень поманил официантку. Та подошла.

- Я передумал, - сказал он. - Дайте бутылку коньяка и два... Батя, шашлык будешь?

Старичок качнул головой.

- Я уже заказал себе.

- Два шашлыка, пару салатов каких-нибудь и курицу в табаке.

- Табака, - поправила официантка, записывая.

- Я знаю, - сказал детина. - Я же шучу.

- Все?

- Да.

Официантка ушла.

Детина укоризненно покачал головой.

- На самом деле бюрократы. Ведь коньяк-то крепче. Они что, не знают, что ли?

- Коньяк дороже, в этом все дело, - пояснил старичок. - Вы, очевидно, приезжий?

- Но. За запчастями приехал. Седня получил - надо же выпить.

- Сибиряк?

- С Урала.

- Похожи... - Старичок улыбнулся. - Когда-то бывал в Сибири, видел...

- Где?

- Во Владивостоке.

- А-а. Не доводилось там бывать.

Тут заиграла музыка. Детина посмотрел на оркестрантов. К микрофону подошла девушка, обтянутая сверкающим платьем, улыбнулась в зал... Детина спокойно отвернулся - ему такие не нравились. Девушка запела, да таким неожиданно низким, густым голосом, что детина снова посмотрел на нее. Девушка пела про "хорошего, не встреченного" еще. Удивительно пела: как будто рассказывала, а получалось - пела. И в такт музыке качала бедрами. Детина засмотрелся на нее...

Наплывали тягучие запахи кухни; гомон ресторанный покрывала музыка и песня девушки. Уютно и хорошо стало в большом зале с фикусами.

Парню все больше и больше нравилась девушка. Он посмотрел на старичка. Тот сидел спиной к оркестру... Взял голову в плечи и смотрел угасшими глазами в стол. Рот приоткрыт, нижняя губа отвисла.

- Пришла, - тихо сказал он, когда почувствовал на себе взгляд парня. И усмехнулся, точно оправдываясь, что на него так сильно действует песня.

А девушка все пела, улыбалась... В улыбке ее сквозило что-то не совсем хорошее. И все-таки она была красивая и очень смелая.

Детина обхватил голову громадными лапами и смотрел на нее.

- От зараза! - сказал он, когда девушка кончила петь. - А?

- У меня не такая уж большая пенсия, - доверчиво заговорил старичок, - и я ее, знаете, всю просиживаю в этом ресторане - слушаю, как она поет. Вам тоже нравится?

- Да.

- И обратите внимание: она же совсем еще ребенок. Хоть накрашена, хоть, знаете, этакая синевца под глазами и улыбаться научилась, а все равно ребенок. Меня иной раз слеза прошибает.

- Она еще петь будет?

- До без четверти одиннадцать.

Принесли коньяк, шашлык, салаты. Старичку принесли рисовую кашу.

- Выпьешь, батя? - предложил парень.

Старичок посмотрел на бутылку, подумал, махнул рукой и сказал:

- Наливайте! Граммов двадцать пять.

Детина улыбнулся, налил в синюю рюмку - половину, себе набухал в фужер и сразу, не раздумывая, выпил.

- Боже мой! - воскликнул старичок.

- Что?

- Здорово вы...

- Между прочим, я его не уважаю - вонючий.

- Завидую я вам... Вы кто по профессии?

- Бригадир. Лесоруб.

- Завидую вам, черт возьми! Прилетаете сюда, как орлы... Из какой-то большой жизни, и вам тесно здесь... Тесно, я чувствую,

Детина ел шашлык, слушал.

- Пей, батя.

Старичок выпил, крякнул и заторопился закусывать.

- Давно не пил, года три.

- Вы что, одинокий, что ли?

- Одинокий, - старичок кивнул головой.

- Плохо.

- Ничего... Я как-то не думаю об этом. Мне вот она, - кивнул он в сторону оркестра, где только что пела девушка, - дочерью, знаете, кажется. Люблю ее, как дочь. И ужасно боюсь за ее судьбу.

- Она знает тебя?

- Нет, откуда?

- Хорошо поет. Я не люблю, когда визжат.

- Да, да...

Детина отклонился от стола, гулко стукнул ладонью себя в грудь. Шумно вздохнул.

- Добрый шашлычишко.

- Вы - какие-то хозяева жизни. Я не умел так, - грустно сказал старичок.

Оркестранты опять взялись за инструменты. Опять вышла девушка, поправила микрофон.

Детина закурил.

- Пришла, - показал он глазами на нее.

Старичок обернулся, мельком глянул на девушку.

- Я не вижу. А в очках смотреть... как-то не могу, не люблю. Редко смотрю.

Девушка запела. Песенка была о том, как она влюбилась в молчаливого парня, мучилась с ним, но любила.

Детина слушал, задумчиво улыбался. Старичок опять ушел в себя, опять потух его взор и отвисла губа.

Девушка шутила, рассказывала, как она любила такого вот идиота, который умел произносить только "ага" и "ого". Хорошая песенка, озорная. Казалось, девушка про себя рассказывает - так просто у нее получалось. И оттого, что она рассказывала это всем, не боялась, казалась она такой родной, милой...

Детина ощутил в груди странную, горячую радость. Жизнь со всеми своими заботами и делами отодвинулась далеко-далеко. Остались только звуки ее, песня. Можно было шагать в пустоте, делая огромные шаги, так легко сделалось.

- Давай еще, батя! - Парень налил старичку и себе.

Старичок покорно выпил, закрутил головой и сказал:

- Это что же такое будет со мной?

- Ничего не будет. Мне тоже что-то жалко ее, - признался парень. - Поет тут пьяным харям.

- О!.. - Старичок нацелился на него белым пальчиком. - Женись на ней! И увези куда-нибудь. В Сибирь. Ты же можешь... Ты вон какой!..

- Во-первых, я женатый, - возразил детина. - А потом: разве ж она поедет в Сибирь? Ты подумай...

- С тобой поехала бы.

- Едва ли.

Старичка заметно развезло. Он вытер рот, бросил скомканный платок на стол, заговорил горячо и поучительно:

- Никогда не надо так рассуждать: поехала, не поехала. Увидел, человек нуждается в помощи, - бери и помогай. Не спрашивай. Тем более Бог ничем, кажется, не обидел - ты же сильный!

- Я женатый! - опять возразил детина. - Ты что?

- Я не о том. Я о тенденции... Налей-ка мне еще. Что-то мне сегодня ужасно хорошо.

Детина налил в синюю рюмку. И себе тоже налил в фужер.

- Ты мне напомнил одного хорошего человека, - стал рассказывать старичок. - Ты кричишь здорово?

- Как кричишь?

- Ну-ка рявкни, - попросил старичок.

- Зачем?

- Я послушаю. Рявкни.

- Нас же выведут отсюда.

- Та-а... Плевать! Рявни по-медвежьи, я прошу.

Детина поставил фужер, набрал воздуха и рявкнул.

Танцующие остановились, со всех столиков обернулись к ним.

Старичок влюбленно смотрел на парня.

- Хорошо. Был у меня товарищ, тоже учитель рисования... Ростом выше тебя... Ах, как он ревел! Потом он стал тигроловом. Ты знаешь, как тигров ловят? На них рявкают, они от неожиданности садятся на задние лапы...

Вышла певица и запела какую-то незнакомую песню. Детина не разбирал слов, да и не хотел разбирать. Опять облапил голову и сидел, слушал.

- Давай увезем ее? - предложил он старичку. - Она у нас в клубе петь будет.

- Давай, - согласился старичок. - У меня душа спокойнее будет. Давай, Ваня!

- Меня Семеном зовут.

- Все равно. Давай, сынок, спасем человека!

Детина слушал старичка, и у него увлажнились глаза. Пудовые кулаки его сами собой сжимались на столе.

- Ты тоже поедешь со мной, - заявил он.

- Я? Поеду! - Старичок пристукнул сухим кулачком по столу. - Мы из нее певицу сделаем! Я понимаю в этом толк.

К ним подошла официантка.

- Товарищи, что тут у вас? Кричите... Вы же не в лесу, верно?

- Спокойно, - сказал детина. - Мы все понимаем.

- С вас получить можно? - обратилась официантка к старичку.

- Спокойно, - сказал старичок. - Продолжайте заниматься своим делом.

Официантка удивленно посмотрела на него и ушла.

- Я всю жизнь хотел быть сильным и помогать людям, но у меня не получилось - я слаб.

- Ничего, - сказал детина. - Ты видишь? - Показал кулак. - Со мной не пропадешь: с ходу любого уколошу.

- Ах, как я бездарно прожил, Ваня! Как жалко... Я даже не любил - боялся любить, ей-Богу.

- Почему?

Старичок не слушал детину, говорил сам.

- А была вот такая же и тоже пела... Ужасно пела! И я так же сидел и слушал. Ее тоже надо было спасти. Там были офицеры... Это давно было. Красавцы!.. Тьфу! - Старичок затряс головой. - Лучше бы я ошибался, лучше бы пил, - может, смелее был бы. Я же ни разу в жизни не ошибся, Ваня! - Он стукнул себя в грудь, помигал подслеповатыми глазами. - Ни одной штуки за всю жизнь не выкинул. Ты можешь поверить?

- А что тут плохого?

- Ни одного проступка - это отвратительно. Это ужасно! Когда меня жалели, мне казалось - любят, когда сам любил - я рассуждал и боялся.

- Лишка выпил, батя, - сказал парень. - Закусывай.

- Ты не понимаешь - это хорошо. Не надо понимать такие вещи.

- В Сибирь-то поедем?

- Поедем. Я допью это?

- Пей, - разрешил детина.

Старичок допил коньяк, трахнул рюмку об пол. Она со звоном разлетелась. А сам лег грудью на стол и заплакал.

К их столику шли официантка и швейцар. Детина, прищурившись, спокойно смотрел на них. Он был готов защищать старичка. Ему даже хотелось, чтобы его нужно было защищать.

- В чем дело?

- В шляпе. Мы едем в Сибирь, - угрожающе сказал детина.

- Хорошо. А зачем же хулиганить?

- Мы не хулиганим, мы слушаем, как здесь поют.

- Она же бездарно поет, Ваня! Это ужасно, как она поет, - сказал старичок сквозь слезы. - Ты рявкаешь лучше. Талантливее. Она же не умеет петь. Но не в этом дело. Совсем не в этом...

- Кто будет платить за рюмку?

- Я, - ответил детина, с изумлением глядя на старичка. - Я плачу за все.

Пока официантка рассчитывалась с парнем, старичок, уронив на руки полированную головку, плакал тихонько. И бормотал:

- Ах, Ваня, Ваня... зверь ты мой милый... Как рявкнул! Орел!.. Улетим в тайгу. Улетим... В Сибирь!

- Кто это, не знаете? - тихонько спросила официантка.

- Это... - Парень подумал. - Это крупный интеллигент. Он сейчас на пенсии.

Официантка с жалостью посмотрела на старичка.

- Он часто здесь бывает, но никогда не пил. А сегодня чего-то...
Уведите его, а то попадет куда-нибудь.

Детина ничего не сказал на это, встал, взял старичка поди руку и повел. Старичок не сопротивлялся, только спросил:

- Куда, Ваня?

- Ко мне в номер. А завтра в Сибирь.

Дежурная по этажу заартачилась, не пускала в номер со старичком. Детина держал старичка; повернулся к ней боком и сказал:

- Достаньте в брюках, в кармане, деньга. Берите сколько надо, только не вякайте.

Дежурная глубоко возмутилась, отдала ключ, но предупредила:

- Завтра же вас здесь не будет!

- Завтра мы в Сибирь уезжаем.

- В Сибирь, Ваня!.. Я хоть помру по-человечески, - бормотал старичок. - Знаешь, не надо ключом - дай ногой разок, - попросил он. - Умоляю: садани хорошенько. Мы потом заплатим.

- Спокойно, - гудел детина. - Спокойно, батя. Вот раздухарился-то!..
Указ же вышел - нам с ходу счас по пятнадцать суток заделают.

- Не бойся!

Детина отомкнул номер и бережно положил старичка на кровать, снял с него туфли, хотел было снять пиджак, но старичок почему-то протестовал.

- Не надо, я так. Не жалею, не зову, не плачу...

- Ладно, - согласился парень. - Спи. - Выключил свет и лег на диван.

- В Сибирь, Ваня? - спросил старичок.

- Завтра. А сегодня спать надо.

- Спим. Ах, Ваня, Ваня...

- Спи, батя.

... Утром детина нашел на столе записку.

"Ваня, я не могу с тобой в Сибирь. Спасибо за все. Прощай".

Старичка нигде не было. Сказали: ушел рано утром.